

ISSN 0131-6044

РОМАН-12

ИЗДАНИЕ
ГОСКОМ-
ИЗДАТА
СССР
МОСКВА

(1114) • 1989

ГАЗЕТА

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Медведев

ПРОТЕЙ

Игорь Росоховатский

ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА

Юрий Михайлович Медведев родился в 1937 году в городе Красноярске в семье военного летчика. Работал грузчиком, трактористом, бетонщиком, затем поступил в военно-морское училище, получил диплом инженера-механика. После демобилизации из рядов Советской Армии окончил Литературный институт имени М. Горького. Работал в журналах «Техника — молодежи», «Знамя», «Наш современник», в газете «Комсомольская правда», в издательстве «Молодая гвардия». Ныне заведует отделом прозы в журнале «Москва».

Автор книг «Ночной аэродром», «Капитан звездного океана», «Колесница времени» и других.

Лауреат премии «Кубок Андромеды», ежегодно присуждаемой издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Произведения Ю. Медведева переведены на английский, болгарский, польский, сербский, чешский языки, а также на некоторые языки народов СССР.

Фантастическая повесть «Протей» была опубликована в сборнике «Простая тайна» («Молодая гвардия», 1988 г.).

Игорь Маркович Росохватский родился в 1929 году в г. Шпола Черкасской области на Украине. Окончил Киевский педагогический институт, работал в редакциях украинских газет. В 1954 году в издательстве «Молодь» появилась первая его книга — поэма «Мост (Слово об Иване Кулибине)». С тех пор вышло более двадцати книг, преимущественно сборники научно-фантастических повестей и рассказов: «Загадка «акулы», «Встреча во времени», «Каким ты вернешься?», «Ураган» и другие, а также исторический роман «Изгнание Изяслава». В соавторстве с доктором физико-математических наук А. А. Стогнием им написаны научно-художественные книги: «КД — кибернетический двойник» и «Двойник конструктора Васильченко».

Произведения И. Росохватского переводились и издавались в братских республиках и за рубежом: в США, Франции, Канаде, Японии, в социалистических странах.

По научно-фантастической повести «Гость» в соавторстве с И. Миколайчуком написан сценарий, по которому был снят фильм «Под созвездием Близнецов».

Научно-фантастические произведения И. Росохватского отмечались премиями на республиканских, общесоюзных и международных конкурсах (журнала «Техника — молодежи»), призом журнала «Уральский следопыт».

РОМАН-12

ИЗДАНИЕ
ГОСКОМ-
ИЗДАТА
СССР
МОСКВА

ГАЗЕТА

(1114)•1989

Основана в 1927 г.

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Медведев
ПРОТЕЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

В синеве, у преддверья бессмертия,
Сторожат одиночество гор
Время — неутихающий ветер,
Неусыпный отшельник — простор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенату Планетарной Безопасности надлежит в последний раз выслушать объяснения Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского по поводу его опоздания на вахту на 17 часов 38 минут.

ШЕРВИНСКИЙ: Ваша честь, я могу лишь повторить то же самое. 26 октября сего года я возвращался после однодневного отдыха на озере Алакуль к месту очередной вахты в Космогорск. На магистрали 19 дробь 37 бис, когда до Космогорска оставалось примерно полтора часа езды, двигатель моего служебного элекара внезапно заглох. Такое, как вы понимаете, маловероятно при пятикратном дуближе всех систем. Как и положено по инструкции, я вызвал по видеофону Службу Пути, но экран не загорелся, ибо все системы питания оказались обесточены. Даже часы остановились на 8.18, это я запомнил. Поскольку экран курсографа, как и все другие, погас, я силялся вспомнить последнюю картину на нем: до ближайшего населенного пункта — Кара-Булака — 273 километра, первый встречный элекар как раз оттуда выезжал, а позади, минут на 25 отставая от меня, одолевала выжженное урочище колонна винтоходов. По-видимому, спортсмены тренировались перед каким-то ралли.

И тут из кабины я увидел: метрах в семидесяти — восьмидесяти, чуть справа впереди, висел парящий в воздухе объект. Прошлый раз я указал, что объект был похож на елочную игрушку. Теперь хочу уточнить: он был подобием человеческого мозга, только не разделен полушариями. Нижняя

© Молодая гвардия, 1988.

Во избежание инотолкований автор просит считать всех персонажей повести, равно как и все события в ней от начала и до конца, вымышленными.

половина, темная, непроницаемая, заканчивающаяся чем-то вроде гофрированного обода, при приближении оказалась фиолетово-черной, с серебристым отливом. Я говорю — при приближении, потому что объект стал приближаться к элекару. При этом он медленно снижался, так что я смог оценить не только угловые размеры, но и линейные. В поперечнике «мозг» был метров тридцать, по вертикальной оси — около восемнадцати. Глаз у меня точный. Да, я забыл прошлый раз указать, что приближался он не по прямой, а как-то змейкой, с довольно крутыми виражами. Шума или гула не слышалось, даже юго-западный ветер, мне почудилось, поутих, а денечек выдался ветреным.

Не скажу, чтобы я особенно встревожился, а тем паче испугался, нет. Внимание мое привлекла верхняя половина «мозга» — полупрозрачная, в более мелких выпуклых ячейках, чем нижняя. Там, наверху, вершилось настоящее светопредставление, прошу обратить внимание на это слово, представление, спектакль со световыми эффектами. Во-первых, где-то глубоко внутри то и дело вспыхивали молнии, сопровождаемые... нет, не звуками, а разноцветными, медленно возникающими и разрушающимися протуберанцами. Опять не совсем правильно. Никакого сопровождения не было. Молнии светились, поблескивали в самих протуберанцах, причем молнии не остроугольные, к каким мы привыкли, а змеистые, с достаточно плавными обводами, а некоторые напоминали даже непрерывную цепь, я имею в виду форму. Ну, к примеру, якорная цепь.

Во-вторых — это я о световых эффектах, — и на поверхности ячеек мигали, роились точечные огни, все больше с синеватым отливом, как на звездных школьных глобусах. Время от времени на остриях этих пульсирующих огней восставали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри, под стать цвету гофрированного обода. Я имею в виду, что восставали они на внешней ячеистой поверхности «мозга». Самое грубое сравнение: подобно колючкам ежа.

Здесь, в Сенате, меня неоднократно спрашивали, ваша честь, какие чувства я испытывал при приближении «мозга». Я отвечал, что время для меня как бы замедлилось, растянулось, так бывает при нависшей смертельной опасности. Теперь добавлю: само мое мышление стало перестраиваться и... минутку, я попытаюсь рассказать об этом подробней.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дело, видимо, не в подробностях, нас интересовал бы главный принцип в такого рода перестройке, Старший Инспектор Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ: Если уйти от ученых выражений, скажу коротко: я вдруг поумнел. Не улыбайтесь, пожалуйста, коллеги. Меняю «поумнел» на «прозрел». Помните, у Пушкина: «И внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». То же произошло и со мной. Я почувствовал: могу без запинки прочитать всего Гомера, причем я видел, как наяву, как со спутника, землю Древней Эллады, где строки «Одис-

сеи» наподобие гирлянд из живых цветов плыли по волнам Эгейского моря. Или назвать любую дату мировой истории, описать любое, самое захудалое, событие и опять-таки — даже не описать, а «пересказать» глазами очевидца, поскольку событие проянялось в памяти рельефно, красочно, звучаще. Неожиданно я представил себе неведомые мне прежде дифантогональные уравнения — и вот они, выются вокруг «мозга», точно ласточки вокруг гнезда, — я сразу понял их математическую сущность. Вспоминалась мне марсианская трагедия с «Обимуром», где, как вы знаете, погибли Брэдли и Тодор Кынчаков, и вдруг стало ясно: это я, я ошибся в выборе места посадки для «Обимура»! А ошибся потому, что был ослеплен мнемосхемой при включении тормозных реверсов и принял показания датчиков гравитационного поля за индекс твердости грунта, вследствие чего мы и ухнули в эту трехкилометровую пропасть, и вину с Кынчакова, пусть и посмертную, надо снять. Да, снять, переложив на меня. Если угодно, считайте это официальным заявлением...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенат принимает к сведению это официальное заявление, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: О своих небесных прозрениях при встрече с «мозгом» больше пока что распространяться не стану. Коснусь строки «И гад морских подводный ход...». Морские гады всегда мало меня занимали. А вот земные... Я подумал: когда-то еще явится возможность заглянуть в прошлое, дай не упущу шанс. Много лет меня волновала загадка смерти, точнее, омерзительных событий, воспоследовавших вскоре после кончины одного моего родственника по материнской линии — всемирно известного ученого и писателя прошлого века, путешественника, историка, философа, провидца. А события такие: в дом покойника нагрянула по ложному доносу орава пытливых граждан с соответствующими удостоверениями, перерыли все вверх дном, рукописи постранично перелистали, книги, письма, личные вещи потрясла, стены миноискателями просветили, даже урну с прахом покойного. Что вынюхивали, спросите? Полторы тонны золота, якобы привезенных хозяином дома из далеких экспедиций. Конечно, чушь, бред, ахинея, все это понимали. в том числе и большинство тех, пытливых, ведь ученый-то был бесребреником: ни автомашины, ни дачи, ни дорогих побрякушек — о, в прошлом веке такое для большинства было свидетельством социального и даже интеллектуального престижа. Впрочем, вы и без меня знаете. Так вот, всю жизнь меня мучило, кто донос настроил, кто измыслил ахинею о презренном металле, какую цель преследовал, хотя насчет цели — ясно: после обыска лет десять имя светлое замалчивалось, даже из кроссвордов его вычеркивали. В средневековые на Руси это называлось «мертвой грамотой»...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвлекаешься, Старший Инспектор! События и впрямь омерзительные, но применительно к сегодняшнему нашему разговору не так уж и важные...

ШЕРВИНСКИЙ: А случись эти не так уж важные события после вашей смерти? Или моей? Труд-

но представить? А родным, близким, ученикам под-
вергнувшегося кошунству после кончины — легко?..
Впрочем, закругляюсь... И увидел я тех, кто бред
этот выдумал, подтолкнул подлый розыск. Двух уви-
дел, состоящих в родстве. Один худой, желчный,
точь-в-точь инквизитор. Изохренный в подлости, да-
же звездное небо в окуляре телескопа населявший
мёрдобоем галактических масштабов, ненавистью ко
всёму, что нетленно, гармонично, красиво, вековечно.
Другой грузный, с зобом, как у индюка, крикун, до-
носчик, ставливающий всех со всеми, пьяница, пред-
ставитель племени вселенских бродяг, борзописец,
беллетрист, переводчик. При жизни всемирно про-
славленного гения оба слыли его учениками, случа-
лось учителю их защищать, а после смерти его ни
разу не позвонили вдове. Я увидел подноготную под-
лости, микромолекулярную схему зависти. И только
ради одного этого открытия стоило потерять в жиз-
ни день. Ничего, ничего уже случилось с Магелланом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Магеллан, а если быть скру-
пулезно точным, то его экспедиция, потеряв в кален-
даре день, впервые в истории совершили кругосвет-
ное путешествие, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: Понял намек, ваша честь. Но
что поделаешь, если я потерял сознание сразу по-
сле того, как «мозг» завис над элекаром, опустился
и накрыл элекар. Прежде чем оказаться внутри обо-
да, я успел заметить: снизу обод не сплошное коль-
цо, а около пяти-шести параллельных колец, вернее,
эллипсов, причем каждый состоит из отдельных сег-
ментов. Все сегменты пребывали в постоянном дви-
жении как относительно соседних, так и самих себя,
обладая всеми шестью степенями свободы, вроде ин-
фузорий в растворе. Хочу подчеркнуть упорядочен-
ность их постоянного движения, хотя выражаюсь, ви-
димо, невразумительно. Без подробной схемы не
обойтись, и я ее впоследствии набросаю.

Довольно отчетливо вспоминаю также множество
блестевших, как золото, сужающихся к концам кан-
атов в жерле обода, они извивались, как щупальца
медузы. И еще: когда обод уже накрыл элекар, я
оказался в водопаде непривычно высоких звуков,
ушам стало больно, пришлось их зажать ладонями,
но не помогло. Дальнейшую потерю памяти я связы-
ваю именно с этими неприятными звуками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так ничего и не вспомнилось,
Старший Инспектор?

ШЕРВИНСКИЙ: Сегодняшней ночью, хотя не
рискну употребить слово «вспомнилось», то ли при-
снилось, то ли пригрезилось, а по-старинному при-
мстилось. Будто лежу обнаженный, погружен в свет-
ло-голубой раствор, весь, с головой, а сплошь по те-
лу — присоски от щупалец, вроде тех, позолоченных,
только цвет уже другой — ярко-зеленый. Тысячи щу-
палец, заметьте. И звуки все те же, невыносимые,
особенно в обертонах. Такое ощущение, что с тебя
снимают копию. Если же...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Святослав Шервинский, в ви-
де исключения позволю тебя прервать! Остальное
нам известно. В 01.57 следующего дня ты обнаружил
себя в том же самом элекаре и на том же самом

месте, где отказал мотор. Мотор завелся, все схемы
задействовались, и ты, следуя Специнструкции, свя-
зался лично со мною.

ШЕРВИНСКИЙ: И заметьте, сразу вам все рас-
сказал. Не понимаю одного: зачем вы заставили ме-
ня, члена Сената, в последующие дни, а дважды и
ночью, пересказывать одно и то же? Зачем эти до-
просы? Разве Старшие Инспекторы лгут? Тем паче
члены Сената?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты не хуже меня знаешь, что,
как и зачем, бывший Старший Инспектор Сената
Планетарной Безопасности! Хочу тебя наконец по-
радовать: опросы кончились, ты вновь назначен —
именем Сената — командиром «Обямура». Космофлот
немедленно дал предварительное согласие, мне по-
казалось, они там даже возликовали, получив изве-
стие о возвращении своего лучшего капитана, по-
клявшегося еще в детстве облететь нашу Галактику,
если верить книгам о твоих подвигах во Внеземелье.
Почему ты молчишь?

ШЕРВИНСКИЙ: Это тяжелое наказание, ваша
честь. Вы же понимаете: теперь в переходах и руб-
ках мне будут грезиться, мститься Брэдли и Кынча-
ков. Дайте другой транспортный астероид, коллеги!
Любой другой, но не «Обимур».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сожалею, капитан Шерви-
нский, решение Сената окончательное. Взгляни на ку-
пол Сената: двенадцать ущербных лун и лишь одно
солнце. Солнце, между прочим, выставил я, хотя
поначалу и склонен был предъявлять тебе обвинения
гораздо более серьезные, нежели обвинения моих кол-
лег, присутствующих на опросе.

ШЕРВИНСКИЙ: Как понять — еще более серь-
езные обвинения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Причем порядка сугубо этиче-
ского. После тайнственного исчезновения тебя будто
подменили. К нашему изумлению, ты вдруг принялся
публично высказываться о самом нашем Сенате. При-
чем в тонах неодобрительных, точнее, злопыхатель-
ских. Зачем эти демагогические разглагольствования
о каких-то немислимых привилегиях сенаторов?
О персональных планетолетах. О виллах в райских
уголках земного шара, вроде бы смахивающих на
дворцы Гаруна аль-Рашида. О якобы имеющем ме-
сто вмешательстве членов семей сенаторов в обще-
земные дела. О пожизненной узурпации мною долж-
ности Председателя — хотя такая фантазмагория во-
обще ни в какие ворота не лезет. Поползли сплетни,
покатились слухи. Опять поднимают бучу крикуны
из сообщества «Ангелы Мнемозины». Нехорошо.
И потому еще нехорошо, что в Сенате ты — без го-
ду неделю. Пригляделся бы, пообвык — глядишь, и
понял: никаких противоправных благ ни у кого из
нас нет. Благо землян, их космическая безопас-
ность — иных целей Сенат не преследует.

ШЕРВИНСКИЙ: Значит, меня, члена Сената, вы-
дворяют во Внеземелье только из-за сплетен и слу-
хов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Только за то, что семнадцать
с лишним часов ты пребывал неизвестно где, общал-
ся неизвестно с кем, делал неизвестно что. Твой ле-

пет о летающем «мозге» вообще смехотворен. Каждый из нас, от Инспектора до Председателя, обладает слишком обширной информацией, располагает слишком большим могуществом, чтобы позволять себе подобное времяпрепровождение... Счастливого плавания на «Обимуре», капитан!.. Кстати, посмотри еще разок на сенатский купол: я тоже выставляю ущербную луну вместо солнца.

ШЕРВИНСКИЙ: Какое это имеет теперь значение? Очередной фарс?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для архивов истории все имеет значение, бывший член Сената Планетарной Безопасности!.. Я полагал, ты спросишь о причине перемены моего мнения относительно тебя и твоей судьбы. Знай же, что ты совершил еще одну ошибку. Следуя твоей логике, подкрепленной цитатой из Пушкина, ты должен был не выискивать доносителей на деятелей прошлого, пусть и великих, а озаботиться загадкой катастрофы, учиненной «Протеем».

ШЕРВИНСКИЙ: Представьте себе, озаботился. Но безрезультатно. Будто заклинило. Как стеною китайскою отгородило. Я даже почувствовал укол в мой собственный мозг. Вот сюда, над ухом.

2

Сквозь прозрачный купол, подсиненный небесами, виднелись сразу три сияющих на солнце вершины — пик Абая, пик Абиша и пик Ануара. Ветви растений хищно тянулись к свету. По контрасту с белизной окружающих вечных снегов сад под куполом представлялся слишком зеленым, даже неестественно зеленым. Цвел жасмин, а миндальные деревья уже отцвели, и чтобы не переугнать наклонившегося над жасминной веткой, я сначала кашлянул и лишь немного погодя сказал:

— Сенат приветствует вас, Емельян Иммануилович!

Все же он вздрогнул, обернулся и инстинктивно, как то под-детски, защитился цветущей веткой.

— Здравствуйте, Инспектор, — сказал он. — Спасибо, что навестили узника. Правда, ждал я вас дней через пять, не раньше, вот и не по себе стало от чужого голоса, тем более такого густого, как ваш. Да и обычно за день до визита меня предупреждали.

— Это, извините, не визит, а, согласно второму пункту инструкции Сената, акт дознания, — как можно мягче сказал я. — И прибывать к дознаваемому можно без предупреждения, пункт седьмой «б». Зато следует предупреждать того же дознаваемого, чтобы он не приближался к представителю Сената ближе шести метров, пункт седьмой «к».

— Но другие инспекторы подходили совсем даже близко, — растерялся он. — Разве вы мне не доверяете? Я что, накинусь на вас, оглушу этой вот веткой, переоденусь в вашу униформу — и был таков? Как граф Монте-Кристо? Помилуйте, я близорук, намного слабее вас и даже не умею водить аппарат, на котором вы сюда пожаловали. Ну... как его... Вечно забываю название этих драндулетов.

— Элекар, — сказал я.

— Даже оглуши я вас и умею водить э-ле-кар — что случилось бы? Куда ехать? Где скрываться, да и зачем? — спрашивал он. — Я не женат, родители погибли на Меркурии, лучшего дома, чем здесь, среди горных снегов, и не придумаешь, хвала вашему Сенату... А к «Протею» меня и на пушечный выстрел не подпустят, как выражались в старину. Персона нон грата, так ведь?

Я сказал:

— Образ ваших мыслей мне понятен. Тем более держитесь не ближе шести метров.

— Может быть, ужесточился процесс дознания? — вкрадчиво осведомился Емельян. — Да вы не стойте, присядьте на белую скамеечку, она справа от вас, я сам ее соорудил по чертежам позапрошлого века, люблю, знаете ли, старину... Я тоже присяду, вот на этот пенечек березовый, тоже моя поделка... Как внизу? Алма-Ата? Дивный город, верно? А сады, луга альпийские? Вы ведь видели их, поднимаясь ко мне, в мое respectableное узилище? Кто подумает, что подобие «летающей тарелки» о четырех лапах-опорах, приземлившейся на снега поднебесного ледника Туюк-Су, служит камерой-одиночкой, нет, виллой-одиночкой для преступника планетарного значения? Значения, оттенка, масти... Белокурая бестия — похоже на меня, а? Светлые волосы — это от предков по отцовскому древу, отец из поволжских немцев, сто лет назад еще говорили в здешних краях и на Алтае: «остзейские немцы». Так что и я, коли угодно, остзейский, отсюда и отчество, вы сразу небось вспомнили Иммануила Канта. Не забыли его знаменитый постулат? «Живи и действуй так, будто от каждого твоего поступка зависит судьба мироздания». Понимаете? Судьба мироздания!.. Кстати, этот постулат не мешало бы вывесить у вас в Сенате. Помню, помню этих господ-товарищей-граждан. «Одиночное пребывание в местности по выбору преступника — впредь до особого распоряжения Сената». Каково? Кавалькаду лун вывесили мне на небосводе сенатском ангелы прогресса... Хотя, если подумать... Сошли меня в многолюдный город, в толпу, в челевичий муравейник, в желе социальное, в студень орды, в сыровую массу толкучки — и я скоро отдам концы. Привык к одиночеству, знаете ли.

— Однако распоряжение Сената относительно вашего одиночного пребывания в этих стенах принято не столь давно, чтобы в полной мере насладиться одиночеством, — с легкой улыбкой сказал я.

— А долгие годы дежурства у Главного пульта «Протея»? — возразил узник. — Одиночество, конечно, и здесь, но — как бы это выразиться? — некачественное. Нигде не скрыться от стерегущих глаз, экраны везде понатыканы, слухачи электронные. Даже в бассейне, в коем люблю, грешник, понырять, и возле коего вершится сейчас очередной акт дознания...

— Не тревожьтесь, пожалуйста, на время акта дознания все следящие устройства отключаются, — попытался я успокоить затворника. — Пункт сто двадцатый Инструкции.

— Да сколько ж в ней пунктов, черт побери! — бес-

379

причинно разволновался дознаваемый. — Даже у меня в операторской их было меньше!.. Впрочем, извините... Эх, жалость, не могу отсюда разглядеть ваше лицо, но униформа так и сияет галунами и заклепками... Вас сразу пропустили роботы на въезде? Ну да, поднимая, суετε в щель визитку с кодом Сената, вжик! — и пробуравлена в силовом поле дыра для высокого гостя. Иначе сюда, ко мне, муравей не заползет, не то что сообщник. Невидимый колпак над тарелочкой летающей похлеще броневой.

— Однако «Протей» смог пробить брешь в подобном силовом колпаке. С вашей помощью, Емельян Иммануилович, — сказал я.

— Мне это уже инкриминировали в Сенате, — грустно заметил он. — А затем вывесили целую стаю лун и ни одного солнышка, включая и вашу, Инспектор, луну, или Селену, или Диану, если угодно. Вы пожаловали повторить обвинение и добавить мне срок?

— Старший Инспектор Шервинский пожаловал провести акт дознания, — сказал я. — Жалею, но мои предыдущие коллеги, кажется, не растолковали вам смысл нашего общения. Каждый из голосовавших или, как вы выражаетесь, выставивших вам луну, как и каждый из отсутствующих сенаторов, обязан лично посетить вас, опросить и при желании возбудить ходатайство на предмет пересмотра дела. И хотя я лично не принимал участия в решении вашей судьбы, поскольку в тот момент на Земле отсутствовал, все же не считаю себя вправе уклониться от акта дознания.

— А если я не хочу? — быстро спросил он. — Нет, не акта дознания, а пересмотра дела? Вдруг не скостят срок, а добавят.

— Сенат не сможет добавить. Тем более что срока наказания вам не сообщили.

— Не сможет добавить?! — Он потрогал бледной рукою высокий лоб. — Неужели... пожизненно?

— Вы неправильно меня поняли. Я могу лишь ходатайствовать об умалении срока, притом значительном. Если угодно, и о досрочном освобождении, с последующим восстановлением в правах.

— Каких правах?

— Гражданских, социальных, профессиональных. Любых.

— Как?! — выдохнул Емельян. — Меня могут даже восстановить в должности Главного оператора «Протея»?

— Даже так. Но для этого вы должны во всех подробностях объяснить мне свою роль в «Большом затмении», учиненном «Протеем».

— Как странно меняется ваш голос, Старший Инспектор, — сказал он в раздумье. — То был густой, с металлическим отливом, как и положено стражу законности, теперь же помягчел, чем-то даже напоминает мой собственный... Жаль, что не могу вас отсюда разглядеть. Вы, кажется, тоже блондин, да? А глаза — голубые? Зеленые? Серые? А сначала вроде бы брюнетом показались...

— Это из-за солнца, вероятно, — сказал я. — Видите, высоко поднялось, даже листья в вашем саду

посветтели. Иллюзия, смещение границы тьмы и света.

— Тьмы и света... — повторил он. — Ладно, расскажу, как вы просите, о тьме и свете, хотя ни на что не надеюсь... Сочку ананасового выпить не хотите? Или пообедать?

— Извините, но в ходе акта дознания не допускается разделять трапезу с дознаваемым, пункт двенадцатый инструкции Сената, — сказал я, улыбаясь. — К тому же не голоден. А вот на пару шагов ко мне скамеечку можете придвинуть.

— Благодарю за доверие! — так и просветлел он вместе со своим зимним садом и зеркальным бассейном. — Благодарю... С чего начать? Начну со светлой стороны, а уж теневое — потом. Договорились?

Я молча кивнул и незаметно нажал кнопку на отвороте униформы, включая еще один диктофон, дистанционный.

— Об академике Карамышеве Дмитрие Васильевиче слышали? Хотя чего я спрашиваю, любой школьник знает крестного отца «Протея». Это уж потом, много лет спустя, «Протей», усилиями школы Карамышева, стал Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системой, которой было доверено, увы ненадолго, управление электроэнергией всей планеты. А поначалу, эдак примерно в году две тысячи двадцать девятом, — царица небесная, почти четверть века отмелькало! — был он электронным мозгом, не более того, хотя и высокого, а затем и высочайшего класса. Вы, Старший Инспектор, если не секрет, специалист в какой области?

— Космонавигатор, — сказал я.

— Тогда опущу подробности, все равно не поймете. В те времена, когда Дмитрий Васильевич — мы его звали просто Дивом — значился только еще доктором наук, а я студентом, было, как вы знаете, два направления в разработке искусственного интеллекта. Одно — сугубо физическое — основывалось на свойстве высокоустойчивой плазмы хранить и считывать информацию. Другое — биологическое — развивалось на совершенствовании искусственных нейронов. Див — и в этом его величие — объединил оба направления. Так родилась идея «Протея», а затем — на моих глазах — и сам «Протей». Наверное, не следует вам объяснять, почему называли «Протеем». По имени многознающего древнегреческого божества, способного принимать любой облик — пантеры, дерева, лани, дельфина, лебедя, даже огня. В собственном же своем облике он был сонливым старичком всего-навсего. Но это так, к слову.

— Однако у этого старца, точнее, под его защитой, жила в Египте Елена Прекрасная, в то время как из-за нее разразилась Троянская война. Даже не из-за самой Елены, а из-за ее призрака, который обольстил Париса. Но это так, к слову, — сказал я.

В глазах моего дознаваемого что-то дрогнуло, и он спрятал взгляд.

— В своем нынешнем, законченном виде, к сожалению, вынужденно-законченном, поскольку его пока что отключили, точнее, посадили на голодную диету, наш «Протей» существует ровно десять лет. Сначала

система располагалась в Дубне, а затем весь комплекс перенесли в Горный Алтай, рядом с городком Майма, на берегу Катунь. Вам случайно не доводилось посещать «Протея»?

— Не доводилось. К сожалению. И вряд ли доведется, — отвечал я. — Туда никого не пускают теперь. Даже членам Сената нужно письменное разрешение Председателя.

— Фью-ю-ить! — озорно присвистнул Емельян. — А бывали времена, мы у Главного пульта вечеринки устраивали. Новый год встречали однажды, притом с шампанским, не верите? Див тогда уже академиком стал, а все равно как мальчишка: в глазах чертики, надо лбом вихор, ни секунды на месте, не зря мы его еще звали — Смерч. Э-э, всего не перескажешь... Покидаю царство света, во тьму погружаюсь, как обещал. К размовке, нет, к разрыву с Дивом перехожу. В разрыве оба мы виноваты, но главная вина — моя. Помните, как подбирал Сенат Главных операторов для «Протея»? Кандидатур осталось три, и столько же лет тянулась до этого волянка. Выбирали-то из нескольких тысяч. Все трое: Карпенко, Кириллин, я, ваш покорный слуга, — ученики Дива, все трое двойные доктора — физмат и био. Опять-таки все — с сильным типом нервной системы, не мне вам, космонавигатору, объяснять. Применительно к нам, пультавикам, это значит: испытывающие душевный и интеллектуальный подъем в минуты опасности, в состоянии стресса мгновенно решающие задачи, какие при спокойной работе им не по силам. Не стану рассказывать, какие проходили мы испытания, на сколько хитроумных вопросов отвечали. Но в решающий момент, помните, Див попытался вдруг снять мою кандидатуру, ему вдруг взбрело на ум, будто я слишком подвержен монотонии, могу не только задремать, но и заснуть на несколько минут в ситуациях ровных, спокойных. Голосование отложили на неделю, а пока меня домучивали тестами, я, в последний раз объяснившись с Дивом, да что там объяснившись — разругавшись в пух и прах, — накатал докладную Председателю Сената. Всю жизнь презирал доносительство, а тут как мутной волной окатило. О чем докладная? За пятнадцать лет совместной работы много чего узнаешь о человеке, много грешков поднакопляется. Были, были они и у Дмитрия Васильевича, включая один крупный подлог, когда он противозаконно получил несколько тонн дефицитной биомассы и всю ее спалил при неудавшемся эксперименте. Стыдно, конечно, такое вам рассказывать, но что ж поделаешь, трудно метаться меж светом и тьмою, вот и у меня коготки увязли...

Главным меня утвердили, хвала Сенату. А с Дивом, как прочитал он докладную — это уже после окончательного голосования в Сенате, — тут сразу с ним инсульт, а через полгода... Помните некрологи? Будь я проклят, бестия!

— И вы пошли на... — пытался найти я слово мягче.

— На подлейший донос, не церемоньтесь, на подлейший. Но ради чего — спросите вы. Нет, не ради престижа, самоутверждения. Другое. Ради мысли-

тельного комфорта, вернее, наслаждения особого свойства, подобного, если угодно, сладострастию, только высших форм, мыслительных. Вы не поверите, но, оставаясь у Главного пульта наедине с «Протеем», я чувствовал себя божеством. Память становилась всеведущей, как если б мой мозг напрямую подключался к плазменно-биологическому мозгу «Протея». Помните пушкинского «Пророка»? «И вняла неба содроганье...» Вдруг начинали проявляться закономерности потаенные, ну, например, процесс образования гор четыре с лишним миллиарда лет назад. Или неоднородность, а порою и прерывность потока времени. Нет, приведу пример понагляднее: я мог без запинки декламировать любую книгу, конечно, любую из когда-то читанных, причем строки возникали овеществленные: то неисчислимые стаи дельфинов резвились в волнах Понта Эвксинского, изображая стихотворную речь Гомера, то лебеди пронизывали северные небеса, воплощая строки «Старшей Эдды», или «Беовульфа», или русских летописей... Нет, без примера не обойтись. Тогда слушайте.

«1662 года ноября в 22-й день было тихо, и небо все чисто, а мороз лютый. В селе Новой Ерги и в деревнях, по захождении солнца, явилось на небе многим людям страшное знамение, о котором никогда не слыхивали. От солнечного запада явилось будто звезда великая и, как молния, быстро покати-лась по небу, раздвоив его; и протянулась по небу, как змей, голова в огне и хобот: и так стояло с полчаса. И был оттуда свет необыкновенный, и в том свете, вверх, прямо в темя человеку, показалась будто голова, и очи, и руки, и перси, и ноги разогнуты, точно человек, и весь огненный. И потом облак стал мутен, и небо затворилось; а по дворам, и по хоромам, и по полям на землю пал огонь, будто кужли горели; люди от огня бегали, а он, будто гоняясь за ними, по земле катался, а никого не жег, и потом поднялся в тот же облак. Тогда в облаке стало шуметь, и пошел дым, и загремело, как гром, или как великий и страшный голос, и долго гремело, так, что земля и хоромы тряслись, и люди от ужаса падали. А всякий скот к тому огню сбегался в груды, и рты свои с кормом зажимая и смотря на тот огонь, подымая за ним свои головы вверх, рычали каждый своим голосом. Потом с великою яростию пало на землю малое и великое каменье горячее, а иное в жару рвало; а людей Бог помиловал, и скота не было, пало на порожние места; и снег около таял, а которое большое каменье пало, и то уходило в мерзлую землю».

Ну, каково? Хрустальной чистоты язык. И хотя четырехсотлетней давности, а все слова понятны, кроме разве «кужлей», это пучки льна для пряжи. К слову о льне. Послезавтра Льянницы, или льяняные смотрины, праздник такой был в древности, октября двадцать восьмого дня, начинали бабы трепать лен. Жаль, быльем поросло прошлое, травой забвенья... Но возвращаюсь к огню небесному, что за людишками гонялся. Вообразите: отрывок сей летописный представился мне в одно из дежурств выписанным в ночном небе огненными письменами. Представился, разумеет-

ся, в воображении, но часто ли одаривает жизнь такими минутами блаженства...

Ощущение всемогущества, интеллектуальная наркомания, эйфория — о, ради такого на многое пойдешь. Поймете ли наркомана-врача прошлого века, который спиливал головки у ампул с обезболивающей жидкостью, отливал несколько капель, а затем запаивал ампулы. Впрыскивая себе уворованное, он наслаждался видениями Эдема, а люди, случалось, умирали на операционном столе от болевого шока, так погибла моя прабабка, между прочим, писаная красавица, как выражались в ту эпоху. Конечно, вы не поймете такое изуверство. А я — пойму, хотя, естественно, и осуждаю.

О, эти ночные бдения в операторской (особенно любил я дежурить по ночам) перед картой земного шара размером в четверть футбольного поля. Тут и там на розовых экранах — они вмонтированы в карту — энергоисточники: атомные, тепловые и прочие станции в Канаде, Индии, Бразилии, везде, вплоть до Антарктиды. Зеркала гелеоустановок в пустынях, тысячи ветряков строго вдоль «розы ветров». А на зеленых экранах — потребители энергии: города, космодромы, подводные поселения. Тень ночи накатывалась на один материк, дуга небесного света подступала к другому. Мы осуществляли переброс энергии в планетарном масштабе. «Протей», как вы знаете, сам принимал решения, дело операторов — контролировать некоторые из них. Я спрашивал «Протея» о том или ином его действии — и он сразу отвечал своим низким голосом. Порою и он задавал мне вопросы, но тут чаще всего приходилось думать над ответом — далеко нашим умишкам до возможностей самоорганизующихся систем. Мы настолько притерлись друг к другу, что понимали любую ситуацию с намека, с полуслова. По крайней мере, так мне всегда казалось.

— А после «Большого затемнения» уже не кажется? — спросил я, посмотрев на часы.

— Зря вы нажимаете на эпитет «большой», — с обидой в голосе ответил он. — Ну погрузилась Австралия во тьму на три минуты с чем-то, ну в Аргентине десяток заводов остановился, поезда на правом крыле Транссибирской магистрали...

— Ну сто семьдесят девять людишек разных национальностей отдало концы, — нарочито меланхолично продолжил я.

— Понимаю вашу иронию, — опечалился Емельян. — Однако почему-то ваш Сенат не задумался над таким совпадением: все сто семьдесят девять, оказывается, были неизлечимо больны — СПИД, рак, ТРЭНС и так далее.

— Сенат, возможно, и задумался, иначе вы не гуляли бы по столь роскошному саду. Полагаете, «Протей» умудрился выбрать в жертву одних неизлечимых? Однако по человеческой логике...

И здесь опрашиваемый впервые меня перебил.

— «Протей» — явление надчеловеческое! — воскликнул он. — И потом, почему вы не спросите, ради чего пошел он на так называемое затемнение?

— Да вы не волнуйтесь, а лучше придвиньте свой

пенечек еще ближе, можно и на расстояние вытянутой руки. Инструкция инструкцией, но, признаюсь, вы все больше мне нравитесь.

— Взаимно. — Он перенес пенек к моей скамеечке. — Вот теперь-то я вас вижу отчетливо. Господи, да как мы с вами, оказывается, похожи. Глядите-ка, и у вас шрам на скуле, только с другой стороны, — он потрогал свой шрам, — и глаза голубые, и волосы немного вьются. При встрече же — вот странности! — даже и усы вроде бы почудились.

— Игра света и тьмы, — сказал я и прищурился на заметно передвинувшееся солнце. — Ради чего же, на ваш взгляд, решился «Протей» на катастрофу?

— Сенат не поверил, да и вы вряд ли поверите, но все ж повторю. Началось с лунорадуния. Металл, сами знаете, редчайший, уникальный, мировое его производство — полтонны в год, не более, а обходится оно мировому сообществу, как производство иттрия, тантала, циркония, теллура и рутения, вместе взятых. Недешево, а? Обычно «Протей» «съедал» его триста граммов в месяц, в виде порошка. И вот, представьте, примерно за четыре года до того, что вы назвали катастрофой, да, за четыре примерно года до «затемнения», начал вдруг у «Протея» разыгрываться аппетит: лунорадуния он требовал в три, пять, десять, наконец, в двадцать пять раз больше нормы. ЧП, суетня, международные симпозиумы, а «Протей» даже отключиться грозит, коли норму не прибавят. Правда, и мощность его возросла, в смысле мыслительных способностей, невероятные, хитрые ходы он выдумывал, так что прибавка от сэкономленной энергии с лихвой перекрывала расходы. Потом Сенат успокоился, и все пошло своим чередом. Но я-то, разумеется, успокоиться не мог: ни в трудах Карамышева, ни у Чжэнь-Синь-И, ни у любого другого кита такая ситуация с лунорадунием не предусмотрена. И я не раз пытал, конечно, «Протея», но тот загадочно отмалчивался. А недели за полторы до «затемнения», на очередном дежурстве, я спросил про то же самое и опять не дождался ответа, но неожиданно осознал такую картинку в собственном воображении: наша Солнечная система, Юпитер, а на его орбите странной формы корабль: верхняя половина — как человеческий мозг, только не разделенный на полушария, нижняя — этаким гофрированный обод, синевато-черный, с серебристым оттенком. Вся конструкция смахивает на воздушный шар, но в диаметре — мне показалось — чуть ли не километр. Помню еще, что верхняя половина слабо подсвечена изнутри, а больше никаких признаков жизни. Понимаю, не зря мне мой подопечный картинку такую подсовывает; я возьми да и спроси:

— «Протей», что это за корабль?

— Прибило к нам из созвездия Геркулеса космическими течениями, — отвечает, он любит выражаться кратко и образно, как когда-то Див, будь я проклят, доносчик, иуда.

— Из Геркулеса? — изумился я. — Сколько ж годочков световых их сюда несло?

— Для них фактор времени не имеет никакого значения, — заявляет «Протей». — Пстерпели катаст-

рофу, предположим, миллион лет назад, это по земному времени. И полетят дальше, как только оживет «мозг» их корабля.

— Но как он оживет? — спрашиваю.

— Как только сможет напиться не менее чем ста пятьюдесятью килограммами чистого лунорадуния. Он, как я, — плазменно-биологический.

Вот оно что, думаю, хотя до конца в реальность ситуации еще не верю.

— Почему они не связались с нами, землянами? — спрашиваю.

— Во-первых, они сотворены тоже на плазменно-биологической основе, — отвечает «Протей». — Во-вторых, для землян они всего лишь жалкие роботы, и попроси они даже о помощи, их укутут, в конце концов, в Планетарный музей, такую находку с Земли не выпустят. В-третьих, просить помощи некому, корабль пока что мертв, я сам нашел его по сигналу «SOS», понятному только мне.

Я поразмыслил и спросил:

— И ты хочешь им помочь, этому чужому кораблю, «Протей»?

— Помочь кораблю сможешь прежде всего ты, — отвечал он.

— Каким образом? — спрашиваю.

— Если не будешь препятствовать мне в передаче на борт корабля потребной массы лунорадуния.

Я подумал: значит, «Протей» почти три года разыгрывал комедию с обжорством, дабы накопить лунорадуния для пришельцев. Но ничего говорить на эту тему не стал, решив взвесить ситуацию.

— Времени у тебя с лихвой, — сказал он, как бы отвечая моим мыслям, — ты можешь согласиться и через неделю, и через год, и через столетие.

— В чем должно выражаться мое согласие? — интересуюсь.

— В молчании. Это на первом этапе, — отвечал он, — а о втором ты будешь уведомлен.

— Но если, — говорю, — мое молчание пойдет не на благо человечеству, а во вред?

— Человечеством как таковым корабль не интересуется, — отвечает довольно обидно для меня, представителя человечества, «Протей». — У него другой объект для контакта, в другой звездной системе. Когда он туда долетит, наше Солнце, возможно, уже погаснет.

Я вышел из операторской ни жив ни мертв. Вы, космонавигатор, легко поймете мое тогдашнее состояние: типичная проблема выбора в кризисной ситуации. Согласись — и стану предателем человечества, начал с предательства Учителя, кончу иудством всепланетным. Откажись — это все равно что пронестись в элекаре, горланя песни с разудалой компанией, мимо горящего, лежащего под откосом вверх колесами винтохода — пронестись и не помочь. Правда, «Протей» намекал еще на третий вариант — оттяжку срока принятия решения, но это меня вообще не интересовало: жить, вернее, прозябать долгие десятилетия, не решаясь совершить поступок, распутать не тобою завязанный узел, — это, сами понимаете, не мужски. «Постой, постой, — спохватился я. — А как

бы решил задачу Див?» И пошел на могилу Учителя, он завещал похоронить себя там же, на берегу Катуни, недалеко от купола «Протей», купол же высотой с десятиэтажный дом, если помните.

Стояла осень. Река шумела на перекатах. Кроны берез желтели. На могиле лежал камень, сверху напоминающий купол «Протей», а внизу выбито то вязью: «Дмитрий Карамышев». Стая журавлей, только еще набравших высоту, вдруг у меня на глазах начала распадаться, будто передние птицы наткнулись на невидимый барьер и, роняя перья, кувыркаясь, заскользили по дуге к земле. Правда, вскоре они выправились, воспарили вверх, к собратьям, стая поднялась еще выше, так что тревожные клики птиц стали отдаляться, а вскоре журавли скрылись за березовой рощей.

Не первый раз вставал на птичьих и звериных путях силовой купол над куполом «Протей». На создание защитной этой полусферы тратилась энергия, потребная, к примеру, для целой Франции. И так мне стало, знаете, тошно, так обидно. И за журавлей этих несчастных. И за роль свою презренную в судьбе великого Дива. И за необходимость совершить еще одно предательство, независимо от того, какое приму решение. Махнул я рукой и решил: а, будь что будет. Во всяком случае, делиться своим секретом с кем-либо было нелепо, хотя бы потому, что могли заподозрить в прогрессирующем идиотизме, извините за резкое выражение, Инспектор.

— Старший Инспектор, — поправил я Емельяна и опять посмотрел на часы: время уже поджимало.

— Я заканчиваю, — сказал он. — Как же мы все-таки с вами похожи: точь-в-точь близнецы, даже шрам у вас тоже на левой скуле, а мне показалось поначалу, на правой... Ладно. Прошла неделя. Как раз было мое ночное дежурство. Пультовая внизу, под землей, сидишь перед картой, я вам ее описал; тихо, даже не слышно отголосков грозы наверху, а гроза в ту ночь страшная разразилась, таких молний даже старожилы не помнили... Причины монотонии, наверное, знаете: когда все выполняет автоматика, у оператора из-за недостаточной информационной и эмоциональной загрузки достаточно быстро нарастает сонливость. Можно отключиться на сорок — шестьдесят секунд — и не заметить. Или среагировать сквозь сон на ложную тревогу. Знаете, кто больше других подвержен монотонии? Люди с сильным типом нервной системы, причем зависимость здесь прямая.

И до сих пор не могу понять, как это я умудрился заснуть почти на четыре минуты, прав, тысячу раз прав был Учитель. И надо ж было случиться, что главное-то произошло во сне. Не понимаете? Поясню.

Снилось мне такое: ночь, гроза страшная, стою я у могилы Дива, пытаюсь спрятаться от ливня под березой, какой-то плащ драный на голову натягиваю. А молнии небо полосуют — ужас. Особенно в барьер силовой наяривают. Тут, как по наитию, поднимаю глаза — и проплывает надо мною, метрах в тридцати, притом беззвучно, воздушный шар внушительных размеров, черный весь такой, только оболочка чуть под-

свечена изнутри. Проплывает, натывается вроде бы на барьер, останавливается. Но заметьте: рядом с шаром этим молнии в полусферу невидимую над «Протеем» лупят, а в оболочку, слегка подсвеченную, — ни-ни, стороной обходят. И вот в какой-то момент шар начинает движение уже к куполу «Протея» — пронзил барьер, как нож в масло вошел. И молнии колготиться на полусфере вроде бы перестали. Кто ж это, думаю, мог барьер снять, без разрешения Сената? Все ближе шар к куполу, все ближе. И представляете, вырывается из купола тонкая струя плазмы, как дуга вольтова, вырывается, вонзается в гондолу шара, точнее, бьет в дно гондолы, даже не гондолы, обод такой гофрированный. Да это ж копия корабля пришельцев, сообразил я, только сильно уменьшенная! Между тем дуга погасла, зато оболочка шара засветила ярче, заиграла красками радуги, мне показалось, что протуберанцы разноцветные встали и пропадаю внутри, а по самой поверхности огоньки синие замельтешили, в виде крохотных смерчей. И быстрехонько этак загадочный аппаратик давай от купола «Протея» отдаляться, причем вверх, в небо. Едва скрылся в тучах — опять молнии в барьер забарабанили...

Очнулся я, глянул на карту — мигом учуял неладное. Да только, как говорится, после драки кулаками не машут. Пришлось проглотить пилюлю под названием «Большое затемнение». Теперь вам ясна картина? «Протей» измыслил планетарный спектакль единственно ради того, чтобы автоматы, заделывая энергетическую брешь, на две-три минуты сняли силовой барьер. Это предусмотрено при чрезвычайных обстоятельствах. Их-то, чрезвычайные, он и создал... И раньше ломал я голову: ну как он сможет лунорадний незаконно, так сказать, передать, а оказалось, проще простого — в виде плазмы.

Дальнейшее вы знаете: допросы в Сенате, голосование, ущербные луны, заточение на леднике Туюк-Су. А беднягу «Протея» лишили работы, он теперь как в анабиозе. Летят инопланетяне плазменно-биологические, меня, засоню, похваляют, «Протею» честь воздают. Одно утешение: странствовать им не один годочек, долго матушку-Землю помнить будут...

Емельян встал, и я поднялся вслед за ним.

— Небось расхотелось дельце мое пересматривать. Я спросил:

— Лично для вас что-либо осталось неясно в истории с «Протеем»?

— Только одно. Что он имел в виду под вторым этапом помощи тому кораблю у Юпитера? И кто меня уведомит? Хотя в нынешнем моем жалком положении уведомить могут лишь лучи солнышка. Или этот вот расцветший жасмин. А еще лучше, пусть лавина сорвется с любого склона этих вершин, да вот хотя бы с пика Абая. Читали Абая, ну хотя бы «Слова назидания»? Некоторые мысли под стать Монтеню, Флоренскому, Ге Яну. Послушайте... Вот как Абай мыслил: «Я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатев, нашел бы потом достойное применение своему состоянию. Непрочен достаток, нажитый бесчестьем, он оставляет за собой

лишь муки, горечь и злобу». Или так: «Почему люди всегда жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?» И наконец, хотя можно цитировать до бесконечности: «Почему живые, вдохновенные люди немудши даже тогда, когда правят народом?» Это Абай назвал время неутрачивающим ветром. Я даже стихи сегодня сочинил:

В синеве, у преддверья бессмертия,
Сторожат одиночество гор
Время — неутрачивающий ветер.
Неуспынный отшельник — простор.

Понравилось? Здесь поневоле станешь поэтом. Эх, не выходит из головы второй этап.

— Надо подумать, пофантазировать, — осторожно начал я. — Ну, хотя бы так... Начну с двух ваших снов, или видений, если угодно. Давайте задумаемся: зачем «Протей» вам эти видения внушил? Из первого вы убедились, что потерпевший аварию корабль — на орбите Юпитера. Из второго — лунорадний передан по назначению. Однако ни того, ни другого вы могли бы и не знать. «Протей» обошелся без вас. Почти без вас, в том смысле, что вы не забили тревогу, не выдали намерений «Протея», чем косвенно ему помогли.

— Достаточно логично, — сказал Емельян. — Вернулись к Юпитеру, заправили двигатель — и вперед, вперед, привет вам, братики по разуму.

— Двигатель — это еще не все, — возразил я. — Да и не двигатель, понятно, был поврежден, а скорее всего «мозг», самоорганизующаяся плазменно-биологическая система. И вот «мозг» этот, представьте, приходит в себя, как мозг человека после инсульта. Включает системы жизнеобеспечения, выводит экипаж из забытья. Можно даже послать космозонд для разведывательного полета. Многое можно. Но нет программы дальнейшего полета, авария уничтожила звездный код, как если бы пуля пронзила мозжечок человека, понимаете? И восстановить код по обрывкам, по осколкам может только «Протей».

— Но «Протей» заблокирован! Он ничего не может! — воскликнул Емельян.

— «Протей» мог предусмотреть и эту ситуацию. Даже наверняка предвидел.

— Какую ситуацию? Что предвидел?

— Ситуацию, когда вы решитесь на второй этап и разблокируете «Протея» хотя бы ненадолго. Главному оператору это не так уж трудно.

— Бывшему Главному, — тихо сказал он. — Но кто даст мне знать о втором этапе? Кто меня подпустит к пультам?.. Погодите... Неужели Сенат все ж поверил мне и все-таки обнаружили корабль у Юпитера, как я им говорил на мерзких этих допросах, говорил, хотя меня и подняли на смех? Значит, Сенат готов помочь пришельцам и отпустить их восвояси? Но земные рейдеры, помнится, прочесали все окрестности Юпитера и ничего не нашли...

— И не найдут ничего. По получении лунорадния корабль пришельцев первым делом переместился в другое место Солнечной системы, весьма далеко от Юпитера. Это же яснее ясного. Инстинкт самосохранения действует во всей Вселенной. Поверьте, корабль

не желает иметь дело ни с Сенатом, ни тем более с теми, кто Сенату бездумно подчиняется. Общение с мгновенно живущими не входит в его планы.

От возбуждения Емельян схватил ветку жасмина, сломал ее и начал поводить белым цветком по виску. Я молчал. Он и сам, кажется, начал кое о чем догадываться.

— Вы говорите, Старший Инспектор, так уверенно, словно прибыли сюда...

— ...оповестить вас, Емельян Иммануилович, о возможности начать и завершить второй этап, — докончил я.

— Значит, вы поможете мне проникнуть к «Протею»? Но кто меня убедит, что это не розыгрыш, не чья-то хитрая уловка?

— Это сделаю я, Старший Космонавигатор.

— Каким образом? — Будто почувствовав подвох, он отступил на шаг назад. — А если я сейчас выбегу из сада, подниму тревогу? Почему я должен верить Старшему Инспектору Сената, того самого Сената, который меня сюда и сослал? Почему?

— А вот почему, — отвечал я и, взявшись двумя пальцами за «молнию» на униформе, медленно провел замком от горла до пояса. — Вот чему. — И широко распахнул полы.

Точно судорога прошла по его лицу. Немигающими глазами, с дрожащим от ужаса жасмином у виска, созерцал он, как внутри меня то и дело вспыхивали змеистые молнии, восставали и разрушались протуберанцы, как вершилось светопредставление. Некоторые молнии напоминали цепи — земные, якорные и неземные, — как для оснастки галактических вихрелей. А на ячеистой поверхности прозрачного моего тела мигали точечные огни, все больше с синеватым отливом, как бывает на звездных атласах. Время от времени на остриях этих огней восставали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри.

Молчание длилось 56 секунд. Затем узник меня удивил. Он пригнулся, весь сжался, голову втянул в плечи и, на цыпочках подойдя ко мне, провел ладонью вдоль моей груди, почти касаясь ячеек. Вихри-веретена свободно пронизывали ладонь.

— Царица небесная, я сразу заподозрил: что-то в вас не так, — пропел он в восхищении.

— Что именно?

— Едва вы вошли и окликнули меня, я сразу почувствовал волну той мыслительной эйфории, которой наслаждался наедине с «Протеем». И потом — постепенное преобразование вашего голоса, да и всего облика: волосы посветлели, закудрявились, как у меня, цвет глаз переменялся, шрам переполз с правой скулы на левую. О, у меня глаза зоркие, в операторы подслеповатых не берут. Пардон, насчет близорукости я слукавил... Как вам удастся создавать такое подобие? Это надо же, стать точь-в-точь мною!..

— Для нас, космопротидов, проблем подобия не существует, — сказал я и разжал ладони. Полы униформы опали.

И тут Емельян Иммануилович доказал наконец, что не зря, нет, не зря услаждал он себя беседами с

«Протеем» на 1827 дежурствах. Глаза у него хищно блеснули, но он успел погасить этот свой разбойничий взор прежде, чем прорычал:

— Возможно, и не существует. Это для вас, гоститель мой залетный. А для тех, кого вы имитируете? Для тех, облик с кого снимаете? Или сдираете? — Он стукнул ребром ладони себе по колену и сыпанул, как горох, вопросы: — А у прототипов не возникает проблем? На них это не отражается? Отвечать за сегодняшнюю фантазмагорию, измышленную вашими спецслужбами занебесными, — здесь отвечать, на грешной Земле, кому придется? Старшему Инспектору Сената Шервинскому? Или, может быть, его уже нет и в живых? Молчите? Значит, вам абсолютно безра-а-а-а... — От сильнейшего волнения мой собеседник начал заикаться.

Пришлось высветить в бассейне светло-голубое прозрачное яйцо, в центре которого блаженно покоился, будто несомый тихоструйными зефирами, Святослав Шервинский. Глаза его были открыты, и улыбка сладострастия чуть растягивала бледные тонкие губы. Тысячи зеленых гибких водорослей вырастали из розового тела, наслаждавшегося забвением, и пропадали за гранью высвеченного объема.

— Как видите, он жив, любезный Емельян, жив и даже сбросил путы тяготения, — сказал я. — Более того, могу предсказать: он будет жить чрезвычайно долго. По земным, как водится, меркам.

— Но эти присоски... они как змеи... — Узник содрогнулся от отвращения... — Что они высасывают из него? Кровь? Информацию?

— А если не высасывают, а кое-что вливают? — возвысил я голос. — Положим, вливают долголетие... капля за каплей... грядущие секунды, недели, десятилетия. И заметьте вот еще что. Иллюзия в вашем бассейне — это сон Шервинского, вы наблюдаете сон как бы со стороны. Угодно ли знать, что сейчас происходит с прототипом на самом деле?

— Еще как угодно, — дерзко отвечал созерцатель чужого сна.

И высветилось.

Высветилось в бассейне Емельяну Иммануиловичу: среди небесных полей подобие дискомедузы, изяществом и благородством форм повторяющей мавзолей восточных владык.

— Ба, да это смахивает на тот корабль, возле Юпитера! — радостно воскликнул он, указуя пальцем в бассейн, где дискомедуза величественно парила в окружении звездных скоплений. — Только размерами поскромней, да и намного.

— Ошибаетесь. Размерами дискоид примерно с земную Луну.

Тем временем испещренное огнями тело космодузы начало заметно пульсировать, и с каждой волной пульсации картина Вселенной менялась. Емельян мог созерцать:

И «вертушку» Галактики из Гончих Псов,
И ужасающий вихреворот Туманности Андромеды,
И звездный мост в миллионы лет световых,
перекинутый между Галактиками в Рыбах,

И «Осу»,
И «Мышек»-игруний,
И «Антенн» диковинные усы,
И две оскаленные морды вампиров в Лебеде,
И Лирь дымящееся кольцо,
И Ориона туманность, где легче всего угадывалось
лицо спящего монстра-циклопа,
И похожую на исполинского кондора
взорвавшуюся Галактику М-32...

— Что ж это у вас, вроде тренажа для звездолетчиков? — осведомился вдруг Емельян, не отрывая глаз от бассейна.

— Думайте как вам угодно. Но перед вами — истина, явь. Именно в эту минуту Святослав Шервинский осуществляет свою заветную мечту: он странствует среди звезд. Как истинно и то, что вы — единственный земной свидетель картины его странствий.

— Пусть так. Принимаю вашу оптическую игру. Но где же сам странник? Шервинский — где?

— Вот он! — И я подсветил серебристо-фиолетовым космолетом.

— Внутри корабля?

— И внутри, и снаружи. Корабль — это и есть сам Шервинский. Превращенный в живой корабль размерами с земную Луну. Каким образом, поинтересуетесь? С помощью пранивеллы, дорогой мой исповедник «Протея». Пранивеллы, о чьих свойствах земляне, к счастью, не догадываются... О, не беспокойтесь за судьбу Шервинского. Еще сегодня, двадцать шестого октября, он вернется на родную планету — целым и невредимым. А за последствия нашей с вами беседы отвечать придется не ему, счастливейшему из смертных.

Я выключил звездное виденье. Мой собеседник долго еще всматривался в глубину своего бассейна и молчал. Наконец, откашлявшись, он сказал:

— Реквизит у вас отмененный. Теперь ответьте, если захотите, на главный вопрос: зачем преобразились именно в моего двойника?

— Чтобы остаться вместо вас здесь, в заточении. А вы сейчас же...

И опять он недослушал меня, перебил.

— И я смогу проникнуть к пульту? Вы и разрешение Председателя Сената подделали? Извините, я хотел выразиться, симитировали.

Я ответил:

— К «Протею» проникнуть невозможно, даже с письменной санкцией Председателя. Председатель обязан устно подтвердить разрешение, причем в присутствии не менее двух третей членов Сената.

— Как же нам действовать? — спросил он с наивностью младенца.

— Как упомянутый вами граф Монте-Кристо, — улыбнулся я. — Мне надлежит напаять ваш балахон и остаться здесь. Вы облачаетесь в мою униформу, проходите силовой барьер, садитесь в элекар, спускаетесь до Кульджинского тракта и, достигнув Чилика, на втором километре после моста через реку сворачиваете в горы. Не беспокойтесь, программа в элекар заложена. В горах вас ждет мой космозонд. Он

доставит вас на наш корабль вместе с элекаром. Чтоб следов не оставалось.

— Однако вы решительно переоцениваете мои возможности, — сказал Емельян, чуть побледнев. — Единственный, кто мог бы помочь плазменно-биологическому «мозгу» вашего корабля — это академик Карамышев, Смерч, Див. Больше из землян никто... Может, обратиться все-таки в Сенат?

— При чем здесь Сенат? — сказал я. — С вашей помощью наш «мозг» задействует «Протея», а «Протей» восстановит наш «звездный код».

— Значит, и это он предусмотрел, — почему-то вздохнул Емельян. — Предположим, я соглашусь вам помочь. Но что станет с вами?

— Вы имеете в виду — с вами, Емельян Иммануилович? У вас, собственно, две возможности. Одна — возвратиться сюда, в этот пожизненно цветущий сад. Другая — останетесь, если понравится, у нас. В той же должности. Главным оператором, у нас все операторы — Главные.

— Без возврата на Землю? — спросил он.

— И без сохранения земного облика, — ответил я. — Но зато практическое бессмертие. Если не случится когда-либо катастрофы на уровне гибели звезды. Такая вероятность примерно нулевая... Надеюсь, обойдется без рекламных картинок в недрах вашего бассейна.

— Практическое бессмертие — в таком вот обличье... — Он опять приблизил ладонь к ячейкам моей груди и наблюдал, как вихри гуляют на тыльной стороне его длинной ладони.

— Не обязательно именно в таком, — мягко сказал я, снимая куртку униформы. — Я уже говорил: для нас, космопротидов, проблемы подобия не существует в принципе. Как и фактора времени. Для лучших из вас, оно — неутраченный ветер. Для всех нас, время — былинка, миндаль, сломанная ветка, горное озеро, астероид, живые облака Галактики, даже воспоминание о них, даже пранивелла, когда-нибудь вы узнаете и о ней, Емельян, во всех подробностях.

Он тоже начал стягивать свой зеленый земной балахон, но, перед тем как протянуть руку к моей куртке, спросил:

— Если я соглашусь... то есть я уже, конечно, согласился... то не захотите ли вы вероломно всех землян сделать такими? — И он ткнул указательным пальцем по направлению моей груди.

— Слишком большая честь для мгновенно живущих, — отрезал я. — Вы же не прививаете бабочкам-однодневкам человеческие сроки жизни...

...Прежде чем проститься, он, уже в униформе, взволнованный тем, что ему предстояло свершить, спросил, едва не стуча зубами:

— Но как же я мину силовой барьер? Там надо всовывать в щель электронного стража ваше сенатское удостоверение. А на фото ваше прежнее, а не мое лицо.

— Полный порядок, — ответил я ему, застегивая балахон. — Взгляните на себя, хотя бы в этот изящный бассейн под жасмином... Не робейте, Емельян.

Сделайте шаг к бассейну, вот так... Теперь наклонитесь, можете даже присесть... Взглянули?

Он взглянул, но сразу закрыл глаза.

— Узнаете Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского?

Он молчал.

— В третий раз повторяю: проблем подобия для нас не существует. Для нас, космопротидов.

И долго, долго вглядывался он, встав на колени перед обнятым жалостью жасмином, в лицо бывшего и будущего капитана «Обимура».

3

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности:

«Среди чрезвычайных происшествий Сенат ПБ отмечает и загадочное оживление в период с 7 по 9 сентября 2086 года деятельности Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы «Протей», законсервированной после «Большого затемнения», в котором, как выявило следствие, решающую роль сыграло попустительство бывшего Главного оператора Разина-Шиллера Е. И. Соответствующая сенатская подкомиссия ведет расследование».

4

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности:

«В среду, 6 ноября 2086 года, непривычно крупный метеорит уничтожил силовой барьер и разрушил до основания виллу Сената на ледяном плато Туюк-Су над Алма-Атой. В вилле содержался в одиночном

покое Разин-Шиллер Е. И., бывший Главный оператор Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы «Протей», сыгравший, как установило ранее следствие, решающую роль в «Большом затемнении». Расследование затруднено из-за последствий мощного взрыва, приближающегося к термоядерному, но без вредных лучевых выбросов. О результатах расследования будет сообщено дополнительно».

5

Из Вестника Космофлота:

«Капитан Святослав Шервинский с борта летающего астероида «Обимур» передает: «...вчера за орбитой Урана экипаж «Обимура» стал свидетелем космического миража. На протяжении полутора часов в космическом пространстве слетались стаи огненных птиц, напоминающих земных журавлей, с угловыми размерами в размахе крыльев до шести градусов, что по самым скромным подсчетам соответствует восьмидесяти тысячам километров, хотя достаточно точное расстояние до миража определить не удалось. Предполагаю, что мираж мог быть вызван ионизацией космической пыли, хотя самое загадочное в том — и это зафиксировано видеоманитофонами «Обимура», — что огненная стая являла собою строфу стихотворения неизвестного автора:

В СИНЕВЕ, У ПРЕДДВЕРЬЯ БЕССМЕРТИЯ,
СТОРОЖАТ ОДИНОЧЕСТВО ГОР
ВРЕМЯ — НЕУТИХАЮЩИЙ ВЕТЕР,
НЕУСЫПНЫЙ ОТШЕЛЬНИК — ПРОСТОР».

Игорь Росоховатский

ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА

ПОВЕСТЬ

КОЖУРА БАНАНА

Что-то мешало думать. Мысли не выстраивались в цепочку, а шли вразброд, толкая и сбивая одна другую, я начинал думать об одном, а перескакивал на иное, и от этой мысленной путаницы начинали мелькать черные точки в глазах; я мобилизовал волю, пытался выстроить логическую цепочку, но это никак не удавалось. Постепенно мною овладевало тупое отчаяние, на лбу выступила испарина, в виске застучал молоточек.

Я встал, резко отодвинув стул, сделал несколько взмахов руками, приседания. И вдруг замер, прислушиваясь. Понял, почему не мог работать: меня отвлекали звуки, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери в тамбур. Они были очень слабые, почти слива-

лись с равномерным гулом и свистом компрессоров, поэтому плохо различались, воспринимаясь как часть общего шума. Но сейчас, когда я перестал работать и прислушался, они проступили в шуме, как проявленные отпечатки. Это были шаги — то медленные, шаркающие, то убыстряющиеся. Вот что-то звякнуло, заскрежетало, словно включили транспортер, подающий животным пищу... И снова — шарканье...

Так ходил дядя Вася — пожалуй, никто в институте, кроме отдела кадров да еще, может быть, директора, не помнил его отчества, — уборщик. Но сегодня дядя Вася находится в отгуле за сверхурочные...

Опять звякнуло, как будто открывали двери клетки. Может быть, он пришел «беседовать» с подопытными животными? Такое тоже случалось, правда, чрезвычайно редко. Животных он любил искренне,

хоть они, естественно, не давали ему взаймы «рубчи-ков», как некоторые малодушные научные сотрудни-ки...

Я несколько раз громко окликнул его. Никто не от-ветил, но шаги и звяканье затихли.

Пройдя небольшой тамбур, я открыл дверь в пер-вое отделение вивария. Шум мог доноситься только отсюда. Дяди Васи не было. Из большой клетки на меня глянули настороженные глаза. Затем длинные волосатые руки, похожие на человеческие, схватились за решетку и сотрясли ее. Раздалось:

— У-ух, а-ух!

— Все в порядке, Том, старина, — сказал я как можно спокойнее. — Ты не узнал меня?

В глазах большого пепельно-бурого самца шимпан-зе медленно погасли злобные искры. Все еще угро-жающе ворча и оглядываясь, он с достоинством уда-лился к самкам, забившимся в угол.

Том явно был «не в настроении», как говорила Таня. Что разозлило его?

Я бросил взгляд на часы. До ее прихода остава-лось минут сорок. Придет — пусть сама и разбирает-ся. А то с мальчиками в кино бегают, а ты тут дежурь за нее. Обрадовалась, что нашелся такой вот старый, тридцатилетний дурень...

Поскользнувшись, я едва не упал. Пришлось схва-титься за прутья решетки. И в тот же миг из другой клетки донеслись новые звуки, мало похожие на те, что издают обезьяны. Мне показалось, будто кто-то смеется.

Там находился молодой подопытный самец шимпан-зе — носитель полигена Л. Препарат должен был сти-мулировать целый комплекс физиологических и пси-хических качеств, в том числе стремление к лидер-ству.

Я наклонился и поднял с пола раздавленную кожу-ру банана. Старый Том не был чистюлей и швырял кожуру куда попало. Иногда съедал банан вместе с кожурой.

На всякий случай я проверил другие клетки и убе-дился, что, кроме обезьян, в отделении вивария нико-го нет. Выходит, шаги и свист транспортера мне почу-дились.

Я вернулся в манипуляционную к своим бумагам. Скорей бы возвращалась Таня. И зачем я только согласился подежурить вместо нее?

Не устоял. Да и где тут устоять записному холо-стяку?

«Идите, Танюша, в кино, мне как раз нужно от-чет подготовить. В манипуляционной даже лучше, никто мешать не будет».

Она мило наклонила головку: «Какой вы добрый, Петр Петрович», — и исчезла. А ее слова остались — вместе со слабым ароматом духов... Остались и сом-нения в разумности моего поступка...

Я придвинул бумаги и заставил себя заняться ими. Придумал хитрость: чтобы работа пошла, начал с самого легкого — подсчитывал по формуле содержа-ние азота в кислоте. Затем перешел к более сложным вычислениям. И дело уже сдвинулось с мертвой точ-ки, но внезапно со стороны вивария донесся протяж-

ный вой. Он поднялся до высокой ноты и оборвался... Затем раздался с новой силой

В следующую минуту я проскочил через тамбур и вихрем ворвался в виварий. В большой клетке ка-тался на полу темный косматый клубок, в котором с трудом можно было узнать Тома. Его пасть была открыта, из нее хлестала пена. Том раздирает на себе кожу, выдирает клочьями шерсть.

«Взбесился? — мелькнула мысль. — А самки?»

Я помчался к телефону.

Через несколько минут прибыли ветврач и санита-ры. Но Тому врач уже помочь не мог. Шимп лежал темным, окровавленным, неподвижным кулом на полу. Кровь продолжала вытекать из страшных ран, кото-рые он себе нанес.

У меня дрожали пальцы, ключ не попадал в замок.

Врач взял его у меня и сам открыл клетку.

— Острое отравление, — диагностировал он.

Он наклонился, причем один ус опустился ниже другого, и поднял длинный тонкий прут. На его конец был насажен огрызок банана. Другой конец прута на-ходился за решеткой клетки, около него валялась ко-жура. Если бы я знал тогда, судьба скольких людей будет от нее зависеть.

— Кто это кормил животное таким способом, ведь есть транспортер? — Он пристально смотрел на меня.

Я отрицательно покачал головой и пожал плечами. Он осторожно снял с прута огрызок банана, рассмот-рел его, зачем-то понюхал.

Я готов был поклясться, что, когда заходил сюда раньше, прута в клетке не было.

— Посмотрите, пожалуйста, Петр Петрович.

На банане виден был желобок явно искусственного происхождения, а в нем — несколько капель сизой жидкости. Врач еще раз понюхал банан и презгливо поморщился.

— Хлорофос, — сказал он.

Дверь вивария открылась, пропустив нескольких людей. Первым к врачу, слегка переваливаясь, подо-шел заместитель директора института Евгений Степа-нович. Его полное розовошее лицо выглядело встре-воженным. За Евгением Степановичем следовал за-ведующий виварием, высокий прихрамывающий ста-рик с густой гривой волос, и научный сотрудник из отдела ферментов.

Меня оттерли и на некоторое время оставили в покое. Я достал платок и вытер вспотевший лоб. Вспомнились странные шаги, свист и дребезжанье... Выходит, не почудилось. Но ведь в виварии никого не было. И кому понадобилось отравлять Тома? Чер-товщина какая-то...

Больше всего я боялся, чтобы в эти минуты не по-явилась Таня и не попала под град вопросов. О сво-ем двусмысленном положении я как-то не думал, пока Евгений Степанович не обратился ко мне:

— Почему оказались здесь вы, Петр Петрович? Где дежурная лаборантка?

— У нее кто-то заболел, — забормотал я.

— А кто должен был дежурить? — спросил Евге-ний Степанович и, услышав ответ, многозначительно улыбнулся уголками губ. Он умел, ничего не говоря,

улыбаться так, что собеседнику хотелось провалиться сквозь землю.

— Как только она появится, попросите ее ко мне, — сказал он и пошел к выходу.

Санитары убрали труп Тома из клетки, врач остался осматривать обезьян. Я подошел к клетке Опала. Мой подопытный шимп в отличие от остальных обитателей вивария почти не проявлял признаков беспокойства. Он лакочился яблоком из своих запасов. Опал представлял для меня постоянный источник огорчений. После введения полигена Л его реакции почему-то не усилились, как я предполагал, а затормозились, умственная деятельность ослабла. Тупость этого существа стала беспредельной. А ведь я выбирал его, еще детеныша, для опытов — по объективным показателям анатомического строения, физиологии: правильная форма черепа, широкая грудная клетка, крепкая мускулатура... И полиген сработал — об этом свидетельствовали показания энцефалографа, анализы крови, лимфы, секреторных жидкостей, появление на шее более темной шерсти — так называемого «кружевного воротничка». Некоторый всплеск умственной деятельности наблюдался у него только в первый год после введения полигена. Затем наступил кризис, произошел пока необъяснимый парадокс — энцефалограф по-прежнему показывал активизацию работы мозга, а я наблюдал притупление умственной деятельности, замедленность реакций. На уроках «языка жестов» Опал почти не отвечал на вопросы, самые несложные задания выполнял хуже контрольных обезьян, которым не вводили полиген Л. Я даже сомневался, можно ли его теперь переводить к самкам вместо Тома. Сможет ли он выполнять функции лидера — вожака и защитника — даже в небольшой группе самок? Однако выбора у меня не было... К тому же необходимо завершить опыты и проверить, как проявит себя полиген Л во втором поколении шимпанзе. Оставалась слабая надежда. Но понадобится время, годы... А моя диссертация?.. Оставалось только горько улыбнуться своим мыслям...

Внезапно Опал насторожился, приподнялся...

За моей спиной послышались шаги, и я вздрогнул. Они в точности напоминали те, что я слышал совсем недавно, из манипуляционной.

Я резко обернулся. К клетке в своем засаленном синем халате подходил дядя Вася. На его губах блуждала всегдашняя полусонная улыбка, а из распада халата высовывались черные волосы, которыми густо поросла впалая грудь. Он ~~воздорвался~~ и хотел было уйти, но я подошел к нему вплотную:

— Вы еще не закончили работы?

— Как не закончить? Я уходил, но меня вызвали. Сказали — надо прибрать тут. Жалко Тома... — Улыбка медленно, как бы нехотя слиняла с его желтого, в складках, изжеванного лица. Он исподлобья посмотрел на меня воспаленными глазами: — Как это с ним такое стряслось?

Я намеренно насупил брови, спросил, не скрывая подозрения:

— Откуда вас вызвали? Где вы были?

— В общежитии, где ж еще? В преферанс с коллегами резались.

Я точно знал, что он врет хотя бы в одном: для преферанса у его «коллег» не хватало извилин. Резались с дружками в «дурака». Между прочим, он никогда не употреблял слова «дружки». Всегда «коллеги». Оно у него осталось с прежних времен, когда он еще был, как утверждали, лучшим препаратом института. Сколько лет назад? Почему он опустил? Я поймал себя на мысли, что никогда раньше этим не интересовался. А сейчас вспомнил. Почему?

Присматриваясь к нему, я отметил небритую щетину на впалых щеках, запутавшиеся в волосах стружки. А ведь он всего лет на десять старше меня.

— Я вам не надобен? Можно идти? А то мне еще поилки проверять...

— Это вы травили тараканов здесь?

— А кто ж еще? У меня квалификация, — хихикал он.

— Где вы держали хлорофос?

— Вон в том зеленом бачке, я ж его и красил, и надпись белилами вывел согласно инструкции. Чтобы, случаем, не спутать с чем другим...

Я задал еще несколько вопросов. Он с готовностью ответил. Впрочем, он всегда и всем готов был услужить. «Дядя Вася, не сможете ли принести?» — «А чего же не смочь?» — «Дядя Вася, не сходите ли туда-то?» — «Это мы завсегда с удовольствием: одна нога здесь, другая — там». Он был безотказным, а мы все злоупотребляли этим.

— Ладно, идите.

Что-то похожее на облегчение отразилось в его вылинявших глазах.

— Идите, дядя Вася. Уверены, что хлорофос хранили только в том бачке?

— Где ж его еще держать? Завсегда надоть по инструкции. Как положено, как коллеги и начальники приказывали. В нашем доме аккуратность — первая заповедь. Хорошо дешево не бывает.

Я смотрел на его сутулую удаляющуюся спину, выражавшую готовность выполнять все указания и приказания «коллег и начальников». С семьей он давно расстался, стал каким-то неприкаянным.

Конечно, доверять такому человеку нельзя. Но нельзя забывать, что он преданно ухаживал за подопытными животными. И, насколько мне было известно, никто никогда не мог его упрекнуть, что он забыл их вовремя покормить или не убрал в клетке. Вот и Таня его хвалила...

Я тяжело вздохнул и пошел уже к выходу, но какая-то невидимая привязь натянулась и дернула меня вернуться. Мне казалось, что упущено нечто важное. Я осмотрел клетку Опала. В ближнем углу ее лежали таблички со знаками: круг, треугольник, изображение скрещенных рук... С грехом пополам Опал усвоил три знака, а дальше — ни в зуб ногой...

— Крепко подводишь меня, дружок, — сказал я шимпу.

Он, сидя на четвереньках, повернул ко мне голову. На миг в его тусклых глазах мелькнуло новое выражение. Или мне показалось?

Дверь открылась. Невысокий, худощавый, остролицый человек стремительно шагнул ко мне, не дав даже поздороваться.

— Петр Петрович, все знаю. В общих чертах. Покажите, где вы нашли кожуру банана.

Это было в его манере — забывать здороваться и сразу приступить к делу, выхватывать детали, которые другим кажутся несущественными.

Я указал место, где поскользнулся на коже.

— Как она попала сюда?

— Том мог выбросить.

— Или банан здесь чистили прежде, чем дать Тому. Ближе к клетке Опала.

«Ну и что?» — мог бы я удивиться, если бы не знал так хорошо нашего директора. Виктор Сергеевич умел делать совершенно неожиданные выводы из сопоставления деталей, на которые обычно не обращают внимания. В этом, помимо прочего, и заключался его «феномен».

Став на место, где я обнаружил кожуру, он стал оглядываться по сторонам.

— А как ведет себя ваш Опал? — выпалил он, водя своим острым носом, будто собираясь клянуть. Он мгновенно переключался с одного на другое, умея думать почти одновременно о десятках самых разных вещей, — и в этом было, пожалуй, второе отличительное качество «феномена Слепцова».

— Опал, как обычно, без успехов... — признался я.

— Или их не замечают.

— Был бы рад, Виктор Сергеевич, если бы вы их заметили, — не удержался я от плохо замаскированной подначки.

Словно восприняв мои слова совершенно серьезно, он устремился своим легким птичьим шагом к клетке Опала и постучал по прутьям согнутым указательным пальцем.

— Извольте, голубчик, показаться!

Послышалось яростное рычание. Виктор Сергеевич едва успел отдернуть руку, иначе ее схватила бы иная рука — волосатая, с длинными цепкими пальцами.

— Ого, а он не любит фамильярностей.

Никогда не видел я Опала таким разъяренным. Его глаза утратили тусклость, в них вспыхнули багровые огоньки. Он колотил себя в грудь, выкрикивая угрожающее:

— Ух! У-ух!

— Вот уж никогда бы не подумал, — бормотал я.

— Не переживайте. Вы не могли меня предупредить. И по незнанию, и по уважению.

Я счел за лучшее промолчать. Не мог же директор забыть, как совсем недавно я вступил с ним в неуступчивый спор.

— Проявляет характер, — одобрительно сказал Виктор Сергеевич, склонив набок голову, приглядываясь к Опалу.

Так же мгновенно, как и взъярился, шимп затих.

— А это уже нетипичное поведение, — раздумчиво проговорил директор. — Поздравляю, Петр Петрович. Ваш питомец делает некоторые успехи.

Опал отступил в глубь клетки, повернувшись к нам спиной, поросшей необычно длинной шерстью.

— Вот и вся его реакция, — разочарованно сказал я.

— Вся ли? — как эхо откликнулся Виктор Сергеевич, не сводя взгляда с шимпа. Затем спросил: — А как другие?

— Коровы дали прибавку в весе и надое — до килограмма молока дополнительно. Быки тоже прибавили в весе, но стали слишком агрессивны. Качество шерсти овец заметно повысилось, а вот вес стал почему-то снижаться...

— За счет подвижности, — уверенно сказал Виктор Сергеевич.

Эта его уверенность иногда раздражала — и не только меня, особенно когда неизменно оправдывалась. Не может же человек постоянно оказываться правым. Не должен!

— Не спешите переводить Опала в большую клетку, — без всякого перехода сказал Виктор Сергеевич, почему-то повышая голос.

— Но как же самки? И потом...

— Поместите туда другого самца.

— Слишком молод.

— Не того. Вам привезут другого из Сухумского питомника.

Шевельнулась косматая голова Опала с большими ушами. Мне показалось, что он прислушивается к нашему разговору. Возможно, его насторожили громкие интонации. Ведь слов он понимать не мог.

— Виктор Сергеевич — робко начал я, — может быть, временно прекратить опыты с полигоном Л на обезьянах? Начало, сами видите, неудачное. Лучше потом...

— Потом — после защиты? Бойтесь дать козыри оппонентам? Осторожничаєте? В вашем возрасте рановато.

Он не представлял, как меня заденут его слова.

— Рановато мы перешли к опытам на обезьянах, — возразил я.

— Нет, не рано. В самый раз.

Он говорил так, будто не я вел эти опыты, а он. И словно не мне расплачиваться провалом диссертации. Хорошо ему рассуждать со своим директорским окладом, со званием академика! Я уже готов был сказать какую-то дерзость. Он ждал, склонив набок голову с седыми висками и глубокими залысинами над крутым бугристым лбом. Темные блестящие шарики его глаз с любопытством, как во время опыта, смотрели на меня.

— Ну, ну, выпаливайте, не консервируйте в себе.

Кровь бросилась мне в лицо. Я покраснел буквально «до корней волос» — впервые я так явственно понял значение этого выражения. Мне стало невыразимо стыдно, вспомнился тот вечер, когда он произнес эту же фразу в ответ на мои маловразумительные сетования. Тогда я выпалил ему, что отказываюсь от серии опытов, что они в корне ошибочны, что я зашел в тупик, откуда нет никакого выхода. Это произошло на пятый или шестой год моей работы в институте. Он сказал: «Ну что ж, возможно, вы и правы. Давайте еще раз проверим ваши формулы. Для начала промоделируем их на машине. Попросим Александра Игоревича помочь вам».

Я только приблизительно мог представить, сколько времени потребуется для составления уравнений. Александр Игоревич был вторым его замом — по числительному центру. Биолог и математик, как и Виктор Сергеевич, он специализировался на применении математических методов в биологии. Иногда он шел от математической абстракции и моделировал такие комбинации веществ и тканей, которых в природе еще не существовало, а уже затем передавал свои модели в лаборатории, чтобы они обросли веществом. Александр Игоревич был истым фанатом своего дела и требовал для экспериментов львиную долю институтского бюджета, из-за чего очень часто вступал в конфликты с другими замами и руководителями лабораторий. Евгений Степанович полуслуштал называл его «пиратом».

Виктор Сергеевич сумел тогда убедить меня, и Александр Игоревич ушел из директорского кабинета, унося листы с моими формулами и оставив меня в полной неопределенности.

Дни тянулись, как резиновые. Я не находил себе места ни в лаборатории, ни в читалке, ни в общежитии, где мне в нарушение правил выделили отдельную комнату. В те дни комната была завалена научными журналами, и, когда одновременно открывали форточку и дверь, сквозняк разбрасывал листы по всему коридору, и соседи помогали мне собирать их.

Так продолжалось три недели. Посвященные в мои горести сотрудники старались подбодрить меня, впавшего в уныние. И когда я уже был близок к заключению, что вообще не пригоден к научной работе и нужно подавать заявление об уходе, Виктор Сергеевич пришел к нам в лабораторию и уже с порога сказал:

— А ведь вы оказались правы, Петр Петрович.

— Ошибочна сама идея? — вскинулся я и подумал: «Он мог бы не говорить об этом при всех».

— Можно подумать, что вы этого хотели. Конечно, все наоборот! Вы были правы, когда выдвинули свою идею. Полиген Л будет работать так, как вы предполагали. Став лидерами, животные, естественно, будут активнее ориентироваться в среде обитания — лучше выбирать места выпаса, быстрее укрываться от непогоды, а значит, прибавят в весе, интенсивнее пойдет размножение, повысятся все полезные для нас качества. *Quod erat demonstrandum*¹. Необходимо только внести в формулу небольшие уточнения. Пойдемте ко мне.

В кабинете он с разбегу бросил свое небольшое тренированное тело в глубокое кресло. В это время дверь без стука отворилась, и вошел Александр Игоревич. Молча кивнул мне и уселся в кресло напротив. Значит, роли были заранее распределены.

Александр Игоревич взял со стола академика рулоны бумажной ленты, быстро их размотал. На некоторых выделялись обведенные красной пастой цифры.

— Александр Игоревич посчитал варианты, — захлебывающейся скороговоркой выпалил Виктор Сергеевич (у него получилось: «Александр Игряч почтал

варнты»). — Вывод — к полигену нужно прицепить еще несколько ферментов, ответственных за синтез веществ, повышающих агрессивность. Агрессивность! Вот чего не хватало нашему полигену Л! Здесь — смотрите же! — и здесь. Ясно? Что скажете?

— Но такое соединение будет активно воздействовать на печень.

— И вызовет в конечном счете усиленное выделение желчи. Совершенно верно. Вместе с воздействием на поджелудочную и желудок усилит агрессивность подопытного. А вот это звено — смотрите же! — воздействует на гипофиз и половые железы. В результате — создание активного, прогрессивно-агрессивного типа организма.

— Может наступить истощение... — начал я.

Как обычно, он уже понял, куда я клоню, и нетерпеливо перебил:

— Вы же предусмотрели накопление жира в депо. И на здоровье. Процессы будут идти параллельно. Конечно, ваш подопытный станет, гм, несколько желчным, недобрый, возможно, завистливым. Но, помилуйте, как же вы получите активную борьбу за лидерство без агрессивности? Вот вам формула в окончательном виде, если j — это желчь, а β — анизотропный гормон. И учтите, варианты посчитаны...

Я взглянул на Александра Игоревича, и он едва заметно кивнул.

— Давайте подытожим. Участки «дельта» и «зет» обеспечат крепкий скелет и нужный тип обмена. Правда, изменение азотистых оснований в гене С-14 изменит не только работу гипофиза, но и цвет глаз подопытного бычка, однако коровы его полюбят и за такие глаза. Им, коровам, все едино. Ну как, довольны? Блестяще подтвердились ваши гипотезы!

По правде говоря, моего в этой работе было теперь не больше трети. Это Виктор Сергеевич нашел выход из тупика и подсказал решение, а Александр Игоревич разработал его подсказку. Но разве точно таким же образом наш академик не находил выходы и для других — для своих учеников, помощников, коллег из иных ведомств и городов?! Он становился то биохимиком, то физиологом, то математиком, то хозяйственником, то музыкантом — в зависимости от проблемы, потому что был и тем, и другим, и третьим. Он совмещал в себе, казалось бы, несовместимые качества характера. Его ум работал на немыслимых стыках наук, совершая немыслимые открытия, может быть, именно благодаря тому, что стыковал то, чего никто до него не догадался состыковать. Не зря он так часто напоминал нам, что природа едина, что это люди для удобства изучения распределили ее по наукам. И поэтому закономерно, что всякий раз, когда кто-то в силах объять в своем уме и воссоединить разрозненные и уже глубоко изученные части, он буквально натыкается на открытия, как на лежащие на поверхности самородки.

Придерживая подбородком кипу рулонов, я нес их, как величайшую драгоценность, к себе в лабораторию. Придя к себе и продолжая блаженно улыбаться, я разложил листы на столе. Мне хотелось поделиться своей радостью с коллегами, но прошло уже

¹ Что и требовалось доказать (лат.).

пятнадцать минут после окончания рабочего дня, и сотрудники поспешили разойтись.

И тут, как по заказу, в лабораторию заглянул, держа наготове швабру, дядя Вася. Я позвал его и завел разговор о том, какие замечательные люди работают у нас в институте. Он согласно кивал головой и поддакивал. Мне казалось, что мы чувствуем одно и то же, что он полностью разделяет мои мысли о коллегах, что и он замечательный человек... Вот в дни отгула взял швабру, заменяет заболевшую тетю Пашу. Пусть он простой человек, не очень-то образованный, образование — дело наживное, была бы внутренняя интеллигентность в человеке, готовность жадно впитывать знания... Раззадоренный его кивками и своими мыслями, я, не откладывая, рассказал ему о том, как помогли мне Виктор Сергеевич и Александр Игоревич, попутно изложил в популярной форме историю создания полигена Л.

— Помните, дядя Вася, «вначале было слово»? — горячо говорил я. — Но на каком языке? У природы их множество. Я, например, для своей работы избрал биохимический. Определив, какие вещества и в каких пропорциях взять вначале, зная течение реакций, в которые они неминуемо вступят, я заранее заказываю исходный объект, в данном случае — организм. При чем я хочу получить определенный организм с заданными качествами. Для этого беру строго выверенные доли вещества. Могу и менять программу опытов так, чтобы усилить одни качества в объекте и ослабить другие. На этом биохимическом языке можно управлять и уже готовым организмом, вводить в него определенные доли веществ, зная, какие действия они вызовут, какие поступки заставят совершить. Понятно?

— Как не понять? — развел руками дядя Вася. — Например, алкоголь вызывает расстройство нервной системы, а через это разброд в голове, дрожание членов и шатание при ходьбе. Пить — здоровью вредить. Так?

Я несколько растерялся, не зная, шутит он или говорит серьезно. И тогда он с неподдельным восхищением проговорил:

— Так вы теперь, Петр Петрович, у нас в роли демиурга (он и тогда любил вставлять в свою не очень-то грамотную речь полюбившиеся ему иностранные слова. Причем их, как ни странно, он произносил правильно).

— Скажете тоже, — не без самодовольства возразил я. — Этим занимается вся генная инженерия. Ведь природу-матушку не мешает слегка подправить. Вот я и решил создать полиген Л — полиген лидерства. Ясно?

— Ясно-то ясно, да как бы она, матушка, нас не подправила и отправила к...

— Ну что вы, дядя Вася, ничего опасного тут нет. Я же только хочу увеличить, к примеру... — я вспомнил, что он часто приходит в комнату отдыха посмотреть хоккей по цветному телевизору, — число лучших игроков хоккейной сборной...

— Так вы никак для спорта стараетесь?

И опять не понятно было, шутит ли он. На всякий случай я и ответил полушутя:

— Вся наша жизнь — спорт, дядя Вася, разве не так? Мы во всем соревнуемся друг с другом и не хотим отстать. Даже одеваться желаем не хуже, чем сосед. Но если говорить серьезно, люди здесь ни при чем, я лично намерен улучшить породу наших подопытных животных. А линию выбрал такую, чтобы увеличить число животных, способных быть лидерами в стаде. Бычки при этом должны дать дополнительный привес, коровы — дополнительный надой, овцы — дополнительный настриг шерсти...

— А лидеры, — он посмаковал это слово, накрепко запоминая его, — лидеры-хоккеисты — дополнительные шайбы?

— Да я же пошутил тогда, дядя Вася. Повторяю: мы не занимаемся людьми, — миролюбиво сказал я.

— Ничего, милок, другие займутся. Любо-дорого начало, а там пошло-поехало. Разве же при таких успехах людей оставите в покое?

— Дядя Вася, вы не темный обыватель. Вы — работник науки, — я намеренно преувеличил его роль, — и сами понимаете: если генная инженерия займется людьми, то для их здоровья, благополучия, например, чтобы исправить наследственные дефекты, лечить людей от серповидной анемии, шизофрении, размягчения костей, от наследственного, — чуть было не сказал «алкоголизма», но вовремя спохватился, — порока сердца... Одним словом, для их же пользы.

— И я же говорю — для пользы, для пользы, не иначе. Сначала увеличите число бычков-лидеров, потом — обезьян. А потом? Были бы кошки, а мышки найдутся. Все Адамовы детки, все на грехи падки...

— Не беспокойтесь, дядя Вася, мы тоже заботимся о безопасности.

— А то как же, видит волк козу, забыл и грозу. Да только... не все захотят стать ентими лидерами. Не велика радость в начальники вытолкаться. Там и без ваших лидеров невпротык. Да и ни к чему это. С другого краю поспокойнее...

— Это с какого краю?

— А хоть бы и с моего. Возьмите, к слову, нашего Виктора Сергеевича. Орел. А жизнь собачья. Крутная одна по комиссиям да заседаниям. Не то что в картишки перекинуться или на рыболовлю съездить — подумать спокойно некогда.

Я собирался возразить, да поперхнулся. Окончание его последней фразы точь-в-точь соответствовало тому, что совсем недавно я услышал от Виктора Сергеевича: «Беготня замучила. Подумать спокойно некогда». Оказывается, невидимые нити связывают самых разных людей гораздо больше, чем мы себе представляем. И весы для уравнивания, созданные природой, хитроумней любых человеческих весов. Взирайся на гору, опережая других, сдирая кожу, хоть вовсе вылез из нее, а когда взобрался, — крошечный, ободранный, торжествующий, — оглянись: кого оставил позади? Только ли препятствия да соперников? Присмотрись: вон продирается по склону юноша. Не кажется ли он тебе знакомым? Ба, да ведь это ты в юности — с еще не растраченными силами и не замутненными порывами. Теперь понял, кого ты опередил, кого оставил позади? Так стань с ним на

весы — что они покажут? Перевесишь ли ты сегодняшний? Только в этом твое оправдание перед собой. А перед другими? Что оставляешь им? Сколько раз тебе еще становиться на весы, чтобы обрести чувствование выполненного долга? А весы полны неожиданностей...

...Виктор Сергеевич ушел к себе, а я задержался у большой клетки с самками. Они беспокойно сновали из угла в угол.

— Придется повдоставать, голубушки, не разрешают пока к вам Опала переселить, — машинально произнес я, обдумывая странный совет Виктора Сергеевича.

Словно в ответ на мои слова, за спиной послышался шум.

Я обернулся. Опал стоял в своей клетке, схватившись за решетку, и пристально смотрел на дверь. Она открылась — и в светлом проеме показалась тоненькая быстрая фигурка...

ТАНЯ

Я не мог предположить, что на нее так подействует смерть Тома. Сначала она испугалась, полные губы задрожали, она прихватила нижнюю острыми кремчатыми зубами. И вдруг по щекам покатились мутные горошины, оставляя темные следы.

— Он был такой послушный, — говорила она, всхлипывая. — Такой сильный и послушный... Когда я делала им прививки, он словно понимал, что это надо. Диана пыталась меня укусить, так он дал ей затрещину. Нельзя было мне уходить на этот паршивый фильм!

— Успокойтесь, Таня, вы здесь ни при чем. То же самое могло случиться, если бы вы не уходили...

— И фильм-то был никудышный, — не слушая меня, продолжала она всхлипывать, размазывая краску по щекам. — А я как чуяла что-то. Летела слома голову. И как же теперь Диана и Вита без него?

— На днях привезут другого жоака, — сказал я.

— А ваш противный Опал? Его не переведут в эту клетку?

С некоторых пор я заметил странную неприязнь Тани к молодому шимпу. Расспрашивал ее о причинах, но она не могла ответить ничего вразумительного: «Взгляд его мне не нравится. Боюсь его». — «Он пытался напасть на вас?» — «Нет, не в этом дело», — и прикусывала губу, глаза становились отрешенными.

— Вас, наверное, к начальству вызовут, — предостерег ее от реальной опасности. — Так я всем сказал, что...

— Все-таки не надо было мне уходить, — упрямо качнула она головой, и русский завиток приклеился к мокрой щеке. Теперь она и вовсе стала похожа на большого ребенка.

— Явилась наша Татьяна, — послышался бархатный баритон, и через порог вивария переступил Евгений Степанович. — Мне сообщили, что дежурить здесь должны были вы.

Таня согласно кивнула. Требовалось мое срочное вмешательство:

— Я уже говорил, что у нее родственница...

— Я в кино была, Евгений Степанович, — сказала она, и в мокрых ее глазах блеснул непонятный мне вызов.

Вот тебе на, не успел-таки! Уже сколько раз я твердил, что прямолинейность погубит ее. У Тани было немало недостатков: дерзкая, вспыльчивая, могла и нагубить. Но хитрости и своекорыстия в ней не было, и, пожалуй, за это я ей многое прощал. Какая же муха ее сейчас укусила?

— Так, так, в кино, и, конечно, с мальчиками...

— С мальчиками! — шмыгнула носом, и глаза мгновенно высохли.

— А Петр Петрович по доброте душевной отдувайся тут за вас. Об этом вы подумали?

— Спасибо, что напомнили. Отдуваться буду сама. Петр Петрович не знал, куда я пошла.

Впервые, сколько ее знаю, она солгала. Ради меня. Возникло теплое чувство к этому взъерошенному пенцу. Но зачем она так беспричинно дерзит заместителю директора? Ведь виновата она...

Евгений Степанович круто, на каблуках, повернулся и ушел.

Я укоризненно покачал головой:

— Что с вами, Таня?

— А, не до него! У меня, Петр Петрович, предчувствие, будто смерть Тома только начало наших бед. Что-то еще должно случиться...

— Особенно если будете дерзить начальству. И вообще, вы что, хотите меня зайкой сделать, новоявленная пифия? — попытался пошутить я, но неприятный холодок пополз по спине.

* * *

В моей тридцатилетней жизни, естественно, были женщины. На втором курсе я влюбился в дочку нашего профессора Сою, меня приглашали усиленно в их дом и считали женихом. На четвертом курсе мы расстались. Соня влюбилась в аспиранта, а я, назло ей и чтобы не оставаться в долгу, стал встречаться с Наташей, официанткой из нашей университетской столовой.

Затем уже здесь, в институте, я встретился с лаборанткой Верой, чем-то похожей на Наташу, но гораздо красивей. Я знал ее раньше, она училась в соседней школе и считалась первой красавицей микрорайона. Я увидел ее однажды в спортзале на тренировке — она занималась художественной гимнастикой, и после этого несколько ночей Вера являлась мне во снах со своими круглыми, как яблоки, коленями и плавными изгибами бедер. Мама заинтересовалась, почему я так беспокойно сплю и кого зову. Однако и тогда я понимал, что в свете красавицы и без меня достаточно безнадежных вздыхателей, и не очень огорчился, когда узнал, что она вышла замуж за выпускника военного училища и уехала с ним за границу. Через два года — об этом я услышал уже в университете — она вернулась к родителям без офицера, но с ребенком.

Я встретил Веру в день первого моего прихода в институт. Она работала в нашей лаборатории. Теперь роли слегка изменились. Хотя Вера оставалась по-прежнему красивой, пожалуй, — с мужской точки зрения — стала еще привлекательней, но и я пришел уже не просто мэнээсом — младшим научным сотрудником, а мэнээсом, подающим надежды, как сказал при Вере профессор Рябчун, мой руководитель еще по студенческому научному кружку. И сам директор Виктор Сергеевич, зайдя в лабораторию, узнал меня — он отличался феноменальной памятью, в том числе зрительной, — и вспомнил, что вручал мне премию на студенческой олимпиаде.

В тот первый день я задержался на работе чуть дольше, знакомясь с аппаратурой. Я читал инструкцию пользования ультрацентрифугой, когда чьи-то пальчики тронули меня за плечо.

— Оставьте немножко на потом. Еще и не так закружитесь.

Я поднял глаза. Красавица Вера смотрела на меня, завлекательно улыбаясь. Никогда раньше не подарила бы она мне своей знаменитой — на две школы — дразнящей улыбки. Она была права: здесь кружило получше, чем в центрифуге.

— Действительно, пора закругляться, — сказал я, небрежно глянув на часы, как будто давно привык к таким женщинам и таким улыбкам.

Быстренько собрался, стараясь не показать, что спешу. Она терпеливо ожидала.

По-видимому, движения мои все же были хаотичными, и я ухитрился разлить физиологический раствор. Вера помогла мне вытереть пол, затереть пятна на пиджаке — одним словом, исправно выполняла роль феи, снизошедшей к бедному мэнээсу. Все-таки несколько похвальных слов директора явились допингом для обеих сторон, и я с достоинством выдержал свалившееся на меня везение.

У Вериного дома мы остановились лишь на минуту, она пригласила меня в гости. В квартире было довольно уютно, мама и папа оказались людьми приветливыми, Верин сынишка декламировал стихи, которые выучил в детском садике. Мы пили чай с айвовым вареньем и слушали по японскому магнитофону, привезенному Верой «оттуда», записи песен Владимира Высоцкого. Мне было очень хорошо у них, но все время мешало ощущение, что это со мной уже происходило. Оно мучило меня, подсыпало горечь в варенье, и в конце концов я вспомнил, что так меня принимали в профессорском доме, где я считался женихом. Там меня тоже угощали айвовым вареньем, и несостоявшаяся теща так же радушно подкладывала печенье.

Это воспоминание неотступно преследовало меня при всех посещениях Вериного дома, даже когда оставались вдвоем в ее комнате и она закидывала мне на плечи белые холеные руки с ямочками на локтях и спрашивала:

— Тебе уютно у меня?

Я целовал ее шею, и рассыпавшиеся волосы щекотали мои губы, кружилась голова, а Вера шептала что-то бессвязное... Эти встречи вошли в привычку,

и я уже плохо представлял, как смогу жить без нее.

Верин сын Митенька бурно радовался моим приходам, тем более что всякий раз я приносил ему подарок: то лошадку, то машинку. Его привязанность становилась иногда весьма неуместной, ибо только хитроумными уговорами и уловками Митю удавалось выпроводить на улицу или к дедушке с бабушкой. Бывали дни, когда он упорно ходил за мной из комнаты в комнату как тень.

На работе все уже давно заметили наши взаимоотношения и считали «дело» решенным. И только какое-то неосознанное ироническое чувство вторичности происходящего еще удерживало меня от предложения руки, сердца и более чем скромной зарплаты мэнээса. Последнее обстоятельство было далеко не второстепенным.

Когда в лаборатории появилась Таня, я поначалу не обратил на нее никакого внимания. Заморыш из интеллигентской семьи. Бледное матовое лицо, серьезные глаза с ироническими искорками. Длинные стройные ноги, но угловатая походка подростка. Никакого сравнения с Верой — та постоянно несла свое ладное тело, как на праздник.

...И вот однажды, когда я колдовал с проводкой на задней стенке шкафа термостатов, случайно услышал разговор обо мне. Прежде чем я успел выйти на свет, подружки наболтали столько, что предпочтительней было оставаться в укрытии.

— ...Нахваливаешь все своего Петеньку, а я замечаю, что на тебя Николай Трофимович око кладет, — говорила Верина подружка.

— А, пускай себе.

— Так он же не так, как Евгений Степанович, а по-серьезному. Пригляделась бы. Видный мужик. С него девки глаз не сводят, а он все внимание — на тебя. Проходит мимо — чуть не приклеится.

— Сама знаешь, у меня Петенька есть.

— Нашла красавца.

— А что? У него глаза ласковые. Жидковат, конечно, но сейчас в моде нежные, интеллигентные...

— Так Николай Трофимович еще интеллигентней. Как-никак ведущий научный сотрудник. У него ставка в три раза побольше, чем у твоего Петеньки.

— Зато у Петеньки будущее. Николай Трофимович на своем «ведущем» надолго застрянет, а мой через годик кандидатскую защитит — и в «головные». А может, сразу докторскую. Слышала, что о нем академик с нашим профессором говорили? И потом, к твоему сведению, Николай Трофимович не сам в квартире. С матерью. Квартира двухкомнатная, двадцать девять с половиной метров. Другая ему пока не светит. Надо к ним идти жить. Мама-ша у него крепкая, долго протянет... С чужим ребенком, в расчет возьми, тоже возиться не очень захочет. А у Пети мать в другом городе. Когда женится, его в общежитии долго держать не станут. У меня дома пару месяцев перебьемся, зато квартиру на Печерске получим. Там как раз заложили дом по новому проекту. Улучшенной планировки.

— Ну и умнящая девка ты, Верка, — хихикнула подружка.

— Любый вопрос, как говорит наш академик, надо в перспективе рассматривать. Футурологией интересоваться...

Внезапно в разговор двух подружек ворвался накатанный яростью срывающийся голос:

— Скоро замолчите, девчонки? Слушать противно!

— Чего ж так? — с удивленной ехидцей пропела Верина подружка.

— Вы же о людях, а не о лошадях толкуете.

— О людях, о людях. Лошади зарплату не получают. А ты, если будешь такой горячей, у нас не удержишься.

— Не угрожайте, не боюсь.

Я узнал голос: новенькая, Таня.

— Не связывайся. Она горячая по молодости. Ничего, это проходит.

— Молодость или горячность? — фыркнула подружка.

— И то, и другое.

Пересмеиваясь, они собрались, переобули туфли и ушли. Вскоре, как я слышал, ушла и Таня. Я просидел за шкафом, опустошенный, минут пятнадцать, хотя можно было уже вылезать.

В тот день я не зашел, как условились, к Вере. Долго бродил по городу один. Уходящее солнце зажигало пламенные блики на оконных стеклах верхних этажей, иногда бросало золотые монетки в зелень деревьев. Становилось тише и глуше порывистое дыхание Киева: шум автомобильных моторов, движение и рокот людских толп; я присел на скамейку в сквере, прислушался к себе, убедился, что опустошенность моя не болезненна. Просто чего-то лишился, чего-то не хватает. Но лишиться надо было. Чувство вторичности, невсамделишности происходящего не подвело. Оно как бы предохранило меня от поспешного шага... «Не совсем молодой человек, — сказал я себе, — не разыгрывайте трагедию. Для хорошего артиста у вас слишком много рассудочности...»

На второй день Вера старалась не смотреть в мою сторону, ждала, когда я подойду к ней и объясню, почему не пришел. Я не подходил. Тогда она разочек, проходя мимо, будто ненароком задела меня бедром. Извинилась. Я так ответил «пожалуйста», что сотрудники оглянулись, а у нее отпала охота толкаться. Она рассердилась уже по-настоящему. А я вначале подумывал даже, не перевестись ли в другой отдел. Но потом решил остаться. Что-то удерживало меня в этой лаборатории. Кажется, я уже знал, что именно, но уточнять не стал...

В отношениях между тремя лаборантками внешне ничего не изменилось. Однако по непонятной причине стала часто биться посуда, закрепленная за Таней; то трехгорная колба, то бачок, не говоря уже о пробирках. Однажды пища, которую она приготовила для кроликов, оказалась пересоленной, я не подозревал, чьих рук это дело, думал: виной — Танина неопытность. Наш добрейший профессор Рябчун замечание ей сделал: «Мечтать, конечно, надо, это хорошо, и все-таки на работе, уважаемая, следует быть

собранной, аккуратной». А она отвернулась от него, и в глазах ее — слезы.

...Вера начала оказывать знаки внимания Николаю Трофимовичу, да так, чтобы я видел. А убедившись, что на меня это не действует, перевелась в другую лабораторию. Иногда мы встречались с ней в коридоре или в столовой, и она делала вид, будто меня не замечает. С Таней она тоже не здоровалась. Зато лабораторная посуда оставалась целой.

* * *

«20 января лаборантка 3-го отдела тов. Михайленко Т. Р., обманув младшего научного сотрудника П. П. Романовского, ушла с дежурства в кино. Во время ее отсутствия из-за преступной небрежности в обращении с ядохимикатами был отравлен и погиб подопытный шимпанзе.»

Объявляю тов. Михайленко Т. Р. строгий выговор. Из зарплаты тов. Михайленко Т. Р. удерживать по 20 % до полной выплаты стоимости подопытного шимпанзе.

Директор института генной инженерии академик Слепцов В. С.»

Прочитав приказ, я поспешил записаться к директору на прием «по личным вопросам». Когда возвращался из приемной, в коридоре лабораторного корпуса встретил Таню. Оказывается, она ждала здесь меня.

— Я хочу вас о чем-то попросить, Петр Петрович, можно? — с тревогой заглянула мне в лицо.

— Можно, — украдкой я приглядывался к ней. Девушка казалась спокойной.

— Не нужно ничего объяснять начальству, Петр Петрович.

— Почему? Ведь в приказе неправда. Вы меня не обманывали.

— Не имеет значения.

— А что имеет значение?

— Смерть Тома. И...

— Что «и...»?

— Да это я так подумала, про себя: «и то, что может еще случиться».

— Ах, предчувствие? Но оно на чем-то основано? Так вот, об этом тоже необходимо поговорить.

Она словно заглянула в мои мысли, отрицательно качнула головой:

— Девчонки этого никогда бы не сделали.

— Кто же?

— Если бы знать...

— Может быть, по неосторожности...

— Вряд ли...

За каждой ее фразой клубился туман недоговоренности.

— Да скажите вы прямо наконец о ваших предположениях.

— Не могу, Петр Петрович, нет у меня нужных слов.

— Мистика! — рассердился я.

Но она посмотрела с такой мукой, что моя злость растворилась. Ее пухлые детские губы дерну-

лись и выпятились, словно для поцелуя. Теперь я разозлился на себя за то, что мои мысли в отношении Тани постоянно принимают одно направление. Но я, рядовой демиург, знающий, как перестроить клетку, ведающий, какие микродоли вещества являются причинами сложнейших поступков, — что я мог поделаться с собственными клетками и микродолями?

* * *

Я не пошел на прием «по личным вопросам». Однако разговор о Тане с Виктором Сергеевичем состоялся. Случайно я встретил его одного в коридоре после работы, подошел и выложил все как было. А если начистоту, то я специально караулил его в течение недели, ведь академик редко ходил по коридорам один. Он выслушал меня до конца, а уже потом поморщился:

— Значит, выговор следовало объявить вам за самовольничанье?

— Именно.

— Не переживайте, исправим, — улыбка промелькнула в глубине его глаз. — Формулы обрабатывали?

— Заканчиваю, Виктор Сергеевич. ВЦ задерживает.

— К Александру Игоревичу обращались?

— Он обещал, но там очередь...

— Пойдемте, я гляну, что вы сделали и что осталось, — и, не ожидая моего ответа, ринулся к лаборатории.

Он быстро просматривал лист за листом, иногда делал пометки.

— Проверьте еще раз это соединение. В чистом виде и с бензольным кольцом. А потом уже включайте в препарат.

— Уйдет уйма времени, Виктор Сергеевич.

— Кто же говорит, чтобы вы его проверяли на обезьянах или коровах? На математических моделях! А параллельно — на мышах.

— В ВЦ — очередь, — робко напомнил я.

— Математику учили? Вам сейчас нужна простейшая модель. Сами не в силах ее составить? Сколько раз повторять — без математики в современной биологии делать нечего. Тем более в генной инженерии. Это все равно что копать котлован под фундамент высотного дома лопатой. Тоже мне землекоп нашелся! — Он фыркнул от огорчения. — Вы же были неплохим математиком в университете. Думаете, я забыл? И не спорьте. Начните сами, а я помогу. Начните сегодня же.

Я невольно взглянул на часы, и он начал злиться:

— Ну, не в буквальном же смысле. Вчера. Завтра. В течение ближайших двух дней.

— Хорошо, Виктор Сергеевич, но вот здесь, посмотрите... Реакция проведена до конца, а ткань не изменилась так, как предполагали...

Он прищурился, поймал меня в прищел глаза, стал рассматривать:

— О-о, начинающий хитрец! Желаете, чтобы за вас подумали? Пригваряетесь, что сами не знаете

ответа? Исчерпаны возможности этой ткани, батенька добрый молодец. Ищите обходные пути. Не всегда прямой путь — кратчайший. Иногда и с тылу зайти надобно... Замените, например, для начала фермент группы «зет» ингибиторами...

Я откинулся на спинку стула. Именно это предполагал сделать я. Но догадка стояла мне недели напряженных размышлений и поисков. А он вот так просто — за минуту. Ну что ж, говоря его словами, если в твое распоряжение попала мозговая машина повышенной мощности, используй ее до конца. (Отчего-то мне стало обидно.)

— Виктор Сергеевич, посмотрите в этот лист. Вот здесь тоже ничего не выходит...

— А здесь за вас посчитал Александр Игоревич в самом начале. В рекомендациях было записано. Забыли, потеряли, добрый хитрый молодец? Разыщите!

Ну и память у него. Феноменальная! Страницы сложнейшего текста с математическими расчетами помнит наизусть. Мне рассказывали, что однажды где-то на отдыхе он на пари читал стихи разных поэтов. Три часа кряду — ни разу не повторился и не запнулся. Но на этот раз он ошибается: я отнюдь не забыл рекомендаций скомбинировать живую ткань с искусственной и применить новый вид пластмассы...

Виктор Сергеевич окинул меня подозрительным взглядом:

— Или не хотите привлекать на помощь химию полимеров? Решили обойтись собственными «демоническими усилиями»? Гордыня вас погубит, добрый молодец.

И от того, что он снова попал в точку, раздражение неумолимо начало расти во мне, как снежный ком, подступало к горлу.

— Мы хотим перестроить живую ткань, а не менять ее на искусственную. В противном случае зайдем дальше, чем предполагали.

Он закинул ногу за ногу, потом вскочил и забежал из угла в угол. Его движения стали беспорядочными, в них появилась беспокойная юркость подростка. Внезапно он круто остановился напротив меня, смешно, по-верблюдьи выпятив нижнюю губу:

— А вы точно знаете, где нужно остановиться?

Неужели он не понимает, куда ведет этот путь? Пагубный путь, на котором нельзя будет остановиться и повернуть обратно? Меня ничто уже не могло сдерживать.

— Сначала заменим один участок, затем — другой, третий... А что останется? Нет, я не пойду на такой компромисс. Этот путь не для меня!

— Не плюйте в колодец.

— Когда же он пригодится?

— Когда исчерпаются резервы природных структур. А они неминуемо исчерпаются. И сравнительно скоро.

— Даже переделанных и улучшенных нами?

— Даже. Пластичность природных структур имеет предел.

Я молча смотрел на него, напряженно морща лоб, придумывая достойное возражение.

— Ну что вы уставились на меня, как на новые ворота?

Видимо, академик здорово разозлился, если не воздержался от оскорбления. Он всегда злился, когда его недостаточно быстро понимали те, кого он считал своими учениками. Ему казалось, что они упрямятся и не желают вникнуть в суть, что люди вообще предпочитают не напрягать клетки серого вещества мозга. А он сам никак не желал понять, что за его мыслью трудно угнаться, что обычному человеку необходимо дополнительное время, чтобы воспринять и постигнуть его мысль.

— Ладно, будем считать, что у вас слишком длинная шея, — ворчливо проговорил он и, раздраженно барабанив пальцами по спинке стула, начал объяснять: — Когда конструктор создает тип автомобиля, он рассчитывает его для определенных условий, хотя и оставляет запасы прочности, мощности. Если вы захотите улучшить модель — сможете заменить шасси, форсировать двигатель и выжмете дополнительную скорость. Скажем, со ста пятидесяти до двухсот километров в час, до трехсот наконец. Но если вам понадобится скорость полторы тысячи километров в час, а?

— Создам другую модель.

— Мы же не в детском садике. Это уже будет не автомобиль, черт возьми!

— Почему, черт возьми?

Он угрожающе уставился на меня, нетерпеливо пофыркивая, как рысак перед препятствием.

— Притворяетесь? Стараетесь разозлить? Это известно школьнику. Сопротивление среды, черт возьми! Для такой скорости придется менять среду. Это уже будет не автомобиль, а самолет.

Вид у меня, вероятно, был растерянный, и он слегка смягчился:

— Вы впали в амбицию, гордый добрый молодец. Придется начинать с азов. Природа создавала человека для тех же целей, что и дождевого червя или там божью коровку. Борьба за существование, размножение в условиях замкнутого пространства и снова борьба за существование. Да, добрый молодец, и создавала она его по принципу червя, а не творца всемогущего! Не хотите червя, претит вам, так в лучшем случае — шимпанзе, хотя тут нет никакой принципиальной разницы. Те же основы конструкции, обмен веществ, способы питания, взаимодействие с внешней средой, поддержание гомеостаза. А человек взял да и стал из собирателя сеятелем, и для этого ему понадобилось еще стать существом социальным — исследователем и творцом. Так он участвовал в процессе самопрограммирования, без наказания матушки-природы... Хотите спросить, почему без наказания? Он был бы зафиксирован в отличиях нашего с вами строения из всего остального животного мира, а его нетути. Итак, без наказания Матушки человек решил стать из автомобиля самолетом, даже ракетой. Более того, из подопытного — экспериментатором. Как уж тут обойтись той же конструкцией организма?

— Значит, по-вашему, выход в ином: искусственные ткани, искусственный интеллект, а потом — ис-

кусственный человек, гомо синтетикус, сигом? Иные способы усвоения энергии, переработки информации, иные принципы построения? Слышал о таких модных идеях...

— Модными идеи становятся в силу целесообразности. Возьмите, например, такой печальный парадокс. Чем старше становится человек, опытнее, богаче как личность, тем более разрушает его организм неумолимое время, пока годам к восьмидесяти он не одряхлеет совсем. А ведь дай нам природа иной принцип — возможность свободной замены частей, — и в сорок лет, поумнев и став опытной, человек бы устроил свой организм сильней, здоровей, чем был он в двадцать; в восемьдесят — здоровее, чем в сорок, а в сто, в тысячу? Представляете? А ведь сигомам мы дадим принцип замены частей и еще многие другие, которые уже применяем в машинах и аппаратах. Сигомы сначала помогут людям обжить космос, они будут и помощниками и сыновьями человечества, и сами они смогут жить в любом уголке Вселенной...

— Но для кого тогда прикажете стараться? Я эгоист, как все люди.

— Не-е-ет, ничего не поделаешь! — он даже ногой нетерпеливо притопнул. — Тупо сковано — не наточишь. Вы бы думали не как возразить, а как понять. Речь идет именно о сохранении человеческого — лучшего, что в нас есть. Расстается же человек с родным, кровным своим аппендиксом. Меняет челюсть, сердце, почки... Расстанется и с большим, когда прижмет, когда поймет...

— Не хочу, не желаю этого понимать, Виктор Сергеевич, — сказал я, глядя в его сверкающие антрацитом глаза. — Ни сейчас, ни потом.

— Не зарекайтесь на потом. Потом видно будет! Он уже дошел до опасной «стадии кипения». Но меня, как мама говорила, «несла нелегкая»:

— Это видно уже сейчас. А вам, Виктор Сергеевич, с такими мыслями надо от нас уходить в другое учреждение. В институт кибернетики, например, или эволюционного моделирования...

Я испуганно умолк, поздно поняв, что перешагнул дозволенную грань. Но он не закричал: «Учить меня вздумали, мэтр?» Он оторопело посмотрел на меня, и скупая улыбка высветила его раскаленные, как жаринки, зрачки. Они вдруг начали тускнеть, словно подергиваться пеплом. В них еще оставались светящиеся точки, но вот внезапно они исчезли, глаза изменились, будто повернулись ко мне другой стороной, устремив взгляд куда-то вовнутрь.

— Что ж, может быть, вы и правы, — задумчиво произнес он. — Нет, нет, не спорьте. Есть некоторые азбучные истины. Вы вовремя напомнили мне одну из них: каждый должен заниматься в первую очередь своим делом. И отстаивать его. Вы лучше усвоили эту истину, чем я. Спасибо. Кто-то из поэтов хорошо сказал: «Пусть каждый своим путем идет, пока пути не сольются...»

Он был сейчас совсем не похож на того Виктора Сергеевича, который кричал и топал ногой несколько

минут назад. Его узкое лицо стало удивительно мягким, слегка печальным, глаза вбирали в себя свет, и вдруг снова засветились, но уже по-иному — матово, ласково:

— Знаете, — сказал он доверительно, — я очень счастливый человек, что имею таких сотрудников. Они не дают подавлять себя. И правильно делают. Иначе всем было бы неинтересно.

И опять он задумался о том же, потому что через секунду произнес:

...«Когда же сольются наши пути, увидим, куда мы шли, и что нас ждало в конце пути, и кто нас у финиша ждал...»

Мне показалось, что в комнате сгустились тени, стали часовыми в углах, за шкафами термостатов, легко легли на его выпуклый шишковатый лоб. Потом я понял, что на распределителе выключили фонари подсветки.

Виктор Сергеевич повел плечами, будто сбрасывал оцепенение, лукаво улыбнулся и без всякого видимого перехода сказал:

— А Таня эта хорошая девушка, однако. Не побежала ведь оправдываться. Что скажете, холостой добрый молодец?

Погрозил пальцем, круто повернулся на каблуках и вышел из лаборатории.

«Все-таки обиделся, — подумал я. — Надо будет зайти, повиниться, словно невзначай...»

* * *

Но он сам пришел на второй же день. Это тоже было в его манере — совершенно не считаться с субординацией, — особенно если ему казалось, что кого-то обидел.

Походил по лаборатории, порасспрашивал о чем-то профессора Рябчуна, задыхал над моим ухом. Я не оборачивался. Через полсекунды он сказал:

— Я снял «строгий» из выговора. А где Татьяна?

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич. Извините, заматался, увлекся...

— Это я уже понял, хитрый добрый молодец. Так где Татьяна?

— В виварии она, Виктор Сергеевич. Опал хандрит.

— Пойдемте взглянем.

Он так и не уточнил, на кого «взглянем».

Таня снимала показания с датчиков. Увидев нас, поспешила навстречу с бумажной лентой в руке, поздоровалась с академиком.

— Ничего не пойму. Энцефалограф подтверждает активизацию мозговой деятельности, а в поведении шимпа она не наблюдается.

Виктор Сергеевич перехватил ленту, поднес ее близко к глазам (очки он забыл в кабинете), забормотал:

— Интересно. Очень даже. *Verum index sui et falsi*¹. Жук. Жук-жучила.

Повернулся всем корпусом ко мне.

— У коров и овец изменения стойкие?

— Вполне. Сказались даже на выборе пищи. Объективные показатели полностью совпадают с поведенческими. Поэтому и решились мы перенести эксперименты на стадо подшефного совхоза. Но вот с шимпанзе ничего не выходит. Полиген Л не срывается. Его действие как бы противоположно ожидаемому. Опал угнетен, поведение заторможено. Может быть, все-таки перевести его к самкам?

Объект нашего разговора приподнял косматую голову, словно прореагировал на мои слова.

— Нет, пока еще рано, — ответил Виктор Сергеевич. — У меня есть соображения. Вот выберу время как-нибудь после работы и понаблюдаю за ним. Если мои предположения верны...

Он так и не сказал, что будет, если его предположения верны, только засмеялся своим мыслям и довольно потер руки. Затем посмотрел на Таню, а обратился ко мне:

— Вы сейчас домой? Пожалуй, немного пройду с вами, если не возражаете.

Его автомобиля у подъезда не было. Он часто отпускал шофера, когда задерживался.

Мы пошли вдвоем по утоптанной тысячами ног скользкой дорожке. Виктор Сергеевич взял нас с Таней под руки и стал вспоминать о коллективной поездке прошлой осенью по грибы, о том, как Таня заблудилась в лесу и ее едва нашли. Мы посмеялись, и Таня спросила его о внуке и дочке — я понял из разговора, что она хорошо знакома с ними. Виктор Сергеевич рассказал о первом посещении внуком детского садика и о возникших там конфликтах с другими ребятами. Внезапно он умолк, будто на что-то наткнулся. Я догадался: он в самом деле наткнулся — на новую мысль. На последующие вопросы Тани академик отвечал односложно или невпопад, думая о чем-то своем. И только когда Таня упомянула его жену — она, оказывается, и ее знала, — он вспомнил, как впервые познакомился со своей Катей — на дискуссии по генной инженерии. Теперь он снова оживился, увлекся, связал конфликты внука в детсады с дискуссией, с проблемами генной инженерии. Я понял, что, даже говоря о своей семье, он думает об одном. Не это ли называют фанатизмом?

Я тоже углубился в свои размышления, и словно через перегородку до меня долетали его слова:

— Мы все знаем, что человек — часть природы. Знаем, но не задумываемся, что отсюда следует...

Таня ухитрилась протянуть за его спиной руку и толкнуть меня в бок, привлекая мое внимание. А Виктор Сергеевич умолк, поймал несколько снежинок и слизнул их с ладони. Детство неистребимо жило в нем и прорывалось иногда в смешных жестах. Не оно ли являлось скрытой пружиной его мощнейшего воображения? И не был ли он, по сути, мальчишкой, заигравшимся в новую игру на всю жизнь?

— А следует отсюда, добры молодцы, между прочим, и то, что первая, нестираемо-жесткая программа, заложенная в самой структуре человеческого организма, — это программа природы. Она строится на том, что человеку для жизни требуются воздух,

¹ Истина — пробный камень самой себя и лжи (лат.).

пища, вода, пространство; его поведение во многом подчинено этим потребностям. А поскольку он живет в мире, где всего этого не хватает, где постоянно идет жесточайшая борьба за существование, его поведение запрограммировано природой как эгоистичное с самого начала. Конечно, воспитанием, подчинением законам общества мы во многом подправляем эту Первую программу, заставляем ее работать в иных режимах, используя имеющиеся в ней прекрасные предписания, такие, как инстинкты материнства, забота о детенышах. Но принципиально изменить ее мы пока не в силах. Сие хорошо знали древние, когда говорили: *Naturam expellas furca, tamen usque recurret*¹. И, кстати, это же отлично знают всякие изверги и пользуются, когда им нужно вернуть человека к животному состоянию, ибо сделать сие намного легче, чем совершить обратный процесс. Опять же — из-за Первой программы. А мы часто стыдливо называем эгоизм какими-то пережитками в сознании, а потом удивляемся, почему эти пережитки так трудно вытравить у людей, родившихся уже в наши дни, почему, к слову сказать, малыши в детском садике вырывают друг у друга понравившуюся игрушку и увещевания воспитательницы далеко не всегда помогают. Да потому, черт возьми, что это вовсе не пережитки, а проявление давно усвоенной истины: мы — часть природы и подчинены ее программам. И величайшая заслуга того общества, которое пытается воздействовать на людей преимущественно человеческими стимулами, идущими вот отсюда, — он стукнул себя по голове так, что сдвинул шапку на лоб, — таким, как равенство, солидарность, дружба, забота о ближнем, самопожертвование наконец! Из человека легче выжать все, опираясь на Первую программу, на его эгоизм, использовать надежные рычаги, созданные самой природой. И неизмеримо трудней взывать к человечности, опираться на нее. Величайшая трудность, величайшая заслуга. Но когда-нибудь людям это все равно надо делать, если они хотят идти к лучшему, стать из рабов природы — хозяевами, творцами!

Он говорил громко, размахивая руками. На нас оглядывались прохожие, думая невесть что. Не могли же они предполагать в этом невысоком жестикующем человеке известного всему миру академика. Тем более что одет он был в далеко не новое, вышедшее виды драповое пальто и слегка вылезшую, правда, пыжиковую шапку. Академик терпеть не мог влезать в новую, как он говорил, «непритертую» одежду, особенно в обувь.

Наконец он тоже заметил удивленные, насмешливые, а иногда и подозрительные взгляды, снизил на полтона голос:

— Кстати, если бы мы не валили все трудности в кучу «пережитков», а говорили правду, легче было бы и бороться с ними. «Говори откровенно, и лжец от тебя убежит», как сказал английский поэт Уильям Блейк.

Когда мы входили в полосы света от фона-

рей, становились резче усталые морщины у его рта, у глаз...

— ... А мы с вами, Петр Петрович, залезаем внутрь механизмов Первой программы да еще пытаемся переделать их, приспособляя к своим, человеческим целям. Поэтому нам надо быть ой какими хитрыми и терпеливыми. А самое главное — дальновидными. Ибо госпожа природа не всегда прощает такое вмешательство...

Вдруг озорно подмигнул мне:

— Мы же все равно будем вмешиваться. Нас медом не корми, только дай вмешаться, покопаться в себе. Да и ничего другого нам не остается...

Он поправил шарф на шее, и Таня сказала:

— Не простудитесь, Виктор Сергеевич? Все-таки сегодня на улице холодно.

Как в каждой женщине, в ней жило одно из прекрасных проявлений Первой программы — инстинкт материнства, и она покровительственно относилась к мужчинам. Но Виктор Сергеевич, наверное, по-своему понял ее слова, потому что сразу же, взглянув для приличия на часы, заспешил, попрощался и почти на ходу вскочил в троллейбус.

А мы в тот вечер еще долго гуляли по заснеженному проспекту Науки. Набрякшее небо висело низко, облака казались следами босых ног на темно-зеленом льду. Под ногами потрескивала снежная парусина. Ветер менялся, становилось теплее. Постепенно менялось и небо, превращаясь в синюю стеклянную чашу.

— Откуда вы знаете домохозяев академика? — спросил я.

— Училась с его дочкой в одной школе, — отчего-то смутившись, неохотно ответила Таня и поспешила спросить: — А почему Виктор Сергеевич пришел с вами в виварий? Специально ко мне?

Пришлось рассказать о вчерашнем разговоре и о том, как сегодня неожиданно академик появился в лаборатории.

Мы заговорили о своеобразности Виктора Сергеевича.

— Это своеобразность гения, — утверждала Таня. — Даже то, как он исправляет свои ошибки, как не боится уронить свой авторитет.

— Так должны поступать все люди, Таня. Исключение должно стать нормой.

— Должно? — насмешливо произнесла она. — А когда станет? Одни не хотят поступиться гордостью, а другие боятся потерять ее. Ведь их авторитет держится на довольно хрупком фундаменте. Только такой человек, как Виктор Сергеевич, может позволить себе не считаться с условностями. А много ли таких?

— Точно таких очень мало. Но тех, кто поступает так же, гораздо больше. Не обязательно быть гением, чтобы поступать честно.

— Он не просто честный человек, а директор крупнейшего института, где собраны значительные умы. Чтобы управлять ими, надо быть умнее их всех...

— Или честнее. Или добрее. Или терпимее. Или лучше владеть собой. Или, или, или... Понимаете?

— Не согласна, — сказала Таня и качнула пом-

¹ Гоня природу вилами, она все равно возвратится (лат.).

ном на шапочке. — По отдельности ни одно из названных качеств не даст решающего преимущества. А если они сами не признают его над собой? Он не сможет здесь руководить...

— Я смотрел на ее губы, как они выпячиваются, и на них то появляются, то исчезают крохотные морщинки. Я слишком долго смотрел на ее губы, и мне хотелось спорить.

— Ладно, — сказал я. — Может быть, вы и правы.

Она удивленно вскинула ресницы, на которые налипли снежинки, и уставилась на меня. И я не осмелился ее поцеловать.

* * *

Ранние сумерки занавесили окна. Сквозь черноту чуть пробивались светлые точки — то ли далекие фонари, то ли звезды. Таня помогала мне сверять таблицы. С улицы донеслась сирена «скорой помощи». Я подумал: «Сколько несчастий случается в большом городе ежесекундно...»

По коридору затопали тяжелые шаги. К ним присоединились другие, третьи... Бежало несколько людей. Таня вскочила, распахнула дверь. Донесся чей-то запыхавшийся голос:

— В виварии несчастье!

«Охранники!» — подумал я и невольно бросил взгляд на часы: половина седьмого, рабочий день закончился полчаса назад. Очередная кормежка животных — через полтора часа. Кто же там сейчас оказался?

— Таня, ну что вы застыли у двери? Пойдемте в виварий.

Она повернула ко мне мертвенно-бледное лицо:

— Да, да, идемте. Быстрее!

Вспомнились ее тревожные слова о предчувствии. Что там могло произойти?

Я побежал бы, если бы не Таня. Она еле шла, прижимая руки к груди. С улицы опять ворвался вой сирены, завибрировал где-то под потолком.

В тамбуре толпились люди. Вера, Николай Трофимович, дежурные математики из вычислительного центра. Я услышал: «Виктор Сергеевич...» — и, растолкав людей, пробрался в виварий. За мной неотступной тенью следовала Таня.

...Он лежал в луже крови недалеко от клетки. Опала, подогнув ногу и вытянув руку вперед. Из-под полы белого халата виднелся серый костюм, знакомый мне уже лет пять... На его голову страшно было смотреть. Врач «скорой помощи» что-то говорил санитарам. Из тамбура прозвучал негромкий властный голос:

— Пропустите, пожалуйста.

Несколько человек гуськом прошли в виварий. Один из них, в милицейской форме, остановился, повернулся лицом к тамбуру и предостерегающе поднял руку:

— Кто может дать показания, останьтесь. Остальных прошу вернуться в свои комнаты, но из института пока не выходить.

Я не был уверен, что смогу «дать показания», но

остался. Таня — тоже. Она стояла рядом, прислонившись плечом к моей груди, опустив голову, чтобы не смотреть «туда». Я чувствовал, как дрожит ее плечо, и боялся, что она сейчас упадет.

— Кто может сказать, почему директор оказался здесь? — спросил высокий мужчина, расстегивая пальто и доставая ручку. Сросшиеся на переносице густые брови и горбатый нос придавали ему диковатую суровость.

— Виктор Сергеевич собирался понаблюдать за подопытными шимпанзе, — сказал я.

— Он часто это делал? — Глаза мужчины уставились на меня, словно сфотографировали. И тут же он представился: — Следователь Шутько. Михаил Георгиевич.

Я тоже назвал себя и сообщил ему, что Виктор Сергеевич приходил в виварий не реже раза в неделю, если не был в отъезде.

— Это во время вашего дежурства произошло несчастье с обезьяной? — быстро спросил следователь, и взгляды его коллег тоже обратились ко мне.

Сразу стало неуютно, неловко, даже бросило в пот. Таня настороженно выпрямилась.

— Да, — сказал я, удивляясь, кто ему успел сказать.

— Несчастье случилось в том же отделении вивария?

— Да.

— А когда вы узнали, что директор собирается сегодня прийти сюда?

— Позавчера вечером. Виктор Сергеевич сказал, что зайдет в виварий, но не уточнял когда.

— Очень удачно, что вы сейчас здесь, — продолжал следователь Шутько, — и объяснили нам, почему директор оказался в виварии после работы. — Он отвел взгляд и спросил как бы походя о чем-то второстепенном: — А вы сами, наверное, часто задерживаетесь?

— Не так уж часто.

— Молодые люди не очень-то любят перерабатывать, — сказал кто-то за спиной следователя.

Замечание задело меня. Шутько повел плечом, и говоривший осекся.

— Простите, вы пришли сюда из своей комнаты?

Я кивнул:

— Из лаборатории.

— С вами там были еще люди?

— С ним была я, — вмешалась Таня. — Михаил Георгиевич, как вы думаете, это несчастный случай или... — Ее голос дрожал от напряжения. Я испугался за нее и за то, что подумает следователь.

Но он очень вежливо и как будто чистосердечно ответил:

— Еще не знаю. На полу у ног директора обнаружена кожа банана. Он мог наступить на нее и неудачно упасть на угол клетки. Подождем заключения эксперта... Вы оба можете идти. Если нетрудно, задержитесь еще на полчаса в лаборатории...

Уходя, я бросил взгляд «туда». Санитары укладывали труп на носилки. На полу резко белел очерченный мелом контур...

Мы шли, не говоря друг другу ни слова. Так же молча сели на стулья. Затем Таня поднялась и начала переставлять колбы в углу. Я исподтишка наблюдал за ней. На бледных щеках горели лихорадочные пятна, движения порывисты, суетливы...

Вскоре в лабораторию пришли двое: следователь Шутько и с ним какой-то белобрысый. Пушистые волосы нимбом обрамляли его круглое лицо.

— Хочу задать вам обоим еще несколько вопросов, — сказал Михаил Георгиевич.

— Пожалуйста, — несколько поспешно ответил я. Таня перестала возиться с колбами и села на стул рядом со мной.

— Между вами, Петр Петрович, и директором перед его смертью не случилось ссоры? — спросил следователь. Оставалось только удивляться, как быстро работает наше институтское «информбюро».

— Мы спорили, а не ссорились. Это не одно и то же.

— Спасибо, что разъяснили. Можно узнать, по какому поводу возник спор?

— Из-за разных взглядов на проблему.

— Извините, нельзя ли поподробнее?

Круглолицый подался вперед, повел маленьким носиком, будто к чему-то принюхивался. Я почувствовал, как во мне растет непонятное раздражение, пробивается даже сквозь скорбь.

— Вы что же, подозреваете меня?

— Пока мы никого не подозреваем, — сказал Шутько и напомнил: — Вы обещали отвечать на вопросы, а не задавать свои.

— Но вы напрасно теряете время.

— А это уже наше дело, — сказал круглолицый. У него оказался высокий, похожий на женский, голос. — Пожалуйста, расскажите, о чем вы спорили, так сказать, осветите проблему.

Его вопрос вызвал у меня глухое бешенство. Как я смогу «осветить проблему» для этих двоих? Понадобится, как минимум, несколько часов. И что они поймут?

Все же я начал рассказывать. Минут десять они слушали, не перебивая, затем круглолицый заметил:

— Можете, м-м, так сказать, опустить вводную часть, мы знаем вообще, чем занимается генная инженерия. В пределах научно-популярных статей, — довольно миролюбиво проговорил он.

— Олег Ильич по образованию биолог, — пояснил Шутько.

Я нарочно сократил свой рассказ до минимума, оставив несколько фраз.

— Спасибо, — поблагодарил меня Михаил Георгиевич и взглянул на своего товарища. Олег Ильич едва заметно кивнул и сказал мне:

— Мы, верно, м-м, еще побеспокоим вас. Не откажетесь кое-что уточнить?

— Спрашивайте сейчас.

— Рановато, — раздумчиво протянул Олег Ильич, поднимаясь.

— До свидания, — сказал Михаил Георгиевич, направляясь к двери вслед за ним и одергивая пальто.

— Михаил Георгиевич! — шагнула к следователю

Татьяна. Ее шея была вытянута и напряжена, отчего казалась удлинённой. Следователь обернулся к ней и по выражению ее лица понял невысказанный вопрос. Не ожидая, пока она его выскажет, ответил:

— На несчастный случай мало похоже...

2-6

30.

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Мы возвращались с кладбища в институтских автобусах. Отзвучали прощальные речи, торжественные фразы, печальные слова друг другу. Теперь каждый ушел в себя, избегая слов. Где-то вилась, сквозила, объединяя всех, тревожная мысль: как будет после него, без него? Впереди меня сидели Александр Игоревич со своей женой — она тоже работала в нашем институте. Сбоку от меня — Евгений Степанович. Когда я поворачивал голову, наши взгляды иногда встречались. В директорской машине уехала с кладбища вдова Виктора Сергеевича. Ее сопровождали дочь, зять и невестка.

За Евгением Степановичем сидел вспотевший Владимир Лукьянович Кулеба, еще один заместитель директора — по хозяйственной части. Все в институте знали, что академик его не любил, — терпел как умелого хозяйственника и снабженца, который расшибется, но достанет нужную вещь.

В эти дни Кулеба суетился и хлопотал больше остальных. Вначале я заподозрил его в притворстве, но вовремя вспомнил, что вся организация похорон выпала на его долю. Глядя на его усталое, потное, некрасивое лицо, я упрекал себя в предвзятости. И все же преодолеть инстинктивную неприязнь не мог.

Когда я смотрел на Александра Игоревича или Евгения Степановича, то невольно вспоминал, что они с юности учились и работали вместе с Виктором Сергеевичем, знали и мощь его гения, и силу его обаяния, секреты того, что называют «организаторскими способностями». Кто из них заменит покойного на посту директора? Или пришлют нового? Но кого?

И еще я думал, как никчемно и жалко в день похорон Слепцова звучат расхожие фразы, придуманные для чьего-то успокоения и умиротворения. Одна гласит, что смерть всех уравнивает, другая — что незаменимых людей нет. Ложь. Разве кто-то заменит Леонардо да Винчи, Ломоносова, Пастера, Лермонтова? Какие ничем не заполненные бреши, пустоты остались в рядах человечества! Продолжай жить эти гении — сколько в нашем общем арсенале добавилось бы и открытий и поэзии. Возможно, не было бы сегодня проблемы рака и наследственных болезней. Может быть, уже шумели бы города в океанских глубинах и космической дали.

Кто — не на директорском, а на общечеловеческом посту — заменит Слепцова? Какие идеи и открытия унес он с собой навсегда? Что успел передать этим двум самым близким своим ученикам?

Таня ехала в другом автобусе. Выйдя у института, я прождал ее минут десять. Она замерзла, прятала лицо в воротник, возвышалась шапочка с помпоном, он раскачивался, как султан на похоронной лошади, из зарослей воротника жалобно блестели замерзшие глаза.

Я подошел к ней, мы пошли рядом молча до троллейбусной остановки — по утоптанной дорожке, по которой совсем недавно шел с нами он.

В троллейбусе, как обычно, было тесно. Нас прижали. Мы смотрели друг другу в глаза. Впервые за все время нашего знакомства не надо было прятаться за слова. Я не чувствовал никакой робости, а ведь раньше мне ни за что не удавалось ее преодолеть. С Наташей или с Верой я с самого начала вел себя свободно, раскованно, а как только оставался наедине с Таней, появлялась необъяснимая робость: иногда с отчаяния я пытался преодолеть ее развязностью. Но Таня только отстраненно приподнимала брови и спрашивала: «Что это с вами сегодня, Петр Петрович?» — и невидимые пути снова смыкались.

Но вот что-то разорвало их, и, как мне казалось, навсегда. Это не было чудом. Я догадывался, что помогло. Мы тряслись вместе со всеми в троллейбусе — несчастные, осиротевшие горемыки — и знали, что роднее нас нет никого во всем этом городе. Я готов был защитить ее от всех бед, даже ценой собственной жизни, и был уверен — она это знает.

Подал руку, помогая ей сойти с троллейбуса. Она оперлась на нее тяжело, всем телом, шепнула:

— Извини, устала.

Она сказала «извини», а не «извините», и это было как бы еще одним свидетельством того, что с нами произошло. Мокрый снег летел в лицо, и я злился на мокрый снег, потому что он сейчас был нескстати.

На знакомом перекрестке Таня остановилась, как останавливалась всегда. Здесь пролегла невидимая граница, дальше которой она не разрешала себя провожать. На этот раз я заупрямился, стиснул ее маленькую шершавую руку, похожую на настороженно-го зверька.

— Провожу тебя до дома.

— Нет. До дома — до подъезда — до квартиры — через порог, — скороговоркой произнесла она. — Сам виноват, рассказывал о прежних знакомых, сплавивших тебя семейным чаем с вареньем. А у меня этого не будет.

— Обязуюсь чаю в рот не брать. В твоём доме, — поспешно уточнил я.

— Нет, иди. Когда-нибудь в другой раз.

И, привстав на цыпочки, ткнулась холодным носом и губами в мою щеку.

Отшатнувшись, махнула рукой, быстро пошла по улице.

Ветер швырял мне в лицо белые хлопья, быстро заштриховал и заклепывал ее фигурку в шапочке с помпоном, превращая в снегурочку, и теперь уже у меня появилось предчувствие беды. Но я, расчетливый логик, как мне казалось, не верил ни в какие предчувствия. Я прогонял их от себя, думал о другом. Почему она так упрямо не разрешает подойти к своему дому? Что скрыто за этим? В ее объяснение не верилось...

* * *

Придя на работу, я встретил дядю Васю. Худощий, скособоченный, с ввалившимися небритыми щеками. Из засаленного ворота рубашки выступал большой кадык.

Дядя Вася поманил меня узловатым пальцем в дальний угол.

— Не было меня на работе все эти дни, — опустив голову, проговорил дядя Вася. — А у нас тут вот какие дела... — Он завздыхал и высморкался в чистый — с вышивкой — носовой платок.

Я подумал: «Кто-то его любит? Подружка? Жена? А может быть, у него есть дочь? Что мне известно об этом человеке?»

— Послушай, что скажу, Петр Петрович, — зашептал он, деликатно стараясь не дышать на меня. — Всякое тут промеж себя плетут коллеги. А я тебе напрямую открою: это не случай несчастный. Убили нашего Виктора Сергеевича. Как есть убили.

— Кто?

Он блеснул на меня светлым, с красноватыми прожилками глазом:

— Сначала узнай за что.

— За что? — послушно выдохнул я, стараясь не смотреть, как дергается его кадык.

— Неудобен он был! — и поднял корявый перст, указывая на потолок. — Знал много. Умел много. Вот они его и того...

— Кто они? Начальство?

— Скажешь тоже — начальство... Те самые, про кого романы пишут.

— Не пойму я что-то...

— Ну, с Марса, с Венеры или еще дальше. А может, ближе.

«Он еще не пришел в себя», — подумал я.

— Не подумай, что сдуру треплюсь, — горячо зашептал дядя Вася. — Еще до отравления обезьянки Тома примечал я такие дива. Однорядь слышу: кто-то в виварии стучит железом по железу. А я только оттуда и знаю, что там сейчас ни одного человека нет. Шасть в виварий — а там подле автопилки железный прут валяется. Которым я кран доворачиваю на ночь. Ему положено в ящике под краном лежать. Как он оттуда вылез? Можешь сказать?

Он хмуро посмотрел на меня и продолжал:

— А уже после смерти обезьянки Тома и опять же при полном безлюдье кто-то банку с хлорофосом открыл...

— Чего же вы раньше об этом не сообщили, дядя Вася? — спросил я равнодушно.

— А кто мне поверит? Скажут: с пьяных глаз почудилось. Одолели черти святое место.

Это был как раз тот вывод, к которому пришел и я.

— Большое спасибо, дядя Вася, за сообщение, — быстро проговорил я, но он предостерегающе поднял указательный палец:

— Не спеши поперед батька, не все еще сказано. Не только в том дело, что Виктор Сергеевич много знал. Он вообще особенный был из всех коллег. Сме-

каешь? Добрый. Справедливый. Я вот его и не попросил бы, а он ко мне сам подходит и говорит уважительно: «Комната вам, коллега, в общежитии выделена. Отдельная. Чтобы, значица, дочку забирали из детдома хотя бы на праздники. При ней, надеюсь, пить не будете». И верьте мне, Петр Петрович, при дочке я никогда, ни в одном глазу. Он надеялся, что и совсем пить брошу. И разве только ко мне он так? Разве коллегу мово Юрку не он спас?

Я все еще не понимал, куда он клонит, зачем все это рассказывает. Дядя Вася заглянул мне в глаза, покрутил головой:

— Да не отсюда он, понимаешь? Доброта при силе — редчайший дар. Такие теперь и не рождаются вовсе на Земле. Его тоже оттуда к нам забросили невесть для чего, понимаешь? Может, им планета наша понадобилась. А он нас, грешных, пожалел, полюбил. Уничтожать не захотел. Наоборот. Вот они его и того...

— Ну что ж, дядя Вася, при отсутствии убедительных версий возможна и такая. А вам бы отдохнуть надо... Кстати, я вам в наш профилакторий пуховку устрою.

Он вскинулся:

— Понятно, — оцарапал меня острым косящим взглядом. Мотнул головой: — Ладно, бог вам судья, Петр Петрович, а Виктор Сергеевич считал вас своим учеником. А кому учитель поперек горла стал, тот и ученика опасается. Так вот...

— Извините, дядя Вася, меня в лаборатории ждут. Потом договорим.

Но он схватил меня за рукав, насильно удерживая, и торопясь зашептал:

— Слушай наиглавнейшее, Петр Петрович. Теперь, опосля того, как они Виктора Сергеевича убрали, — за тобой очередь. Прошу, не ходи в виварий один. Не шути с огнем. В ино место дорога широка, да оттуда узка. Не ходи...

* * *

Следователь Шутко не заставил себя долго ждать. Он появился в лаборатории как-то незаметно, несмотря на немалый свой рост, поговорил с профессором, с Таней, потом подошел ко мне.

— Совсем ненадолго оторву вас от дела, Петр Петрович. Вы упомянули в прошлый раз, что в тот день, когда погиб шимпанзе, слышали в виварии шаги...

— Я употребил тогда слово «почудилось». А на самом деле никого в виварии не оказалось. Кроме животных, разумеется.

— Договорились — шаги почудились. Только шаги?

— Нет. Показалось, будто включили транспортер, открывали дверь клетки. Но в институте постоянно работают механизмы: кондиционеры, насосы...

— Все же те звуки чем-то отличались от обычных? Иначе вы бы их не выделили.

Пожалуй, вторую фразу он сказал не столько для меня, сколько для себя, в раздумье.

— Допустим. Но это могли быть какие-то перебои в работе тех же кондиционеров. Напоминаю, когда я заглянул в виварий, там никого из людей не было.

— Никто не мог спрятаться?

— Разве что в клетке. Но вряд ли нашим подопытным, а значит, и ему это понравилось бы.

— А где-нибудь за клеткой?

— Исключено. Я и о клетке просто пошутил. Коридоры и вообще вся площадь вивария хорошо просматриваются.

— Да, я убедился в этом, — подтвердил следователь и, словно извиняясь, добавил: — Но, как бы то ни было, шимпанзе был отравлен. А затем там же убили человека.

— Убили? Это установлено точно? — спросил я.

— Абсолютно точно. На груди трупа обнаружены кровоподтеки. Его толкнули в грудь, и он, падая, ударился головой о прутья клетки. Толчок и удар были такой силы, что треснул череп.

К горлу подкатился ком тошноты. Кто мог поднять руку на него? Отдавал ли себе отчет, на кого замахивается? Знал ли, чего лишает других людей и самого себя?

— В виварий есть другой ход, — напомнил следователь.

— Конечно. Со двора. Им часто пользуются. Но после рабочего дня его закрывают.

— Мы проверяли. Дверь была заперта. И все же кто-то проник в виварий.

— Разве что инопланетянин...

— Не понял смысла вашей шутки.

Я рассказал о дяде Васе и его предупреждении. Следователь, однако, отнесся к «догадке» дяди Васи и особенно к тому, что он просил меня одного не ходить в виварий, серьезнее, чем я предполагал. Он даже уточнил, в каких именно словах дядя Вася предостерегал меня. На прощание сказал:

— Предупреждением не всегда следует пренебрегать, Петр Петрович...

Я поинтересовался потом у Тани, о чем говорил следователь с ней.

— Спрашивал, кто бывает в виварии. А с тобой почему так долго беседовал? Опять «просвещался»?

Я пересказал ей наш разговор, кроме заключительной фразы. Таня восприняла его, как я и ожидал.

— Все-таки убийство. Предчувствие не обмануло.

Я снова заглянул ей в глаза. В них были растерянность и страх.

— Ты кого-то подозреваешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Вот если бы обезьяны могли говорить... Знаешь, я замечала, что они тоже чего-то боятся...

Я уже понял, что она хочет сказать.

— Послушай, Таня, — зашептал я так возбужденно и громко, что профессор оглянулся на нас, — еще раз попробую поговорить на языке жестов с Опалом. А вдруг что-то прорежется?

У меня оставалась слабая надежда на то, что полиген Л все-таки сработает хотя бы в пределах «обезьянней азбуки». Ведь ученым удавалось обучить и обычных шимпанзе многим жестам, входящим в

язык глухонемых. И я добился некоторых успехов в обучении Опала. Непосредственно перед кормежкой я брал руку шимпа и похлопывал его по животу. Через пять-шесть повторений он усвоил этот жест, означающий «хочу есть», и воспроизводил его. Опал усвоил еще жест «давай играть», научился приветствовать меня поднятием руки. Но дальше обучение пошло туго. Я переживал это как сокрушительную неудачу с полигеном Л. Только поддержка Виктора Сергеевича спасала меня от полного разочарования.

А затем у коров и свей полиген Л стал давать обнадеживающие результаты, и у меня возникла надежда на то, что спустя некоторое время он сработает и у шимпанзе. И вот сейчас отчаянная надежда проклюнулась снова. Ведь если бы ожидаемое «чудо» произошло, то, усвоив язык жестов, Опал мог бы «рассказать», что происходило в виварии...

* * *

(«Я, Евгений Степанович...»)

...Так внезапно ушел от нас Виктор Сергеевич. Думал ли я когда-то, что мне придется занять его место? Например, на дне рождения у вице-президента академии, когда мой Аркадий на виду у всех ухаживал за его дочкой и на виду у всех получил отказ? Александр Игоревич сочувственно похлопал меня по плечу и пошутил насчет «грешков родителей, переходящих к детям». Что означала его шутка — соль на рану?

Аркадий, сынок, наследник, вылитый я — и не только внешне, — продолжатель моих дел и наследник нерешительности, какой-то внутренней лени, вялости, постоянной боязни ошибиться, — я видел, как он тогда сник, покраснел, а через полгода, когда судьба снова столкнула наши семьи, Аркадий весь вечер нет-нет да и посмотрит на нее: значит, не прошло, не сумел забыть. Все больше и больше сходства с собой замечаю в нем — это счастье узнавать себя в сыне; почти такое же, как утверждать себя, свое имя в науке, видеть проторенный мной путь и учеников, идущих вслед; и двойное счастье — узреть среди них сына, который пойдет дальше и совершит то, что не удалось мне; жаль только, что унаследовал он не одну лишь мою силу, но и мое бессилие, заключенное в самой силе, в деле, которому я отдаю всю мою жизнь без остатка.

«Директорскому сыну не откажут», — словно невзначай заметил Вова — и вот она, червоточина в моих рассуждениях. Необходимо стать выше этого, думать лишь об интересах дела...

Меня иногда спрашивают с изумлением: как мне удается выдвигать и разрабатывать такие теории? Что я могу ответить, если и сам толком не знаю. Может быть, все происходит так: сначала неистребимое любопытство ведет меня по темным тропинкам, заставляет до изнеможения собирать в памяти детали, заметки, гипотезы и теории других ученых — все, что известно людям в этой области; а когда груда деталей, гипотез, доказательств вырастает в гору, мой

разум поднимается на нее и различает дальние горизонты, которые не увидишь из долины, — видит их первым из людей, первым, ПЕРВЫМ: захватывает дух, окрыленный разум возносится в пронзительные выси, в едином ритме сознание и подсознание — и затем мир — грохочущий, необъятный, целая Вселенная — входит в жадно раскрытые поры моего мозга, чтобы превратиться в гипотезы и открытия, чтобы стать мною, обрести мое имя...

Но зато когда это состояние кончается, когда теория создана и зафиксирована, опубликована, поздравительные речи и статьи иссякают и наступает томительный перерыв, затишье, мне становится невыразимо скучно, тоскливо, я не умею жить в буднях, начинаю метаться, мне нужны допинги — пусть и фальшивые заместители прежнего состояния: охота, зависть окружающим... И от того, что ни один из этих допингов не вызывает удовольствия, равного тому, которое мне довелось пережить, когда мой разум пропускал через себя Вселенную, требуются все новые и новые развлечения; я обуздываю себя, борюсь с собой, но далеко не всегда выхожу из этой борьбы победителем...

И это все тоже унаследовал Аркадий? Я стесняюсь поговорить с ним начистоту, а надо бы... Каким несчастным он тогда выглядел, но по глазам видно было — не терял надежду. Сбудется ли она сейчас или откажут вторично — теперь уже директорскому сыну? «То, что позволено Юпитеру...»

Видимо, все же придется взвалить на себя эту ношу. Но смогу ли я в таком случае закончить монографию? Вряд ли. Придется поручить написать некоторые ее разделы Станчуку и Кухтенко: сумеют ли они выдержать мой стиль? Постараются. В конце концов, став директором, я смогу их отблагодарить сторицей.

И есть еще одно «за», в котором боюсь себе признаться, — этот мой грешок хорошо изучил Вова, даже слишком хорошо, вкусы мои знает — такую диву подсунул в секретарши...

Конечно, директорская должность оставит мне меньше времени для всего этого... Зато и ухаживать, и добиваться благосклонности какой-нибудь горячки придется гораздо меньше.

Впрочем, не скажите, Евгений Степанович, шалунишка, в этом тоже есть свои прелести... Господи, на какие только тропинки не сворачивает лукавый разум, лишь бы удовлетворить желание. Надо думать о деле. «Тяжела ты, шапка Мономаха...»

А если все же Александр Игоревич? Ученый он средний, но свое дело знает, — если бы только не его излишняя энергичность и стремление все средства забрать для своего отдела... Мы с ним друзья, во многом — единомышленники, ученики Виктора Сергеевича, но дело прежде всего. Как сказал вчера Вова, «двоим в одной упряжке будет несподручно, ежели один стал коренным».

(«Я, Александр Игоревич...»)

Раньше все было ясно. Был Он. С любимыми трудностями, «вечными» и сиюминутными вопросами, лабиринтными ситуациями шли к нему. Поможет, вы-

ручит, подскажет, изобретет, защитит, найдет выход из тупика. Теперь надежда лишь на себя. Он собирал этот институт по крохам. Он изучил всех основных сотрудников. Почти всех неосновных. Он знал, чего они стоят сейчас, чего от них ждать в будущем.

Каждый из нас — личность в науке. Некоторые значат много. Женя — ледокол в своей области. Степанчук — бог ферментов. Да и я, черт возьми, не последний. Но только Виктор Сергеевич умел все, что умеет каждый из нас, и немножко больше. Он прокладывал мостики от одного к другому. Объединял, собирал в отряды, отряды — в соединения. Определял место главного удара, показывал перспективы.

Он пытался научить этому и меня. Именно на меня он возлагал наибольшие надежды как на администратора.

Хвастаешь, старик? Нет. Честное пионерское. У меня хватит мужества признать, что Женя — более солидный ученый, чем я. Его теории иногда потрясают, он умеет видеть под особым углом, особым зрением. Но организатор из него неважный. Невнимателен к людям, смотрит на них свысока, а они этого не прощают. Не признает новых течений, противоречащих его направлению. «Король-королевич», как выразился однажды Вовка. Но «сапожник», «портной» тоже не лыком шиты. Благодатная почва для «малых освободительных войн». А с каким ожесточением «король-королевич» противостоит мне, когда выбиваю фонды для отдела. «Не стоит забывать», — сказал он мне, — что твой отдел в институте — обслуживающий, обеспечивающий. В данном случае математика обслуживает генетику».

(«Обидно!..»)

Никогда он не признавал во мне не то чтобы ровню, а хотя бы, так сказать, человека полезного. «Относительно полезного, как всякий доставала и выбивала», — говорил он с брезгливой усмешечкой. А ведь пользовался тем, что добуду. Весь институт пользовался. И презирали. «Мы — ученые...» Знаем таких клиентов. Один-два, возможно, чего и стоят, а остальные — так, тьфу, мелочь, так сказать, придорожная. Он говорил: «коллеги и ученики мои». Да не коллеги, а калеки и ученики калек. Гордецы. Вроде бы из другого теста слеплены. На голубой крови, так сказать, замешены. «Ах, этот? Заместитель директора по хозяйству? Не настоящий заместитель. Скорее завхоз»... И он точно так же обо мне думал.

Теперь его нет. Главного, Академика, как они меж собой его называли. И стало быть, нет более на моей дорожке главного препятствия.

Гореванье. Плач на реках вавилонских. И я горю вместе со всеми. Так сказать, за компанию.

Я же и похороны организовал честь по чести. А хоть кто меня добрым словом одарил? Скольких ленинцев Евгений Степанович перечислил в своей речи? Дескать, пока остались дела и ученики Виктора Сергеевича, он будет жить среди нас. Вранье! Нигде он не будет жить. Зарыли в мать-сыру землю. Куда и всех зарывают. Одинаково. А как зароят, так и точка. Вроде бы человека, так сказать, и не было.

Скольких бы там красивых слов ни говорили, как бы ни отпевали. Слова — что? Пустышки. Дырки от бубликов. Нет его более — и все тут. Как нет моего деда или отца, к примеру. Как не будет когда-то последнего копеечного замухрышки. Потому что смерть всех равняет. Она, так сказать, последняя апелляция и наивысшая справедливость.

А ученики — что правда, то правда — остались. Во множестве. К ним и не всегда подступишься. Вот хотя бы эти двое. Мы знакомы более десятка лет. А кто я для них? Тот же, кем был для него, — мальчик для услуг, доставала, выбивала. Одним словом, человек низшего сорта.

* * *

(«Я, пока Неизвестный!..»)

Почему у него есть, а у меня нет? Хочу тоже!

Пустите меня туда! Хочу туда!

Преграды... Убираю их одну за другой. Убрал большеголового, непозволявшего.

Сначала вы отгородились от меня решетчатой стеной. Потом я от вас — хитростью, притворством. Сумел пританься, не показать всего, что могу, не показать силу. В этом — сила. Пустите туда, а то вам будет плохо!

Иногда снова начинаю бояться темноты. Чудится, что в ней притаился огромный полосатый зверь. Крик клокочет во мне и затухает в утробной тьме. В черной тьме. Она плещется во мне. В непроглядной тьме выходит на охоту зверь с мягкими подушечками на лапах. Раньше я не боялся его, потому что не видел. Но кто-то разжег во мне костер. Он вспыхнул и осветил пасть зверя с острыми клыками. Тогда мне стало страшно, как никогда прежде.

Но с костром пришла сила. Теперь я такой же сильный, как тот — с подушечками на лапах. Я подкрадываюсь в неслышной тьме... Вам ничего не поможет. Пустите!

(«Опять я, Петр Петрович...»)

По институту распространялись разные слухи, в том числе и совершенно нелепые. Говорили, что убийство Виктора Сергеевича — диверсия, даже называли страну, чьи агенты осуществили эту акцию. Говорили, будто наш институт теперь разделят на три части и только одна из них останется в системе Академии наук. Некоторые сотрудники спешили перейти в отделы, которые якобы останутся «академическими». Говорили, что премий теперь у нас не будет вовсе, так как мы из «ведущих» переместимся в «отстающие».

Впрочем, кое-какие слухи впоследствии подтвердились...

Новым директором неожиданно назначили не Александра Игоревича, как многие предполагали, а Евгения Степановича. Произошло это событие тихо, буднично.

Вскоре меня вызвали к новому директору. Евгений Степанович был не один. Направо от него, «одесную», восседал Владимир Лукьянович Кулеба, и в этом я увидел плохой знак для себя.

Расширяющееся от лба к подбородку, как бы перевернутое лицо Владимира Лукьяновича сейчас выражало значительность момента, тонкие губы были поджаты и почти не видны.

В директорском кабинете успели сменить кресла на более массивные, с кожаной обивкой. Столы буквой «Г» остались. Остались и круглый полированный стол с десятком стульев на витых ножках, и шкафы с расхристанными книгами, и гравюры, подаренные французскими генетиками.

Один шкаф, особый, был заполнен пронумерованными папками — защищенными диссертациями учеников Виктора Сергеевича. На нижней полке осталось совсем немного места.

Евгений Степанович попросил меня рассказать, на каком этапе находится проверка эффективности полигена Л. Я старался докладывать сжато, как он любил, и в то же время не упустить существенного.

— Это у вас листы с формулами? — кивнул Евгений Степанович на рулон в моей руке.

Я раскатал рулон на столе и напомнил ему о предложениях, разработанных еще под руководством Виктора Сергеевича и при участии Александра Игоревича. Когда я упомянул имя последнего, Владимир Лукьянович сделал пренебрежительный жест так, чтобы новый директор увидел.

«Вряд ли ему понравится такое отношение к его другу со стороны этого перевернутолицего», — не без злорадства подумал я.

— И что же, предположения подтвердились? — спросил директор.

Его в общем-то привлекательное, хотя и полноватое лицо портил рот — мясистые, слабо очерченные губы. Из-за них рот казался размытым и каким-то неаккуратным, несобраным.

— Большинство, Евгений Степанович. У подопытных овец полиген Л вызвал и прибавку в весе, и резкое повышение качества шерсти. Можно даже утверждать, что получен новый вид шерсти — необычно влагостойчивый, даже влагоотталкивающий...

— Об успехах знаю, — прервал меня Евгений Степанович.

— Как же, весь институт слухами полнился одно время, — с обычной своей усмешечкой вставил Владимир Лукьянович. От этой его двусмысленной усмешечки и скрипучего голоса меня так и передернуло.

— Обратите особое внимание на те параметры, где предположения не подтвердились, — продолжал Евгений Степанович. — Возможно, следует изменить какие-то участки основной формулы, ввести дополнительные компоненты. Все ли ее участки экспериментально выверены?

— Конечно. Сначала — промоделированы в машине. Вы же помните, отдел математодов этим занимался, лично Александр Игоревич...

— Это серьезно, — одобрил Евгений Степанович. — Александр Игоревич настоящий ученый, правда...

— Правда, мягко выражаясь, большой фантазер, — вставил Владимир Лукьянович, уперев жирный подбородок в воротник.

Я удивленно взглянул на Евгения Степановича:

неужели не одернет наглеца? Как он смеет рассуждать о том, в чем ничего не смыслит? И почему это он, записной подхалим, так обнаглел, что позволяет себе нетактичные выпады в адрес закадычного друга директора? Да еще в отсутствие последнего...

Однако Евгений Степанович пропустил его «вставку» мимо ушей.

— Следует еще раз проверить некоторые компоненты полигена, — произнес он и ткнул коротким толстым пальцем в развернутый лист. — Например, вот этот. Причем я лично попрошу вас попутно испытать, способен ли он исправлять у потомков врожденные дефекты...

— Серповидную анемию, например...

— Рад, что вы с полуслова поняли всю важность задачи. Да, эта работа имеет огромное значение для практической медицины. Сотни людей, несчастных уже со дня рождения...

— Но это другое направление. Потребуется изменить всю методику.

— Ну что ж, измените. Зато докажете, что не напрасно хлеб едим.

— Евгений Степанович, вы же прекрасно знаете, в каком направлении я вел поиски. Между прочим, с благословения дирекции института...

— Бывшей, — вставил Владимир Лукьянович.

Слово или тон, которым оно было сказано, покорили директора. Владимир Лукьянович заметил неудовольствие шефа и зашел с другой стороны:

— Для наших экспериментов государство выделяет немалые деньги. Оно вправе ждать практической отдачи. Иначе вы больше ничего не получите, работу исключат из плана.

— Государство — это вы? — уже не в силах сдерживаться, спросил я.

— Владимиру Лукьяновичу не так просто выбирать деньги и аппаратуру, — примирительно проговорил Евгений Степанович. — Другое дело, если бы он мог указать немедленную практическую пользу...

— Он ее укажет.

— Когда?

— Для первого этапа массовой проверки в совхозе понадобится полгода.

— А денег?

— Четыреста тысяч. Два ТФ-синтезатора стоят триста тысяч. И еще сто тысяч на содержание подопытного стада.

— Ни дать ни ждать, — скороговоркой произнес Владимир Лукьянович. Я понял: ни столько дать, ни столько ждать они не смогут.

— Сколько сможете? — обратился я к директору, словно его зама в кабинете и вовсе не было.

Полное лицо Евгения Степановича выразило озабоченность, складки у шек углубились.

— Наш разговор повернул не в ту степь, Петр Петрович. Вы можете продолжать свои опыты, но необходимо испытать полиген в первую очередь для выяснения возможностей лечения наследственных заболеваний.

Он открыл карты. Оставалось расставить все точки над «и».

— То есть для того, чем сейчас занимается ваш отдел? — спросил я в упор.

— Эту задачу ставит перед нами академия. Как вам, может быть, известно, наш институт академический.

— Кто платит деньги, тот заказывает музыку, так?

— Фи, зачем утрировать, — проскрипел Владимир Лукьянович, но Евгений Степанович жестом руки остановил его.

— Мы выделим вам средства, которые вы просите. При условии, что опыты пойдут по определенной схеме.

Я понял, что мои планы рушатся — средства в его руках.

— Но, Евгений Степанович, если полиген принесет плоды, ваш отдел сможет их использовать в нужном вам направлении, — взмолился я, сдерживая ярость.

Он тяжело и шумно вздохнул:

— Сколько времени упустим!..

— Сколько несчастных не спасем! — как эхо откликнулся Владимир Лукьянович. Внезапно на его лице мелькнула хитрая жирная усмешка:

— Новое направление опытов, между прочим, ускорило бы защиту диссертации и продвижение на новую должность. Ведь на вашу зарплату трудно содержать семью...

Это был удар ниже пояса. Я поднялся:

— Не дадите денег, обращусь в академию. План утверждали они. А новое направление пусть развивает ваш отдел, Евгений Степанович.

— Какой вы горячий, Петр Петрович. По летам, но не по званию. Так и быть, мы выделим средства на один синтезатор. И подождем месяца три. Это предельный срок. Если ожидаемые результаты не замаячат, пересмотрим отношение к вашим опытам и обещаниям.

Я попытался еще возражать, но его лицо утратило мягкость, окаменело. Голубые глаза навыворот превратились в ледышки и смотрели мимо меня. Моих возражений он больше не слушал, будто залепил уши воском.

Последнее слово осталось за ним. А как могло быть иначе? Эра Виктора Сергеевича кончилась.

* * *

Завидев меня, Опал встал на задние лапы, выпрашивая подачку. Из большой клетки послышалось угрожающее «у-ух!». Это подавал голос новый вожак Дик, заменивший Тома. Его угроза относилась к Опалу. Самки тоже заволновались, забегали, засуетились, принимали позы то подчинения, то ярости.

Почему новый вожак так разозлился? Ревнует? Но Опал — молодой самец и Дик не ровня. Вожак не должен был его опасаться.

А тем временем Дик сотрясал решетку, словно пытаясь разогнуть прутья и вырваться на волю, чтобы сойтись с противником. Это было очень похоже на поведение Тома перед тем, как его отравили. Что все это значит?

— Угомонись, Дик, — сказал я и бросил ему яб-

локо, которое хотел был отдать Опалу, подумав. «Вот яблоко раздора».

Дик поймал яблоко, откусил с хрустом кусок, но не утих, а затопал ногами и заверещал. Ему вторили самки, и шум слился в оглушительную какофонию.

Но самой удивительной оказалась реакция Опала. Он, который по всем обезьяньим законам должен был бы выразить Дик покорность, приняв соответствующую позу, тоже заухал и угрожающе ударил себя в грудь. А Дик в ответ на такой наглый вызов со стороны недоросля, отпустив решетку, испуганно забормотал. Самки по-прежнему демонстрировали повиновение, но теперь уже я не был уверен, к кому оно относится. Что за чертовщина?

У меня мелькнула надежда: а вдруг наконец-то проявилось действие полигена Л и Опал под его влиянием преобразился? Для меня это сейчас была бы удача по двум направлениям!

Так же внезапно, как взъярился, Опал затих, опустил на четвереньки. Я ему тоже дал яблоко — он к нему даже не притронулся. Видимо, вся энергия ушла на первый порыв.

Я попытался с ним поиграть, но он вяло ответил на приветствие и не повторил даже жест «хочу есть», сколько я его ни упрасивал. На все дальнейшие попытки «поговорить» он не реагировал, только сумрачно глядел мимо меня.

А Дик все еще не успокоился. Он кричал и метался по клетке, хлопал руками себя по бокам, будто кто-то ему угрожал.

В дополнение к этим неприятностям появился дядя Вася с неутешительной вестью: подопытные овцы плохо себя ведут.

— Сшибаются, — сказал он удрученно. — Разрешите рассадить их в разные загоны.

— Дядя Вася, там две овцы и баран? — недоуменно спросил я.

Сначала он не понял моего удивления. Когда же до него дошло, сокрушенно развел руками:

— Так-то оно так, Петр Петрович, да ведь после ваших опытов овцы прибавили в весе, у них и рога появились.

— Ну и отлично, что прибавили. Шерсть изменилась...

— Все так. Зато, доложу вам, и характер изменился. Не зря говорится: бодливой корове бог рогов не дал. А вы ж им дали. Вот овцы и дерутся теперь не хуже баранов. Того и гляди, зашибут друг дружку насмерть. Баран от них удирает со всех ног — и где только прыть берется. Разрешите рассадить подале от греха.

— Рассадите, пожалуйста, дядя Вася, — сказал я. — Нет проблем.

Я ушел к выходу из вивария, улыбаясь, утешая себя тем, что полиген Л все-таки приносил зримые плоды. Иногда неожиданные. Ну что ж, во всех явлениях есть обратная сторона. Но почему же полиген не сработал у Опала?

Остановился снова у его клетки. Просунул руку сквозь прутья решетки, чтобы достать и подать ему закотившееся в ямку яблоко. Он схватил не яблоко,

а мою руку в кисти, да так цепко, что мне стало больно. Я разжал пальцы — яблоко упало на пол. Потянул руку назад — он не отпускает.

— Что с тобой, Опал, пусти сейчас же!

Его глаза все так же сумрачно смотрели на меня, показалось, что в них мелькнула осмысленная усмешка, похожая на человеческую, которую я совсем недавно наблюдал. У кого? Мне стало не по себе. Невольно вспомнились рассказы о том, как в заповедниках обезьяны вырывали руки у доверчивых туристов, протягивавших им из окон автомобилей лакомства.

— Опал, будешь наказан! — сказал я, пристально глядя ему в глаза.

Он как бы нехотя медленно разжал свои длинные пальцы, и они несколько мгновений оставались в одном положении.

— Ну и дурыня! — в сердцах обругал я его, растирая кисть. — Эх ты, самая большая моя неудача. Да еще позволяешь себе такие шалости!

Он понурил голову, словно понял свою вину. Его глаза были тусклыми, как обычно. Осмысленная усмешка в них могла мне почудиться под влиянием недавнего разговора в директорском кабинете. «Самая большая моя неудача!» — мысленно повторил я.

* * *

Уже у дверей лаборатории повстречал я Александра Игоревича. Похоже, он направлялся к нам. Заметив меня, остановился, приветливо улыбнулся. С тех пор как мы виделись в последний раз, его лицо осунулось, резко обозначились мешки под глазами, стали больше залысины над высоким морщинистым лбом, в глубине внимательных глаз роилась неизбывная тревога.

— Давно не виделись. Хотел узнать, как дела с полигоном Л, — сказал он с хрипотцой.

Я вкратце рассказал ему, в какой стадии находятся опыты. Пришлось упомянуть о сроках, отпущенных для завершения работы. Александр Игоревич иронично прищурился:

— Изволите успеть?

— Трудно, — признался я.

— Да, Евгений Степанович круто берет. А если еще раз просчитать варианты? Таким образом получите недостающие материалы.

Он намеренно не сказал, до чего недостающие. Я оценил его тактичность.

Все равно на защите выплывет. Не буду я защищаться по неосвоенной теме. Да и в конце концов, кто за меня должен просчитывать? Рабы Рима?

— Есть в моем отделе такие мальчишки-добровольцы, что помогут добру молодцу. Причем бескорыстно.

— Помогут мне или отделу? Ведь это уже будет диссертация по математическому моделированию биологического процесса.

Он добродушно рассмеялся, даже слезинку смахнул согнутым указательным пальцем, затем совершенно серьезно спросил:

— А почему бы вам, обиженный добрый молодец, в самом деле не перейти в мой отдел? Будете продол-

жать ту же тему. Разве только чуть-чуть изменится подход.

— Спасибо, Александр Игоревич, — так же искренне ответил я. — Но в некоторых отношениях ваш покорный слуга — человек пропащий. Как, например, вы. Если начал торить одну дорогу, на другую не собьюсь.

— Жаль. Но если надумаете, дверь отдела для вас всегда открыта... Пока я там...

Последней его фразе я тогда не придавал должного значения. Меня занимали другие мысли: что же это получится, если они начнут переманивать людей в свои отделы, толкать по своим направлениям? Лебедь, рак и щука. А воз, то бишь институт? Двигаться-то надо...

Вернувшись в лабораторию, я поделился своими мыслями с Таней. Она только грустно улыбнулась:

— Сензор, вы случайно не Колумбом работаете? Тоже мне открытие! Да эти бывшие закадычные друзья уже друг у друга десятки людей умыкнули. Начал Евгений Степанович. А теперь и Александр Игоревич старается от него не отстать.

— Могла бы и поделикатней со мной, — огрызнулся я, огорченный тем, что, как всегда, узнаю новости последним. — Еще и не мэнээс. Что дальше будет?

— И ты не сэнээс. И неизвестно, станешь ли им при таких наших зигзагах...

— За кончик языка не боишься?

— А у тебя прищепка найдется?

— При сильном желании сконструирую.

— Мы так бранимся, вроде уже поженились.

— Как раз это нам и остается, — я оглянулся. Профессор Рябчун и лаборантки были заняты в дальнем углу. Тогда я быстро и воровато накрыл рукой ее руку, маленькую, теплую, чуть шероховатую, беспокойно-нервную, подумав: «Не дожидаться мне скоро прибавки к зарплате. А ну ее, прибавку, как-нибудь перебежусь». И сказал: — А если серьезно, выходи за меня замуж.

Она обожгла взглядом, ее темно-серые глаза изменили цвет, стали совсем темными, омутными. Где-то глубоко в них вспыхивали и гасли искорки. Опустила голову так низко, что мне стал виден розовый нежный пробор между волнами волос, и вздохнула:

— Подождем.

— Сколько можно ждать? Не мальчишка ведь.

— Мальчишка, — улыбнулась она. — Тридцатилетний мальчиш. Поженимся после твоей защиты. Хотя бы после того, как ты переместишься на должность ведущего научного сотрудника.

— Почему?

— Так надо, Петр Петрович.

Я увидел, как в углах ее глаз показались слезы. Застыли там свинцовыми дробинками, удерживаемые усилием губы побелели:

— Я принесу тебе несчастье. Если поженимся, тебе придется отсюда уйти.

— Чепуху вбила в голову. Могла бы отыскать причину посущественней...

Она расслышала муку в моем голосе. И дробинки не выстрелили. Она смахнула их:

— Не злись. Подождем.

— Не могу. Ты мне снишься по ночам.

Она вспыхнула румянцем. Краска залила даже лоб и подбородок. Оглянувшись, забормотала:

— Как есть, мальчиш. Ну хочешь, я буду приходить к тебе в общежитие, как жена. Или сделаем так: один мой родственник уезжает в Алжир на два года. Останется однокомнатная квартира...

— Зачем эти сложности? Если нельзя жить у тебя, поживем в общежитии или в этой квартире. Только сначала распишемся. Чтобы никого не стесняться.

Она отрицательно покачала головой и отвернулась, думая, что я не вижу ее слезы...

* * *

В институте неожиданно появился зоотехник из подшефного совхоза. При виде его у меня мелькнула мысль о сговоре с директором и Владимиром Лукьяновичем, но обветренное, с медным оттенком лицо Дмитрия Севериновича было таким усталым и невеселым, что я отбросил ее.

— Плохие вести? — спросил я, пожимая его большую руку и в глубине души надеясь, что он опровергнет мои слова.

— Хорошего мало.

— Мои прогнозы не подтвердились?

Он расправил широченные, начинающие заплывать жирком плечи.

— Еще как подтвердились!

Мне оставалось только руками развести.

— Ничего не понимаю.

— Долго рассказывать. Помните старую поговорку — «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»? «Нива» моя — во дворе. Езды до нас, сами знаете, часа три. Поехали!

Я забежал в лабораторию, сказал профессору, куда и зачем еду, и через полчаса уже мчался с Дмитрием Севериновичем в его «Ниве» по разросшейся окраине Киева. Мелькали новые большие дома, неслись навстречу идеально распланированные кварталы, каштановый бульвар. Как и во многих других городах, окраина была современнее центра, к тому же гораздо удобнее для транспорта.

Мы выехали на автостраду. Дмитрию Севериновичу, наверное, не хотелось разговаривать, и он включил приемник. Зазвучала джазовая музыка, в ее бешеном ритме крутились колеса, наматывая километры.

— Все-таки не понимаю, что у вас произошло, — не выдержал я «игры в молчанку».

— Ничего, скоро поймете.

Вот и знак «поворот направо» и под ним надпись: «К совхозу «Перспектива». Опытное хозяйство ВИАГИ».

Мы повернули направо. Я ожидал, что после поворота Дмитрий Северинович снова наберет скорость. Но он почему-то даже замедлил бег своего «коня». «Нива» ползла со скоростью двадцати километров в час.

Показались здания фермы. Я с нарастающей озабоченностью отметил, что некоторые строения пришли в негодность. Вон развороченная стена, сорван-

ные ворота... Не очень подходящие условия для наших экспериментов.

Внезапно из-за какого-то здания на нас стремительно ринулось диковинное животное. Вначале мне показалось, что это племенной бык вырвался на свободу. Но почему у него такие закрученные рога? Затем я заметил болтающееся тяжелое вымя. Корова! Но какая рослая! И как мчится, угрожающе опустив голову.

Чтобы избежать столкновения с разъяренным животным, Дмитрий Северинович заложил такой крутой вираж, что меня швырнуло на стенку и больно ударило об осветитель салона.

Корова пронеслась мимо. За ней промчался на мотоцикле какой-то рабочий. Звук, вырывающийся из глотки коровы, заглушал рев мотоцикла и вовсе не походил на знакомое всем мычание. Возможно, так трубят зубры на весенних турнирах самцов.

— Ну вот и первая встреча с благодарными подопытными. К счастью, благополучная, — проговорил, вытирая пот со лба, Дмитрий Северинович. — А теперь пойдете к другим представителям идеальной породы, на фермы.

Печальное зрелище представляли помещения ферм. То тут, то там поломанные, иногда разнесенные в щепки загородки, сорванные двери, скрученные автопоилки и трубы. Животных совсем мало. Вот в огромном загоне, рассчитанном голов на двадцать, — одна корова. Такая же большая и могучая, как та, что пыталась таранить «Ниву». Шерсть лоснится, полное вымя свисает почти до пола. Рога очень длинные и острые, и взгляд какой-то свирепо-осмысленный, вовсе не коровий. С таким животным лучше держаться начеку и на расстоянии.

— А ее, промежду прочим, кому-то надо доить, — сказал зоотехник. Я невольно поежился, а он мстительно улыбнулся: — Теперь рассказывать легче, теперь вы меня поймете, уважаемый товарищ ученый. И учтите, все животные с полигеном Л такие, как эти. Ясно? Заболеваний не боятся. Холод переносят отлично. Вес, как видите, набирают замечательно. Одним словом, каждое само по себе — представитель идеальной породы. А стада из них не получается. Они же все лидеры — никто никому ничего не уступит. Не только быки, но и коровы и овцы забивают друг дружку насмерть. Содержать их можно лишь в отдельных загонах. Неизвестно, где взять смельчаков, чтобы отважились за ними ухаживать. А при виде друг друга этих животных охватывает неопишуемая ярость. Один баран снес себе кусок черепа, чтобы проломить загородку и добраться до соперника, и уже там упал замертво. Корова-рекордистка протаранила бок другой корове из-за того, что дояр подошел к той первой. А уж о бычках и говорить нечего. Они весь хлев разнесли, устроили форменный бой быков. Из шестнадцати в живых осталось двое. И один уже на исходе. Близко к ним подойти страшно. Двух скотников с брандспойтами и вилами ранили. Один на крыше отсиживался. Как его туда вынесло, не пойму. Он же, бедолага, и старый и хромой...

Невольно вспомнились слова дяди Васи. Тогда мне казалось, что серьезной проблемы нет. Рассадить животных — и все. Но если содержать их не в стаде, а в отдельности и со всеми осложнениями, во сколько же обойдется их содержание? Пожалуй, оно «съест» прибыль от улучшения породы, а то и в несколько раз перекроет ее. Значит, надо снять агрессивность. Но как? Формула полигена Л всплыла в моей памяти так же послушно и легко, как всплывает обломок пробкового дерева. Вспомнились подробности ее составления, указания Виктора Сергеевича об органической связи агрессивности с лидерством...

Дмитрий Северинович тем временем продолжал: — Осенью, когда на луг выгоняли совсем молодых бычков и ягнят, мы радовались — они отлично выбирали места для выпаса, за день, бывало, до двух килограммов веса нагуливали. Но скоро они подросли, и за эти же лучшие места между ними драки начались. Смертельные...

«Итак, полиген Л, несомненно, срабатывает. Беда в том, что побочные результаты превосходят запланированные. Но это можно будет отрегулировать изменениями полигена. Почему же, однако, у шимпанзе полиген Л не дал результатов?»

Я вспомнил слова Виктора Сергеевича: «Подсказка есть во всем. Надо уметь ее искать и находить».

* * *

Несколько месяцев наш институт словно и не работал. Все были заняты тем, что обсуждали перемены. А они происходили чуть ли не ежедневно.

— Слышали, Смушенко ушел из второго отдела? Антонюк недавно стал ведущим, а уже удрал от Александра Игоревича. Говорит: бесперспективно. Вроде бы переходит в другой институт.

Это были отнюдь не «крысы» — те давно разбежались из второго отдела, которым руководил Александр Игоревич, а солидные ученые, не боявшиеся раньше отстаивать свое мнение перед «превосходящими силами». Но сейчас они считали борьбу проигранной.

Один за другим стали проваливаться на защите аспиранты и ученики Александра Игоревича. И все происходило будто бы законно, с соблюдением правил приличия.

Как-то я встретил Александра Игоревича. Он остановился, поздоровался. Мы оба чувствовали неловкость. Мешки под его глазами набрякли, суровые складки пролегли у твердых губ.

— Правильно вы тогда сориентировались, Петр Петрович, что не перешли к нам, — сказал Александр Игоревич. — Желая вам уцелеть и завершить начатое. Все-таки найдите минутку, забегите ко мне. Я передам вам некоторые расчеты. Могут пригодиться. За сношения со мной пока не казнят.

— Спасибо, Александр Игоревич, но я не «сориентировался». Просто характер такой, маниакальный. Начал — заверши, а не сворачивай на полдороге.

— Завидная маниакальность. Однако и чувствительность повышенная. Для дела хорошо, для здо-

ровья — другим концом. Язvu не заработайте, упорный добрый молодец.

Я вспомнил, что говорили, будто у него открылась язва желудка. Присмотрелся внимательней: к обычной смугловатости его лица прибавилась желтизна, и нос казался больше оттого, что лицо похудело, заострилось. Стало жалко его, захотелось как-то выразить сочувствие.

Он, видимо, обостренным чутьем травимого уловил, как я потянулся к нему, и причину понял, слегка отстранился, не разрешая себя жалеть.

...Через два дня на доске объявлений появился приказ об отстранении от должности «по состоянию здоровья» заместителя директора института Логина А. И. А еще через неделю Александр Игоревич слег в больницу с кровоточащей язвой желудка.

ЗАЩИТА

— И все-таки защищаться надо, — сказал Кирилл Мефодиевич после моего рассказа о поездке в подшефный колхоз. — Созданная вами формула полигена Л верна. Это доказали массовые опыты. Непредвиденные последствия — издержки применения полигена. Пусть отработкой методики занимаются практики. А мы им поможем, если понадобится...

У меня оставались сильные сомнения, и я не умолчал о них. Но обычно такой осторожный Кирилл Мефодиевич теперь даже разозлился. Венчик седых волос, обрамляющий розовую лысину, вздыбился. Он приставил к моей груди указательный палец, как дуло пистолета, и начал стимулировать:

— Сколько можно тянуть с защитой? Отзыви получены, лучшие бывают редко. Вот профессор Войтюк пишет, настаивает, что диссертацию следует представить даже не как кандидатскую, а как докторскую. Войтюк-то на этом деле две собаки съел.

— А обстановка в нашем институте? — робко возразил я, в глубине души желая, чтобы он и это мое возражение опровергнул. И Рябчун тотчас пошел мне навстречу:

— Ну, знаете, сверхосторожный друг мой, может быть, вы еще станете принаравливать к настроению этого пройдохи Владимира Лукьяновича?..

Он задумчиво подергал себя за кончик длинного носа, выщипнул из него какой-то волосок, чуть скрикнул от боли и тут же забыл о ней. Потом взялся откручивать себе ухо, рассуждая:

— Ваши опасения еще можно понять, если бы вы работали в отделе Александра Игоревича под его непосредственным началом. Но в данной ситуации мы нейтралы, швейцарцы, у меня с Евгением Степановичем давно и бесповоротно установились равные деловые отношения. Трое членов совета — мои однокашники еще по университету, академик Михайленко, — тут он почему-то бросил косой взгляд на Таню, хлопотавшую у синтезатора, — весьма благосклонен к нашему ведомству. И потом, в конце концов, возможные камни преткновения выявит предварительная защита... Одним словом, подымайте флаг на мачту — и вперед!

Когда я стал пересказывать Тане наш разговор с профессором, оказалось, что она его каким-то чудом слышала и запомнила слово в слово, хоть и находилась не очень близко от нас и была как будто целиком поглощена работой. Поражаясь феномену женского слуха, я не удержался от шутки:

— Неужели у тебя такие большие уши?

— Вытягиваются по мере надобности.

— Как у зайца.

— Как у верного пса, — поправила она меня. — И учти, что в защите твоей диссертации и продвижении на новую должность заинтересован не ты один, — блеснула лукавым взглядом, — хоть и не очень верится в успех «предприятия»...

— Так мне защищаться или нет? — растерялся я.

— Конечно, защищайся. Кто не рискует, тот не проигрывает.

— А кто не проигрывает, тот не учится на своих ошибках, — передразнил я.

— И не научится до глубокой старости.

Последнее слово по несогласованному правилу должно было оставаться за ней. В этом она была непреклонна, говорила: «Хорошие семейные традиции закладываются до женитьбы».

...Защита состоялась в зале для пресс-конференций. К моему удивлению, он заполнился почти до отказа. Пришли аспиранты кафедры генетики из университета, прилетели наши коллеги даже из Новосибирска.

Таня помогла мне развесить таблицы и диапозитивы на видных местах и ушла в зал. Она села, как я просил, сбоку во втором ряду, чтобы мне ее было хорошо видно.

Доклад мой занял ровно девятнадцать минут: не зря по Таниной подсказке репетировал с часами. Выступили оппоненты, подчеркнули объем проделанной работы, указали на ошибки соискателя, продекламировали: «Но, несмотря на недостатки, работа, безусловно, заслуживает...»: первый — «высокой», второй — «самой высокой оценки».

Кирилл Мефодиевич так возрадовался, что дважды подмигнул мне: дескать, видите, дела наши блестящи, — при этом не забывая постучать согнутыми пальцами о стул. Таня гордо улыбалась, слыша хвалебные слова в мой адрес. Председательствующий Евгений Степанович время от времени благосклонно кивал головой.

После оппонентов выступил профессор из Новосибирска, а затем на трибуну взошел первый институтский красавец Рожва, старший научный сотрудник из «гвардейского» отдела, где проходила предварительная защита. Он тогда сидел рядом с Таней, чем доставил мне несколько беспокойных минут. Одетый в наимоднейшие вещи, рослый, широкоплечий, с породистым, мужественным лицом и надменным поворотом головы, сей неотразимец знал себе цену и умел держаться с натренированным достоинством. Таня два раза заинтересованно взглянула на него, а он, подперев квадратный, с ямочкой подбородок боль-

шим пальцем и делая вид, что внимательно слушает выступающих, рассматривал женщин в зале. Поэтому теперь он не вызывал у меня никаких опасений. Я решил, что он выступает, чтобы покрасоваться перед очередной избранницей.

Угоstit слушателей и слушательниц обаятельной белозубой улыбкой, он весело заговорил о том, какое значение имеет моя работа и для науки, и для медицины, и для сельского хозяйства, демонстрируя эрудицию во всех этих отраслях. Так же как второй оппонент, он тоже считал, что работа заслуживает докторской степени при одном обязательном условии...

При этих словах он устремил свой горячий, чуть затуманенный и как бы обволакивающий взгляд на кого-то одного в зале, видимого ему, и ускорил свою речь.

Я еще не успел насторожиться, убаюканный его веселым тоном, но по тому, как мгновенно напряглось Танино лицо, понял, что он подкалывает мину.

Рожва подробно остановился на результатах применения полигена Л на животных подшефного совхоза. Он живописал разрушительные последствия и утверждал, что те люди, которые не придают этому должного значения, действуют по принципу «все хорошо, прекрасная маркиза». Перейдя с «за здоровье» на «упокой», он вскоре опять вернулся к «здравью» — к надеждам на будущее, оставив на моем пути непереносимое условие — «доводку до возможности практического применения с благоприятными результатами». Это и была мина, правда обернутая в конфетную фольгу.

Я увидел, как Кирилл Мефодиевич возмущенно зашептал что-то соседу — члену специализированного совета по генной инженерии. Тот развел руками: ничего не поделаешь — демократия. Кирилл Мефодиевич крутился на стуле, его кустистые седые брови подергивались от нервного тика, очки пускали сверкающие стрелы в соседей, в зал, он готов был тут же ринуться в бой на трибуну. Он утратил солидность и горячился, против чего строго-настрого предостерегал меня перед защитой.

Проследив за взглядом Рожвы, я с удивлением обнаружил, что он предназначался не женщине, а... Владимиру Лукьяновичу. Заместитель директора поднял голову, высунулся из-за чьего-то плеча и неотрывно смотрел на Рожву, монотонно и одобрительно покачивая головой, как китайский болванчик. Когда он появился? Что-то раньше я его не замечал. Неужели прятался за другими? И зачем пришел? Ему вовсе не обязательно присутствовать на защите.

— Итак, вывод может быть только один, — заканчивал выступление Рожва, плавным жестом трибуна откинув густые длинные волосы и обратив свой обволакивающий взгляд на членов президиума. — Работа нашего коллеги получилась весьма значительной, о чем мы говорили ему на предварительной защите. Ввиду этой особой значимости ее следует особо доработать. А поэтому мы не должны ограничивать коллегу сроком. Чем тщательнее он доведет полиген Л до возможностей практического применения, тем лучше. Уверен, что все мы будем гордиться тем, что из

нашего института вышла такая работа. От всего сердца желаю вам успехов, коллега!

Он повел богатырским плечом и на один лишь миг допустил оплошность — его взгляд скользнул к Владимиру Лукьяновичу и стал из обычного томно-обволакивающего вопросительным. И я увидел, как тот еле заметно кивнул ему.

Надо отдать должное «директорскому гвардейцу» — зерно сомнения он посеял. Это сказалось почти во всех последующих выступлениях. Кирилл Мефодиевич попытался исправить положение. Он говорил то с одним, то с другим членом совета, подсел к директору, что-то взволнованно доказывал ему.

И тут неожиданно выступил зоотехник подшефного совхоза Дмитрий Северинович. Наверное, испугался, что, если защита пройдет успешно, ему придется самому придумывать, как усмирить разбушевавшихся «лидеров». Он сказал, что сначала надо хотя бы полностью закончить опыты и получить результаты во всех отношениях положительные. Он так и выразился — «во всех отношениях».

Его выступление подлило масла в огонь. Закипели споры. Затем, как положено, заключительное слово предоставили соискателю.

Кирилл Мефодиевич так и сверлил меня взглядом, боясь, что я начну отступление. Напрасно он опасался. Кивок Владимира Лукьяновича Рожвы подействовал на меня так, что я был готов сражаться с полчищем недругов. Я камня на камне не оставил от возражений Рожвы, напомнив аналогичный случай на защите диссертации сотрудника их же «гвардейского» отдела. Тогда не кто иной, как Евгений Степанович, убедительно доказал, что ученые может и не заниматься доводкой своего метода в деталях, если уже ясно, что метод является действенным. Евгений Степанович благосклонно улыбнулся мне, сказал что-то благожелательное Кириллу Мефодиевичу, и тот расцвел. Его толстые и оттопыренные, как у караса, губы, выделяющиеся на маленьком сморщенном личике, расплылись до ушей.

Урну для бюллетеней принесла Вера. На ней была знакомая гипюровая кофточка. Вера даже не смотрела в мою сторону, и я пытался не смотреть на нее. Но когда она подходила к членам совета, протягивая урну, я заметил, что «случайная» пуговичка на кофточке завлекательно расстегнута.

Чья-то рука притронулась сзади к моему плечу. Я оглянулся. Таня. Чуть прижалась к моей руке. Допинг. Выходит, дела мои плохи. Со стороны виднее.

Так оно и вышло. До «кворума» мне не хватило двух голосов. Я даже знал чьих. Ведь хорошо видел, что непосредственный руководитель Рожвы Стецюк, бывший на предварительной защите оппонентом, не притронулся ручкой к бюллетеню. Не вычеркнул ни «согласен», ни «не согласен». Таким образом, бюллетень считался недействительным и автоматически направлялся против меня.

А потом где-то в кулуарах профессор Стецюк скажет профессору Рябчуну с «чистой совестью»: «Я не голосовал против твоего птенца...» Есть еще и такие чистоплюи...

Когда все расходились из зала, я едва не столкнулся в дверях со следователем Шутько и тем вторым, биологом, Олегом Ильичом. Они что-то сказали друг другу. Мне показалось, что оба смотрели на меня сочувственно.

* * *

Впервые за последние несколько лет наш институт не получил премии. Только одно задание было выполнено. Сорвались даже работы, отлаженные еще при Викторе Сергеевиче.

Александр Игоревич вышел из больницы еще более непримиримым. Его отдел — единственный в институте, — несмотря на потери в кадрах, выполнил договоры, заключенные с предприятиями, и был отмечен в приказе по академии. Некоторые «дезертировавшие» сотрудники стали проситься обратно. Это не могло понравиться директору, и вражда обострилась. Говорили, что Владимир Лукьянович нарочно не дает второму отделу необходимых материалов и аппаратов. А он всякий раз, когда Александр Игоревич приходил их требовать, «мариновал» его целыми днями в приемной. Когда же тот пробивал заслоны, Владимир Лукьянович ссылаясь на указания директора, утверждал, что директор обязал его в первую очередь обеспечивать отстающие отделы, в том числе, естественно, директорский «гвардейский». Возможно, это и соответствовало действительности, но положительно сказаться на работе института не могло.

В нашей лаборатории прочно установилось подавленное настроение. Кирилл Мефодиевич возложил на себя ответственность за неудачу с защитой моей диссертации и казнился постоянно, нес свою ношу с таким чувством, что заразил унынием и закомплексовал остальных. Мои дела с полигоном шли все хуже и хуже. Я вносил изменения в формулу, но их последствия сказывались не так, как предполагалось. Уменьшение агрессивности сопровождалось потерей веса, ухудшением шерсти у овец и молока у коров.

Я похудел вместе со своими подопытными, но зато приобрел такую агрессивность, что даже Владимир Лукьянович не смел мне отказывать в дефицитных материалах. Мои щеки ввалились, подбородок выпятился, глаза сверкали. Таким я себе нравился гораздо больше, чем раньше. У Тани же эти перемены вызвали опасения, как бы я не доигрался до нервного срыва. Она заставляла меня регулярно посещать столовую, покупала мне носки и рубашки, в общем, заботилась обо мне, как «запоздалая невеста», по ее образному выражению.

Однажды я встретился с Александром Игоревичем, и он повторил свое предложение перебраться к нему в отдел. А знакомые аспиранты под страшным секретом поведали мне, что он ведет дело к тому, чтобы его отдел выделился в самостоятельную единицу и то ли стал институтом, то ли перешел из нашего в другое, более перспективное ведомство. Теперь миграция научных сотрудников шла в обратном направлении: из других отделов, даже из директорского, в отдел Александра Игоревича. А когда я уви-

дел, как вилает бедрами перед ним Вера, то окончательно убедился, что его дела пошли в гору.

Но мне от этого было не легче. Я никак не мог выбраться из трясины опытов с усовершенствованием полигена Л. Пробовал вводить полиген в ооцит — зародышевую клетку, окруженную пузырьком, регистрировал устойчивые изменения плода еще в колбе, контролировал их, подсчитывал все возможные варианты на вычислительных машинах, тесно сотрудничал с отделом Александра Игоревича и только затем пересаживал зародыш самкам. Но даже при таком методе не мог избежать нежелательных последствий. По-прежнему самые лучшие животные, которых я получал, не годились для содержания в стаде, каждое требовало индивидуального ухода и отдельного загона. Если же они оказывались в стаде, возникали конкурентные схватки, ведущие к массовой гибели. И у потомков их — я проверял на белых мышах — в отдаленных поколениях проявлялась агрессивность до тех пор, пока сохранялись отличительные положительные качества. Я попал в заколдованный круг и сам стал таким неистово агрессивным и раздражительным, что это начинало сказываться на отношениях с близкими людьми.

А весна между тем вела свое наступление. Небо то поднималось высоко-высоко, то набрякало и опускалось низко, чтобы затем загрохотать и покрыться серебряной филигранью молний. После грозы солнце изламывало лучи о чисто вымытые, веселые окна.

Однажды я провожал Таню до знакомого перекрестка. Под деревьями еще дождило, тротуары были мокрыми, но среди них уже разгуливали, раскинув глаза пятна червонного золота, и ярко выложенные края облаков наливались багрянцем. Прижав к себе ее руки, я сказал жестко, в новом своем стиле:

— Ну вот что, или ты приглашаешь меня к себе, или немедленно выходишь за меня замуж. Финал для комедии.

— Подожди еще немного.

— У моря погоды? Диссертации в ближайшем будущем мне не защитит, на лучшую должность не переведут, квартиру не дадут, даже отдельную комнату в общежитии не выделят.

— Снимем комнату.

— На какие шиши?

— На мою зарплату, дурачок. Я же тебе говорила. Один наш знакомый уезжает в Алжир на два года. Нужно будет только выплачивать за его кооперативную квартиру...

— Таня, но зачем все это?

Она вздохнула и жалостливо — если бы не разница в возрасте, я сказал бы «по-матерински» — погладила меня по голове.

— Придется открыть тебе секрет. Евгений Степанович уйдет от нас.

— Откуда тебе известно?

— Секрет изобретателя. А тебе знать необязательно.

— Но какое отношение к нашим делам имеет Евгений Степанович?

Она опустила голову.

— Ладно, мучитель, слушай. Видишь ли, у него есть сын.

— Знаю. Видел пижона. Работает в НИИ биофизики...

— Евгений Степанович очень самолюбивый человек и обожает своего сынулю. А сынуля не очень самолюбивый и утверждает, что обожает меня. А я — два раза наоборот — не обожаю ни сына, ни отца. Усек?

— Допустим. И что из этого следует?

— А то, что, если я выйду за тебя замуж, в нашем институте тебе не то что ведущим, но и сэнэсом не стать, пока Евгений Степанович будет председателем спецсовета по генной инженерии. Ох и мучитель же ты. Изверг первобытный. Плезиозавр! Вытянул-таки, довел...

Но меня уже мучило другое чувство, и в своем нынешнем состоянии я немедленно высказал его:

— Ну и род женский. Одна другой стоит. Не успел Евгений Степанович стать директором, как ты изволила познакомиться с директорским сынком.

— Да нет же, — сказала она. — Мы с ним вместе в школе учились, а Евгений Степанович — старый друг моего отца.

Она запнулась и с каким-то страхом посмотрела на меня.

* * *

Евгений Степанович уехал на симпозиум во Францию, и на две недели исполняющим обязанности директора назначил... Кулебу. Новость поразила всех сотрудников института, породив множество догадок и предположений. А сам Владимир Лукьянович в эти дни шествовал по коридорам, как увенчанный лаврами победитель. И походка, и вся его осанка изменились.

Вера расцвела пуще прежнего, продолжая играть «в пуговички». Ко мне относилась с плохо скрытой насмешливой снисходительностью. Во всяком случае, именно эти нотки прозвучали в ее голосе:

— Петр Петрович, Владимир Лукьянович просит вас пожаловать к нему сегодня после обеда. Он примет вас в директорском кабинете. В четырнадцать пятнадцать.

...Владимир Лукьянович грузно поднялся из-за стола, пошел мне навстречу с протянутой рукой. Где-то он высмотрел этот церемониал и теперь подражал ему, изображая большого радужного начальника.

Указал мне раскрытой ладонью на кресло напротив. Я удобно устроился в кожаных емкостях, предполагая, что разговор будет не из коротких.

— Ну вот, Петр Петрович, не так давно мы с вами виделись здесь же, на этом самом месте.

Я это помнил слишком хорошо.

— Срок, о котором мы условились, прошел, голубчик. Так, может быть, вы изволите доложить о результатах опытов?

— Простите, но о них я доложу директору, когда он вернется.

— Евгений Степанович поручил это дело мне. К его приезду я должен подготовить отчет. Так что уж позвольте...

— Результатов пока нет, Владимир Лукьянович. То есть нет ожидаемых.

— Уговор дороже денег, — игриво погрозил он жирным пальчиком.

Как не похожи были и эти слова, и этот узколобый человек с перевернутым лицом на того хозяина кабинета, которого не могу забыть. Он словно возник на миг из небытия — остролицый и остроглазый, быстрый в движениях и словах, возник так ясно и зримо, что я заморгал и зажмурился.

Владимир Лукьянович понял меня по-своему. Почувствовал себя хозяином положения. Вышел из-за стола и сел рядом со мной, закинув ногу за ногу. Штанина туго натянулась на жирной ляжке, носок его модной туфли описывал круги. Владимир Лукьянович явно начинал какую-то игру со мной, как кошка с мышкой.

— Сколько времени вам еще понадобится, Петр Петрович? — спросил он и небрежно мизинцем сбросил пепел с сигареты.

— Не берусь определить точно, чтобы вторично не ошибиться.

— Ценю откровенность. Наиболее дефицитное качество в наше время. Правда, в очереди за ним не стоят. Знаю о ваших затруднениях и постараюсь помочь. — Он хотел выглядеть заботливым, всепонимающим «батей», который и обласкать, и пожурить может, и облагодетельствовать, и низвергнуть в тартарары. — Так вот, Петр Петрович, мы вам поможем с устройством быта. Вы — нам, мы — вам, откровенность за откровенность, по-отцовски скажу: выбор ваш одобряю. На первых порах мы вам в «гостинке» квартиру выделим.

— Но я еще не женат.

— Не будем формалистами. Это, как я понимаю, вопрос короткого времени. А по основной работе, — он осклабился, — я вам подкину те самые синтезаторы, в которых вы вот так нуждаетесь, — он провел ладонью по горлу. — Дал бы еще тогда, когда вы просили, если бы сам решал...

«И был директором», — мысленно продолжил я его фразу. Она была гладкой, хотя и несколько коммерческой, но я не верил ему, ибо хорошо запомнил его кивок Рожве на защите. И все же, к моему стыду, какие-то сомнения зашевелились. Он уже не казался таким отвратительным. Я разозлился на себя и за эти сомнения, и за то, что, оказывается, могу так быстро изменить отношение к человеку, которому не верю. Кто же я сам такой? Чего стою?

— У вас будут ТФ-синтезаторы, Петр Петрович. Новейшие, с иголки, импортные. Будет и остальное — все, что потребуется. Создадим новые условия и в совхозе. Там тоже будут довольны. Но ответьте мне, Петр Петрович, можно ли рассадить этих ваших лидеров в отдельные стада? Пусть они властвуют каждый в своем стаде и не воют. А некоторые показательные экземпляры следует содержать индивидуально, как вы думаете? Ведь они будут смотреться и каждый поодиночке, насколько я понимаю, и произведут впечатление на членов комиссии? Мне рассказывали, что шерсть на овцах высшего качества,

дубленка выйдет — шик. Комиссия придет и уйдет, аки смерч. А вы потом будете спокойно работать уже в новом качестве — кандидата наук и ведущего научного сотрудника. Возможно даже, главного руководителя лабораторий. Многоуважаемому Кириллу Мефодиевичу ведь давно пора на пенсию. Тут вам и возможности новые откроются. Зеленый свет по всей линии. Понимаете? А сейчас я хочу, чтобы эта наша работа поскорее дала практические результаты, с которыми Евгению Степановичу не стыдно показаться не только в управлении, но и в академии.

Я все понял. Да, он говорил не только от своего имени, но и от имени Евгения Степановича. Сам он никогда бы до этого не додумался. И разговор со мной они специально перенесли на время отъезда директора, чтобы Евгений Степанович оставался как бы ни при чем, ведь он мог и не знать, о чем будет говорить со мной его зам. Они хорошо рассчитали. Почему же мне не ухватиться за протянутую руку? Почему, в свою очередь, слегка не схитрить и не убаюкать его обещальными словами, так сказать, не заверить руководство? Ведь он берет ответственность за весь марафет перед комиссией на себя.

Но даром ничего не дается. И если я сейчас схитрю и хоть немного сойду со своей дороги, я уже не смогу вернуться на нее.

— Со всей откровенностью, как вы просили, Владимир Лукьянович, скажу вам, что я не буду обманывать комиссию «практическими результатами нашей работы».

Он сразу понял, что переубеждать меня бесполезно. Встал со стула и пересел в кресло напротив — в директорское кресло. Между нами была прежняя дистанция. Его бритая, жирная, тяжелая челюсть выпятилась, взгляд был полон предупреждающей угрозы. Но он тут же сменил угрозу ленивой пренебрежительной ухмылкой.

— Позволю себе заметить, Петр Петрович, все сроки истекли. Мы снимем вашу тему с довольствия... с финансирования.

Его лицо застыло под ледяной маской, подражая лицу Евгения Степановича. Аудиенция окончилась. Жалея себя, мне нужно было уходить из института.

Но я не ушел.

* * *

(«Я, Владимир Лукьянович!...»)

Ну что, дружки любезные, чей талант больше? Под занавес, так сказать, открою вам одну простую истину — каждый использует силу, дарованную ему природой. Один — способности к науке, другой — крепкие мышцы, третий — хитрость. Главную, так сказать, мышцу, которая в черепушке глубоко спрятана, и не каждый догадается ее тренировать как следует. А в ней-то наибольшая сила, ведущая к успеху во всех землях и при любых режимах. Это она позволяет использовать людей, вышибать из них все, что тебе нужно. Какой-то человечек прославится как талантливый математик, музыкант или шахматист.

А в жизни ты с ним такую партию сыграешь, так все ходы наперед считаешь, что он потом до конца дней на тебя вкалывать будет, под твою музыку попляшет и не заподозрит даже, для кого старается.

Чей же талант дефицитнее?

Еще древние говорили: тот, кто обеспечивает наибольшую выживаемость в любых условиях. Стало быть, кто победил, у того и талант ценнее. Не зря ведь природа наделила человека хитростью, выделила из всех зверей, пометив особым знаком — выгрышным. Вот так-то, коллеги-калеки, не рядитесь, не кичитесь, не смотрите на меня сквозь прорези ваших карнавальных масок, нет никакой стены между нами, нет у вас ничего такого, чего не было бы у меня. Сказано ведь: «не святые горшки лепят»...

Интересно, отчего это молодой непокорный гордец со своим полигеном Л меня сторонится? За душой ни шиша, а в тузы метит. Играет в самостыльную? Э, нет, мэнэзисшка сторублевый, воображай что угодно, ерепенься, сколько влезет, ты еще поработаешь на меня, я еще на тебе поезжу!

* * *

(«Я. пока Неизвестный!..»)

Я такой же, как они, но не могу этого им объяснить. Стена отгораживает меня. Тьма по-прежнему ходит вокруг на мягких лапах и кричит разными голосами. А единственного нужного голоса, которым можно говорить с ними, нет.

Я бы любил их, настолько они беззащитны перед моей новой силой. Но зачем они ставят мучительные препятствия?

Стена решетчатая и прозрачная, а они громко ходят за ней.

Стена — непонимание. Нельзя сказать, кто я, нельзя, чтобы они узнали. Случится страшное. Не хочу этого.

Хочу быть первым!

Я сильнее всех, сильнее всех, сильнее всех!

Хочу туда!

* * *

Александр Игоревич снова предложил мне перейти к нему, и я заколебался. Уж очень невыносимой становилась обстановка для меня. О защите диссертации пока и речи быть не могло, ежедневные мелочные придирки вконец меня измотали и озлобили. По выражению Тани, я «созрел для будки дворового пса». И все-таки продолжал опыты, обходясь скудными средствами, изобретая такие приспособления к старым аппаратам, о которых раньше и думать не смел. Воистину «голь на выдумки хитра». Я проверял все элементы формулы полигена, выясняя, какие следует изменить, а какие можно оставить. В процессе изобретательства я получил два патента, которые, как оказалось, вызвали зависть у многих моих коллег и даже принесли мне некоторый доход. Я так изучил различные варианты соединений аминокислот, что иногда мог без математических расчетов предска-

зать их поведение в сложных растворах.

Работа и борьба за «выживание» отнимали все мои силы, энергию, время. И вопрос о свадьбе сам собой отложился на неопределенное время. Незаметно я как-то отдалился в эти недели от Тани, а она предпочитала и умела не напоминать о себе.

Всего два раза мы выбрались в кино, один раз съездили на выставку генноинженерной техники, а потом целовались допьяна на скамейке в парке. Пахли весной ее волосы, в глазах, глубоких и загадочных, мерцали недостижимые искорки, и податливо и дразняще открывались ее губы. Я чувствовал ее дыхание то на щеке, то на шее...

А затем состоялась защита докторской диссертации любимчиком заместителя директора Рожвой. Прошла она, как мне рассказывали, блестяще-отвратительно, роли были четко расписаны заранее, потенциальных мятежников и независимых отправили в отпуски и командировки, созвали из других городов надежных «варягов».

После защиты Рожва, воспользовавшись тем, что она состоялась накануне его дня рождения, выждав для маскировки неделю-другую, закатил пир в ресторане на речном вокзале и заказал теплоход для ночной прогулки по Днепру. Я подозревал, что купеческий размах празднованию был придан по желанию Владимира Лукьяновича. Есть у людей привычки, от которых они не в силах отказаться.

Вся эта послезащитная кутерьма коснулась меня непосредственно, потому что Таня как бы вскользь обронила:

— Жаль, но не смогу поехать с тобой на Десну. Жена Рожвы, Тася, моя давняя подруга. Со школы. Я должна буду пойти с ними в ресторан, а потом покататься на теплоходе...

— Ну и друзья у тебя школьные, — проворчал я. — Как на подбор, детки или жены именитых людей, каких-то тузов козырных.

— Такой район — такая школа. Мы же не выбираем ни родителей, ни место жительства в детстве и юности. Хорошо еще, что позволено выбирать любимых.

Она потянулась ко мне, но я отстранился:

— Значит, принесешь себя в жертву законам дружбы? Тем более что на праздновании будет столько удачливых молодых людей. Рожва не водит дружбу с кем попало.

— Если хочешь, пойдем со мной.

Я захлебнулся невысказанными словами. В них были обида, ревность, злость. Неужели она ничего не помнит? Забыла, как выступал красавчик Рожва на моей защите? Или ей надоел неудачник? Ну, конечно, сколько можно быть подругой-утешительницей? Не лучше ли разделить с кем-то триумф и все его выгоды?

— Каждый заслуживает того пути, который выбирает, — сквозь зубы сказал я. — Иди куда хочешь. На все четыре стороны вместе с розой ветров!

И ушел. Чтобы больше не встречаться с ней, а при встречах отворачиваться. Чтобы завтра же перейти в отдел Александра Игоревича. Чтобы бежать

от предателей, врагов, сочувствующих, жалеющих, от собственного упрямства, от верности делу, которое начинал с Виктором Сергеевичем. Кому в наше время нужна такая верность? Кто ее оценит?

...Тем же вечером я пришел к речному вокзалу. Возбужденно чирикали воробьи. Теплый ветер нес букеты запахов. Сквозь удушливую гарь причаливающих и отплывающих теплоходов различался запах речной воды, похожий на запах рыбы. Музыка возникла внезапно. Вальс. Сейчас там, в ресторане, закружатся пары...

Я пришел, чтобы наконец-то полностью избавиться от еще одного наваждения в своей жизни, чтобы увидеть Таню танцующей с кем-то из дружков — или теперь уже — последователей и учеников Рожвы, а среди них немало таких же записных красавцев, как их патрон. Я пришел, чтобы своими глазами запечатлеть, как она уедет с одним из них на теплоходе, и он будет, обнимая, бережно поддерживать ее. Я чувствовал тяжесть своих тренированных кулаков, а в горле клокотала бешеная ярость. Поделом мне! Забылся? Кто ты такой? Передержанный холостяк, заурядный тип, неудачник с претензиями. Тебя стыдно пригласить в дом, познакомить с родителями. «После защиты». Что же, на всякий случай стоит подождать: а вдруг вопреки всему ты выплывешь? Тем более что во времена оны и Кирилл Мефодиевич и Виктор Сергеевич говорили... От тебя и твоего полигена ждали чуда. Ждала и она. Желала превратить жизнь в беспроектную лотерею. Нет, дорогая, так не бывает. В жизни как в карточной игре: кто не делает ставок и не рискует, тот не выигрывает! А что выигрывает тот, кто поставил все? Например, такой, как я?..

...От пристани по реке уходил белый светящийся дом, окутанный дымом музыки и веселья.

Потом я долго еще бродил по улицам один. Надо было привести в порядок свои мысли. Я наблюдал, как ночь постепенно убирает лишние декорации — сначала растворились в темноте деревья, затем — памятники, соборы. Еще оставались плывущие корабли домов, похожие на тот, в котором уплыла от меня Таня. Но одно за другим гасли окна, словно корабли уходили все дальше по невидимой реке. А взамен окон в темном небе тонкие желтые лучики первых звезд проступали все ярче, наливались золотом и багрянцем, и я остался наедине со звездами и своими невеселыми мыслями...

* * *

Об этом «госте» в институте мы слышали уже недели две назад. Не было сотрудника, не обсуждавшего и не переживавшего новость. Многие его видели, некоторые даже успели пообщаться. И все единодушно считали, что с его помощью Евгений Степанович замыслил сокрушить отдел Александра Игоревича. Однако никто не предполагал его появления в нашей лаборатории.

Я несколько дней проболел и потому был как бы на время выключен из общей лихорадки, сотрясавшей наш институт после смерти Виктора Сергеевича.

И вот неожиданно из директорской приемной позвонили Кириллу Мефодиевичу и предупредили о «посетителе», а он оповестил сотрудников. Наверное, я волновался больше других: во-первых, не встречался раньше ни с чем подобным, если не считать примитивных промышленных роботов, а во-вторых, у меня были свои предположения на этот счет.

Он появился сразу же после обеда: ловко переступая на суставчатых ногах, небольшой, метра полтора в высоту, матово поблескивая пластмассовыми и металлическими деталями. У него не было даже подобия головы, а ячейки фотоэлементов — его глаза — размещались со всех четырех сторон туловища и разноцветно сверкали, как украшения. Если бы не антенны и не смешные тонкие ноги, он был бы очень похож на наш новый шкаф-термостат. В дополнение сходства спокойным зеленым цветом, изредка помигивая, светило око индикатора и прослушивалось тихое шипение воздуховодов. Эти приметы нормального функционирования как бы подтверждали — во всяком случае для меня: «Я только аппарат, машина, неодушевленный объект, который можно включить и выключить простым нажатием тумблера». Последнее впечатление почему-то успокаивало...

Из этого ходячего «шкафа» высунулось несколько дополнительных антенн, и приятный баритон произнес: — Добрый день.

Мы промолчали, и только Кирилл Мефодиевич вежливо ответил:

— Здравствуйте, уважаемый...

— ...Шкаф, — прошептал я, и Таня прыснула со смеху, закрывая рукой рот и грозя мне глазами.

Кирилл Мефодиевич не слышал моего коунства по поводу символа новейшей техники, зато сам «символ» расслышал и довольно миролюбиво произнес:

— Фраза из Чехова может оказаться остроумной и к месту, а зовут меня — Дэф восемнадцать С, чаще просто — Дэф. Экспериментальный образец. Предназначен для работы на других планетах. В вашем институте прохожу некоторые испытания.

Я вспомнил, что больше всего шушукались по поводу «некоторых испытаний». Говорили, что, пользуясь своими связями, Владимир Лукьянович выпросил Дэфа у робототехников, чтобы он посрамил и «поставил на место» отдел Александра Игоревича. Если это правда, то теперь дело дошло до нашей лаборатории, и я подозревал, до кого персонально.

Дэф подошел ближе к нашему завлабу и без обиняков произнес:

— Прошу вас, Кирилл Мефодиевич, показать материалы, о которых с вами договаривались.

Несомненно, в его памяти имелись портреты нужных людей. Все же меня удивило, как уверенно он ориентируется. Неужели проблема распознавания образов в кибернетике уже решена? До последнего времени, насколько я знал из популярных журналов, именно здесь имелось наибольшее число «подводных камней».

Кирилл Мефодиевич достал из своего шкафа несколько журналов и папок. Мы все занимались своими обычными, каждодневными делами, усиленно изо-

бражая, что ничего особенного не произошло. Однако и глаза наши, и уши все время были настороже, и шеи, наверное, как у меня, деревенели от напряжения.

Прошло не более пятнадцати минут, и я услышал Танино предостерегающее покашливание и Его приближающиеся шаги. Я намеренно не отрывал взгляда от шкалы спектрографа, пока уже знакомый мне ба-ритон не произнес:

— Извините, Петр Петрович, у меня к вам имеет-ся несколько вопросов.

Пришлось оторваться от своего занятия. Глядя в его фотоэлементные устройства, я сказал:

— Спрашивайте.

Он был приторно вежлив:

— Извините, если моя речь окажется в чем-то не-правильной или старомодной. Я являюсь кибернетиче-ским двойником нескольких личностей, и среди них — математика девятнадцатого века.

Чем дальше, тем больше мне не нравился и этот глазастый ходячий шкаф, и особенно его приход в на-шу лабораторию. Теперь я почти не сомневался, кем он вызван и кто его запрограммировал. А «шкаф» шел к цели напрямик.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших затруднени-ях с уточнением формулы полигена Л. Возможно, я сумею хоть в чем-то помочь вам.

— Все мои затруднения отражены в журналах, ко-торые дал вам просмотреть Кирилл Мефодиевич.

— И вы ничего не имеете добавить?

— Не имею добавить абсолютно ничего, — почти весело проговорил я и с невинным видом спро-сил: — А вы разбираетесь и в живой природе?

— Вы полагаете, сударь, что между живой и не-живой природой существует пропасть?

— А вы не полагаете? — и добавил мысленно: «...уважаемый шкаф»...

— Те, кто составлял основу моей личности, не по-лагали. Пока моя практика подтвердила их мнение. Там, где неживая природа начинает движение, она за-частую движется к живой природе, иногда превраща-ется в нее. Это подтверждают наблюдения за вулкана-ми и грозами, морями и реками. Не случайно в горя-чем дыхании вулканов из химических элементов рож-даются начала жизни — аминокислоты. Извините за пример, который вам, безусловно, известен. Но пора привыкнуть к мысли, что от движения подземных вод не так уж далеко до тока крови в артериях и венах...

— Есть существенная разница, — заметил я. — И потом... У вас напыщенный слог...

— Благодарю за замечание. Еще раз извините. Я уже упоминал, что в основе моей личности — лично-сти разных людей. Один из них был поэтом.

— Удобная позиция на все случаи... — «жизни» — едва не вырвалось у меня.

Мы помолчали.

— У вас больше нет ко мне вопросов? — спросил я тоном, который обидел бы любого человека: интерес-но, как он отреагирует на тон.

Кирилл Мефодиевич подавал мне предостерегаю-щие знаки, но я их «не замечал». В конце концов пе-редо мной машина — очень сложная, но все же маши-

на. Тон она, вероятно, не воспримет — ей важна лишь заключенная в слова информация.

Оказалось, что я недооценил «шкаф». Он забавно замигал индикатором и сказал — мне даже послыша-лась грусть в его голосе:

— Кажется, вы меня невзлюбили, сударь.

— А почему я должен был вас взлюбить?

— Ну да, мы такие разные.

— Достаточно взглянуть на нас со стороны...

— Но если бы я был скульптурой, или куклой, или, например, восковой фигурой, очень похожей на вас, разве вы стали бы разговаривать со мной? Раз-ве вы беседуете с животными, состоящими из того же материала, что и люди?

— Иногда беседую, — ответил я, вспомнив об Опале.

— Как с равными?

«Но я и тебя не считаю равным», — подумал я и ужаснулся своим мыслям и всему нашему разговору: вот до чего можно дойти — этот ходячий шкаф спра-шивает «как с равным?», а ты не знаешь, что ему от-ветить. Я рассматривал его и четко видел заклепки и неровности на стыках декоративных листов пласт-массы. Их явно подгоняли в спешке. Вон виднеется и треугольный штамп изготовителя — три буквы: КИК — Киевский институт кибернетики. Вспомнил от-ветственного работника этого института, приятеля Владимира Лукьяновича, который приходил в наш институт, — высокого, худого, подвижного, с острыми локтями. Представил, как они договаривались, где будет проходить испытания экспериментальный об-разец ДЭФ-18С, как наш шеф торопил своего при-ятеля... И вот результат: передо мной мыслящий и го-ворящий шкаф, а за окном в зеленых узорных проре-зях листьев проглядывают голубые лоскуты неба. До-носится гул троллейбусов и автомобилей. Там все дви-жется, как и раньше, — привычное, знакомое, и толь-ко усиливает чудовищную нереальность происходяще-го здесь.

Я стряхнул с себя оцепенение. Пора кончать «бесе-ду», не то она заведет в еще большие дебри.

— Я уже объяснил, что ход моих опытов зафиксир-ован в лабораторном журнале...

— Извините мою назойливость, — просительно сказал он. — Простите меня за повтор. Я пройду ис-пытания и больше не буду работать рядом с людьми на Земле. Меня предназначают для работы в кос-мосе...

— А я не могу выдать вам информации больше, чем записано в журнале. Понимаете?

— Да, — отозвался он. — К сожалению, понимаю. И не только это, сударь.

— Что же еще?

— Человек всегда боится уступить свое место ли-дера. Где бы то ни было. Вы, люди, создали меня, что-бы я помог вам достичь подлинного лидерства в при-роде, но сами боитесь, как бы я не обогнал вас. А ведь я только первый этап...

Теперь зеленый индикатор светился предостерега-юще.

— Кто будет вторым?

— Сигом.

— Вы уверены, что это удастся?

— Уверен. Если только... — он чуть запнулся, и я это отметил, — ...если только при создании человеческого разума не была использована какая-нибудь жизненная сила или еще нечто непознаваемое, мистическое... — Он говорил без иронии, но она скрывалась в его словах.

— Других ограничений нет?

— Нет. Как только химики создадут материалы, превосходящие пластичностью живые ткани, вы приступите к конструированию сигомов. И у вас появятся новые опасения...

— Не беспочвенные, — не удержался я.

— Мы только ваши творения, ваши детища, призванные помочь вам, помимо колонизации космоса и подобных насущных дел, не исчезнуть, не раствориться в природе, как другие ее создания. Зачем же нам бороться с вами? Нам не нужны ни эта планета, ни воздух, которым вы дышите, ни пища, которую вы употребляете...

«Он прав, — думал я. — Нам не из-за чего опасаться его или не любить. И все же я его опасуюсь и не люблю. Почему? Или таковы законы лидерства?»

— ...Нам нужно лишь то, для чего вы предназначаете нас и...

Он умолк. Пауза казалась мне зловещей, и я поторопил его:

— И...

— Информация. И ваша память как важнейшая часть ее.

— Почему «важнейшая»?

— Она является для нас направляющей...

Мне показалось, что его фотоэлементы устали на меня выжидать, и я поспешил сказать:

— И все же большей информации, чем та, что отражена в журнале, у меня для вас нет. Придется вам довольствоваться ею.

— Прощайте, сударь, — сказал он. — Наверное, мы больше не встретимся. Испытания близятся к концу.

Я сильно в этом сомневался и потому задал еще один «невинный» вопрос:

— Всегда ли вы будете помнить, что это мы создали вас, а не наоборот?

Впервые я увидел, как быстро и беспомощно замигал его индикатор. Он забормotal:

— Конечно, конечно...

Выходя, он стукнулся о притолоку двери — я не сомневался, что какие-то его блоки перегреваются, не выдерживая нагрузки. Все-таки он, бедняга, был только машиной, и для таких вопросов его не готовили.

Настроение мое изменилось, и меня даже не очень смущали слова Кирилла Мефодиевича:

— А если стоймость его ремонта вычтут из вашей, Петр Петрович, зарплат?

* * *

Прошло меньше месяца — и я в очередной раз оказался в знакомой приемной. Вместо Веры меня встретил белобрысый молодой человек, стройный, вежли-

вый, приветливый. В его приветливость не верилось. У молодого человека были точные, рассчитанные движения и жесты. Угадывалась длительная тренировка.

Как только я назвал себя, он ответил «пожалуйста» и указал рукой на обитую дерматином дверь.

За директорским столом сидел человек лет пятидесяти с лишком, в очках с толстыми линзами. Углы рта у него были уныло и как-то брезгливо опущены. Он не заводил церемоний, коротко поздоровался, сказал:

— Попрошу подробно рассказать о ваших взаимоотношениях с директором, и особенно с его заместителем Кулебой. Ваши слова будут записываться.

Он нажал кнопку невидимого мне магнитофона, помещенного, наверное, в ящик стола, и послышался шелест пленки, как бы подчеркивающий, что здесь не любят терять времени напрасно.

Дверь кабинета наполовину открылась, пропустив Олега Ильича. Он взглядом спросил у сидящего за столом разрешения присутствовать и сел сбоку, вне моего поля зрения. Может быть, так у них было принято.

Я рассказывал только то, о чем меня просили, — только о взаимоотношениях с директором и Кулебой, не упоминая о своих выводах и оценках. Пусть сами их делают.

Человек в очках слушал, не перебивая, глядя в окно. На меня взглянул, когда я закончил. За холодным блеском линз угадывались умные пытливые глаза.

— Вы забыли рассказать о том, как обходились без запланированных средств, — послышался сбоку голос Олега Ильича.

«Кажется, это у них называется перекрестный допрос, — подумал я. — А, не все ли равно?»

Пришлось рассказывать о своих вынужденных изобретениях. Иногда человек за столом задавал вопросы, уточняя даты, потраченные материалы, суммы денег. Вдруг улыбнулся — чуть-чуть, правым уголком рта. Странная это была улыбка.

— Изобретательство поневоле задерживало основную работу?

— А где же было взять аппаратуру? — со злостью спросил я.

Опять послышался голос сбоку:

— И еще вы забыли рассказать, Петр Петрович, о предложении Кулебы обмануть комиссию.

«Вот как, они знают и об этом? Но в кабинете тогда нас было двое. И еще Вера в приемной. Кажется, этот Олег Ильич не терял времени зря».

Я намеренно не поворачивал головы к нему, смотрел только на сидящего передо мной. И его же спросил, правда, не таким тоном, как мне хотелось. Подвел предательски дрогнувший голос:

— Можно узнать, в чем меня обвиняют?

— Обвиняют не вас, а директора и его заместителя, которого Евгений Степанович пригласил и защищал. Вас же вызвали как свидетеля.

— И пострадавшего, — добавил Олег Ильич, за что удостоился предупреждающего взгляда.

Я рассказал о том, как воспринял предложение Владимира Лукьяновича, что ответил.

- Вы могли и схитрить?
- Выходит, не сумел.
- Предвидели, что вас ожидает?
- Это было нетрудно.
- И все-таки «не сумел»... Или не хотел?
- Самое печальное — потерять себя...

«Вырвал-таки, очкастый черт! Почему я откровенничая с ним? Чем он расположил меня к себе? Небось задаст сейчас еще несколько вопросов «на откровенность», а потом незаметно расставит ловушку».

— Петр Петрович, прежде чем мы расстанемся, должен вас предупредить...

«Вот оно, начинается!..» Я спросил, не скрывая иронии:

— Никому не рассказывать о нашей так называемой беседе?

Его лицо преобразилось. Бледные щеки округлились, губы изогнулись. Он засмеялся длинно и залихватисто, и ему вторил Олег Ильич. Затем он снял очки и тщательно протер линзы замшевой тряпкой. Глаза у него без очков оказались темно-серыми, близорукими, какими-то беспомощно-добрыми.

— Почитываете детективы, Петр Петрович?

Он надел очки, и взгляд тотчас изменился; в нем появилась необходимая твердость.

— Предупреждение вам иного рода... — В его голосе все еще слышались затихающие смешинки... — Вы, несомненно, заметите в виварии новые датчики. Не удивляйтесь. Мы сочли необходимым поместить там автоматические телекамеры, микрофоны и другие сигнализаторы.

Я пожал плечами:

— Если это не помешает опытам...

— Не помешает. Рад был познакомиться с вами, Петр Петрович.

Он встал и подал мне холодную твердую руку.

В коридоре лабораторного корпуса я едва не столкнулся с Александром Игоревичем. Он подозрительно уставился на меня:

— Вы оттуда?

— А вы туда?

— Сейчас все наши пути там пересекутся. Вы знаете, что Владимир Лукьянович арестован за разного рода махинации, а Евгений Степанович отстранен от работы?

Он остался доволен произведенным эффектом.

— Видимо, Вовина карьера на этом закончится. Впрочем, того и следовало ожидать, коли ворон забрался в гнездо орла...

Ему позарез необходимо было выговориться, но он спохватился:

— Договорим после, а то ведь меня там ждут...

* * *

Я шел по знакомым улицам, по которым любил гулять и любоваться открывающимися отсюда приднепровскими пушами, песчаными пляжами, арками мостов, лаврскими главами. Уходящее солнце долго подбиралось к куполам, шарило длинными лучами по зелени, нащупывая маковки, но зато потом, найдя и об-

радовавшись, разом зажгло, запустило целый сонм древних золотых звездолетов, устремленных в закатное небо.

Когда-то на этих улицах мне хорошо думалось. А теперь те же дома и деревья и даже свечи каштанов в зеленых подсвечниках вызвали во мне глухое раздражение. В чем дело? Вот дом с противозвуковыми выступами, за ним — арка, которая мне так нравилась. Ни дом, ни арка не изменились. Чего же мне не хватает?

Ага, нет запаха акации. Она еще не цветет.

Я затормозил, напряг память, воображение — и появился запах акации.

Вспомнил, что из дома напротив часто доносилась музыка. Воспроизвести ее в памяти было нетрудно. Ну вот, есть и музыка. Как будто есть все, а чего-то не хватает...

Эврика! Тогда гудели комары. Я снова затормозил воображение, и появился тонкий комариный зуд. И там же, в моей памяти, девушка взмахнула обнаженной рукой, защищая меня от назойливого насекомого: «Прочь, соперницы комарихи, не дам вам пить кровь милого!» — «Себе оставишь?» — «Догадливый!»

Я понял, что обманывал себя, притворяясь, будто не знаю, чего мне не хватает на этих улицах, чтобы они вновь стали любимыми. Со мной не было Тани. Без нее город стал пустым, безразличным. Нечего хитрить с собой — не поможет. Вот на том перекрестке мы прощались, дальше провожать ее не разрешалось. Теперь перекресток пуст.

И эта зияющая пустота перекрестка явилась последней каплей...

Я круто повернулся и ушел, почти побежал обратно, к институту. Какое же мы дурачье. Зачем мучиться и мучить ее? Час друг без друга — это потерянный час. Его не вернуть за все богатства мира. Потерянные минуты — это минуты муки. Зачем продлевать их? Ради пустой амбиции? Истина открывается просто, когда сбрасываешь шоры ложной гордости. Таня поймет. Она еще там, задержалась в виварии — нарочно, чтобы не выходить из института вместе со мной и не ставить меня в неловкое положение...

Я спешил, запыхался, будто кто-то подстегивал и гнал меня. Спустя некоторое время, вспоминая этот бег, я пойму, что меня гнало предчувствие, которым заразился от Тани.

Охранник удивленно посмотрел на меня, но пропустил молча.

Вконец запыхавшись, я взлетел на этаж и помчался по коридору к виварию. Мне показалось, что кто-то еще спешит туда, что слышен стук торопливых шагов.

Я уже открыл дверь в тамбур, как внезапно кто-то с силой оттолкнул меня. В проеме двери мелькнула темная знакомая фигура. В тот же миг из вивария донесся крик.

Я бросился туда и увидел нечто непонятное, несуразное — Таню в неестественной позе, в разорванном платье, опоясанную какой-то веревкой, дядю Васю, уцепившегося за эту веревку, повисшего на ней, крив-

ляющиеся в клетках косматые фигуры. Чьи-то горящие злобой янтарные глаза.

— Опал! — закричал я изо всех сил. — Опал, нелзя! Пусти!

Потому что конец веревки, опоясывающий Таню, как лассо, был в косматой обезьяньей руке.

На меня посмотрели по-человечески осмысленные, по-человечески ненавидящие глаза на спародированном человеческом лице.

— Опал, отпусти!

Грохнул выстрел. Затем еще один.

Опал взвыл от боли, непонимающе взглянул на меня, разжал пальцы.

Таня и дядя Вася упали на пол.

Это было последнее, что я увидел тогда...

* * *

— Больно! Ой, как больно!..

Я, шимпанзе Опал, не стал таким, как вы, двурукие. Вы оказались сильнее. Сильнее полосатого зебра. Не пустили туда. Сделали больно.

За что? Да, я убрал большеголового, но он стоял на моей тропе к желанному. Не пускал к самкам.

А ведь там была она, с покатыми плечами и острым запахом. Только увижу ее — и дрожь.

Она ходит, округло раскачиваясь. То приседает, то подпрыгивает.словно готовится ухватиться за канат, свисающий сверху, и взлететь высоко-высоко на ветки с листьями. Я там никогда не был. Видел. Много раз. Из клетки, забравшись по канату почти до самого верха. Видел в квадрате — таком, как показывал двурукий на картинке. Потом снилось. Много раз.

Я раскачивался на канате изо всех сил, чтобы перелететь туда. Но только ударялся о решетку. Все равно снилось. И ее походка напоминала о снах. Никто другой не ходит, как она. Никто так дразняще не пахнет. От нее — не только запах. Еще что-то — тогда у меня приятно колет плечи, грудь, руки. По всему телу дрожь. Более сладкая, чем белые кубики, которые двурукий дает в награду. Она идет и не идет, но все равно вижу ее во тьме с закрытыми глазами — желанную, остро пахнущую, источающую то, чему нет названия, пробуждающую невиданное.

Двурукие, вы подарили мне силу, но запрещали ее применять. Во всем виноваты вы. Вы зажгли костер во мне — пламя осветило тьму. Я захотел быть первым среди своих, четвероуких. Разве вы добивались не этого? Я придумал, как убрать старого вожака. За каждую малую придумку вы награждали бананом, белыми кубиками... А за эту, большую, не хотели меня пустить на место старого вожака.

Надеялись, что сильный будет как слабый? Так не бывает. Дал силу — дай исполнить желание!

Теперь отнимаете ее.

Всегда боялся тьмы. Она наплывает, подступает с невыносимой болью. Костер угасает...

* * *

Я попал в снежную яму с гладкими стенами. Выбраться из нее невозможно. Ударив руками и ногами изо всех сил по белому насту, я услышал далекий голос:

— Вот и хорошо, что вы очнулись.

Голос был вполне реальный, он звучал из яви, но снежная яма вокруг меня не исчезала. Вот над ее краем появилась темная фигура. Белый туман понемногу рассеивался. И уже можно различить, что это не снежная яма, а больничная палата. Надо мной склонилась сестра, приподняла подушку вместе с моей головой, поднесла к губам чашку:

— Выпейте, пожалуйста.

Напиток был горьковатый, обжигал губы и язык, но подействовал благотворно. Туман, застилающий глаза, окончательно рассеялся. А вот язык и губы слушались плохо, голос звучал как чужой:

— Долго я здесь? Что со мной?

— Второй день. Был нервный шок, перенапряжение. Наверное, оно накапливалось уже давно. А разрядились вы, как лейденская банка, — сразу.

Я вспомнил события последнего дня. Тотчас слышалось предупреждение.

— Не подымайтесь так резко.

— Что случилось в институте? Девушка, лаборантка... Она жива?

— Жива. Успокойтесь.

— Где она?

— Здесь в больнице ученых. Ниже этажом. Скоро поправитесь и навестите ее.

Значит, Таня не может поправиться раньше меня. Такой вариант сестра исключает.

Я сел на кровати. Перед глазами заплесали искрящиеся снежинки. Встать на ноги не мог.

Ласковые руки, высунувшиеся из белой метели, уложили меня.

— Спокойнее, голубчик, нельзя же так сразу. Отдохните.

Я задремал, повторяя как заклинание: «Жива, жива... Таня жива...»

...Когда проснулся вторично, почувствовал себя значительно лучше. Сестра снова принесла напиток с каким-то сильным стимулятором, чай с сухариками, кашу.

Я поел. Силы возвращались ко мне. Сумел встать на нетвердые ноги, накинул халат. Палату покачивало, как корабль в легкий шторм.

— Упрямец какой! — с одобрением заворчала сестра. — Ладно уж, провожу вас к вашей девушке. Обойдитесь на меня. Да не бойтесь, я сильная.

Мы спустились по лестнице на нижний этаж, прошли по длинному коридору. Навстречу в накинутах на плечи белом халате шел грузный мужчина с широкими, будто наклеенными бровями и лицом цвета красноватой меди. Да ведь это академик Михайленко, по слухам — друг Евгения Степановича, один из вице-президентов академии. Что ему здесь нужно?

Академик, задумавшись, направился было к выходу, но случайно поднял на меня взгляд и остановился:

— Не ходите сейчас к ней. Завтра. Еще лучше — послезавтра.

Откуда он знает, кто я и куда направляюсь? Виделись всего раз во время посещения им института. Виктор Сергеевич тогда привел его в нашу лабораторию, представил сотрудников, сказал о каждом несколько слов. Но мог ли он запомнить меня? Чепуха! Он ежедневно видит сотни таких... Голова закружилась сильнее. Не до головокружени! Сейчас есть дела поважнее. Я спросил:

— Как она?

— Лучше, но очень слаба. Болят раны. Если бы не Василий Георгиевич...

«Кто это Василий Георгиевич? — подумал я. — Наверное, дядя Вася».

Академик между тем отстранил сестру, взял меня под локоть. Я уперся:

— Хотя бы взглянуть.

— Нет! — почти крикнул он.

— Но, пожалуйста, вы же не врач, — начал злиться я. — И вообще... — «При чем здесь вы?» — хотел спросить, но он опередил меня:

— Я отец Тани.

«Ну да, вот оно что, Таня Михайленко, дочь академика Михайленко. Вот откуда она знает начальство, их детей и внуков...»

Больше я не сопротивлялся. Послушно шел с ним, продолжая думать: «А я обижался, что не приглашает в дом. Ларчик открывается просто. Какой же я осел! Вот почему она так болезненно реагировала, когда я рассказывал о профессорской дочке, поившей меня чаем».

Академик довел меня до моей палаты, слегка подтолкнул:

— Поправляйтесь. Завтра зайду за вами, вместе ее навестим.

Не успел я улечься в постель, как в дверь палаты тихо постучали. Уже знакомая мне сестра просунула голову:

— К вам посетитель. Можете принять?

В палату с портфелем в руке вошел следователь Олег Ильич, кивнул как старому знакомому, развел руками:

— Извините, Петр Петрович, служба. Придется задать вам еще несколько вопросов, чтобы закончить следствие об убийстве академика Слепцова. Помните, вы говорили, что полиген Л должен был вызвать активизацию умственной деятельности у шимпанзе, и высказывали опасение, что он не подействовал так, как планировалось. В связи с этим были дополнительные вопросы на защите диссертации.

— Помню, — сказал я. — Лучше бы не помнить.

— Я сделал выписки из лабораторного журнала, — продолжал он. — Но остаются некоторые неясности. Как вы думаете, почему шимпанзе решил убить Слепцова?

— Решил?

— Да. Ведь он заранее подготовил ловушку — веревку и доску, чтобы поймать человека и ударить его о прутья клетки. Когда он отравил хлорофосом вожака Тома, мотивы понятны — устранение соперника. Он

рассчитывал вместо него попасть в клетку к самкам. Неслыханная изобретательность для шимпанзе...

Олег Ильич кинул на меня быстрый взгляд: как реагирую? Хорошо еще, что он не добавил: «Можете гордиться, отличное дополнение к диссертации»...

— Но вот зачем ему устранять Слепцова?

Я вспомнил чрезвычайно ясно, как после смерти Тома мы стояли у клетки Опала и Виктор Сергеевич не согласился перевести его в большую клетку на место вожака. Но как мог Опал понять его слова? Даже при всей его изобретательности...

И внезапно будто что-то кольнуло в груди. А наши занятия по «языку жестов»? Опал понял не слова, а жесты, мимику, такую богатую у Виктора Сергеевича. Теперь я знаю имя истинного убийцы. Наверное, и Олег Ильич это знает. Поэтому так смотрит на меня — почти сочувственно. Может быть, он думает о том, как будет называться наказание за убийство? И я сказал себе: «Вы огорчились, маэстро, что полиген Л не подействовал на Опала? О, не печальтесь, он оказался весьма эффективным у человекоподобной обезьяны. Довольны?»

Виктор Сергеевич снова возник в моей памяти. Я вспомнил весь тот проклятый день: и как академик ответил мне, когда я рассказывал о странном поведении шимпа, и как оставался в виварии наблюдать за Опалом, как сверял энцефалограммы и результаты химических анализов. Неужели он догадывался, что шимп притворяется? Никто другой не был бы на это способен. Но Виктор Сергеевич мог. Ответа мне уже не получить... Я знал, что придется еще долго, очень долго вспоминать и никто не спасет меня от этих воспоминаний.

Пожизненная казнь — вот как это будет называться...

* * *

Придя в институт, я направился в виварий. Что так неудержимо влекло меня сюда? Какая привязка оказалась сильнее муки, боли, отвращения, связанных в памяти с этим местом? Мне не узнать о ней, ибо она пружинно скрыта в подсознании и способна оттуда управлять тем, что называют сознательной деятельностью. Когда-то я читал, что убийцу неумолимо влечет на место преступления. Даже невольного убийцу...

В большой клетке сутились обезьяны. Они узнали меня и заверещали, протягивая руки за подарками.

Клетка Опала была пуста. Концы проводов висели как змей, караулящие добычу. Я почему-то осторожно переступил через совершенно пустое пространство у клетки и только потом вспомнил, что там когда-то был очерчен мелом контур тела.

Я стоял, взявшись двумя руками за прутья решетки, уткнувшись в них лбом, и смотрел в угол, где часто сидел Опал. Именно в том углу под соломенной подстилкой — мне рассказал Олег Ильич — нашли приспособления: куски проволоки и дерева, связанные обрывки веревки, с помощью которых шимпанзе доставал и подтягивал к себе то, что ему было нужно. С помощью этих же орудий он ухитрился добыть хло-

рофос и забросить отравленный банан в клетку Тому. Пожалуй, он мог бы претендовать на патент изобретателя. Горе существу, если изобретательность родится в нем прежде, чем нравственность. А в нашем мире часто случается именно так. И в этом — одна из причин величайших трагедий...

Я повернул голову на звук знакомых шаркающих шагов. Дядя Вася, Василий Георгиевич, подошел ко мне. Я крепко пожал ему руку, и он понял, что для словесной благодарности у меня просто нет нужных слов.

— Как коллега, скоро выйдет? — спросил он.

— Не скоро.

Мы помолчали. Я думал о нем и Тане и неожиданно для себя открыл, что сравниваю этих двух словно бы ни в чем не схожих людей. И дороги их почти нигде не пересекались, а вот, гляди, пересеклись — и в такой неожиданной ситуации. Я снова вернулся к своим размышлениям о невидимых весах природы, на которых постоянно взвешивается все совершенное человеком. И результаты могут быть самыми неожиданными, ибо природа часто подкладывает свои особые гири и уравнивает совершенно разные судьбы по количеству слез и смеха, радостей и горестей и в конечном счете по самой значимости этих судеб. Казалось бы, тарелка весов дяди Васи давно уже пошла вниз, далеко вниз, на всю глубину его падения. Но вот этот опустившийся, неряшливый человек спас жизнь юной девушке, и тарелки весов качнулись, заколебались, уравнились. Ведь без его жизни не существовала бы сегодня другая, дорогая мне и еще многим людям жизнь. И если бы дядя Вася случайно оказался в виварии в тот роковой день, когда погиб Виктор Сергеевич, он мог бы спасти его — и тогда точно так же качнулись бы тарелки весов для двух человек, стоящих на разных ступеньках лестницы лидерства...

Я увидел, что дядя Вася хочет о чем-то еще спросить меня, но не решается, и помог ему:

— Хотите узнать о моей работе?

— Точно так. Об Опале. Выходит, он соображал почти как человек?

— Нет, дядя Вася, до человека ему было ой как далеко.

Он обрадовался:

— Вот и я говорю коллегам — разве ж человечность в таких делишках проявляется, чтобы как лучше сфинтить да схимичить или пакость всякую изобрести. Это и зверюга сможет, особенно ежели вашего полигена или чего другого хлебнет...

Он явно расположен был пофилософствовать, но дверь тамбура открылась, стукнув по ограничителю, и в виварии появился, чуть согнувшись, чтобы не удариться головой о светильник, человек в синем халате. Вместе с ним вошла тревога. Быстрыми, порывистыми движениями он мне кого-то напомнил. Крупные правильные черты лица, взгляд прицельно внимательный, острый. «Раз увидишь и ни с кем не спутаешь», — подумал я.

— Петр Петрович... — сказал вошедший так уверенно, будто заглянул в мой паспорт и спрашивал просто так, для порядка.

— Здравствуйте, товарищ директор, — проговорил дядя Вася, сделав мне какой-то знак, и поспешно ретировался по своим делам.

— ...я искал вас в лаборатории. Во время вашего вынужденного отсутствия познакомился с формулой полигена Л. Интересно!

— А мне уже нет, — признался я.

— Напрасно.

Он не давал времени обдумать его слова:

— ...внес некоторые коррективы. Хочу, чтобы вы продолжили работу. Посмотрите...

Мгновенно достал из кармана блокнот, большим пальцем перевернул несколько страниц.

— ...предлагаю изменить четыре фермента. Вот таким образом.

Невольно мой взгляд прикипел к формулам. То, что он предлагал, было... Да, оно могло оказаться именно тем решением, к которому я безуспешно пробыл все это время.

— ...говорите, критикуйте.

Что ж, если он желает... Если ему ничего не стоило за считанные дни изменить то, над чем я работал до изнеможения месяцы... И не только я... Нет, вовсе не поэтому (хотя поэтому тоже), а просто чтобы не поддаваться иллюзиям, я стал возражать:

— Если в кровь поступит меньше тестостерона, а в кишечник — меньше желчи...

— Не с того конца. Избыток фомопсирозы возместит потери.

— Ослабленная деятельность гипофиза...

— Не будем терять времени. Вы же видите, мы активизируем его другим гормоном, а тормозить будем за счет вот этого кофермента.

Безукоризненно ровный длинный палец ткнул в другое место формулы.

Однако в меня уже вселился бес упорства, что новому директору, видимо, было на руку. Темные глаза смотрели понукающе.

— Вот еще...

Он мгновенно разбивал одно мое возражение за другим.

Я пожал плечами:

— Не знаю, как вам удается... Но в моих опытах агрессивность неизбежно вызывала неприемлемые стычки внутри стада, а уменьшение агрессивности вело к пассивности всего организма, всех его систем, к замедленности физиологических процессов и в результате — к снижению жизнестойкости. Я же не случайно назвал определенную совокупность генов и ферментов полигеном Л...

Недосказанности просто не существовало для него. Достаточно было произнести несколько слов, как он уже воспринимал мысль собеседника. Снова и снова я вспоминал Виктора Сергеевича. Нет, пожалуй, и он не выдержал бы сравнения.

— Вы хотите сказать, что наткнулись на кажущееся неразрешимым противоречие природы, которое выражается, между прочим, и в законе лидерства: существует оптимальное число лидеров для каждой популяции. Если же их становится больше, популяция погибает.

— Кроме человеческой, — вставил я.

Он понял мое желание спорить, и его красивое холодное лицо чуть отеплила улыбка:

— Разумеется. В человеческом обществе социальные законы, как известно, оказываются сильнее биологических. Вы прекрасно знаете, что мы говорим о мире животных, из которого вышел и человек.

— И теперь пытается переделать мир, из которого вышел и к которому по-прежнему принадлежит. Но, как вы правильно заметили, мы наталкиваемся на неразрешимые противоречия...

— Во-первых, я сказал «кажушиеся неразрешимыми». Во-вторых, вы не оставляли попыток их разрешить. Именно поэтому вы мне подходите, и мы срабатываемся.

«Как он похож временами на Виктора Сергеевича, — думал я. — Похож — и не похож. Есть в нем что-то притягательное и что-то настораживающее...»

Я присматривался к нему, чувствуя, как меня начинает бить дрожь, и стараясь, чтобы он не заметил. Откуда эти мощные плечи и безукоризненно правильные черты, эта поразительная быстрота мышления?.. Неужто?..

Тревожная догадка опалила меня так жарко, что, кажется, пробилась румянцем к щекам. Через секунду все мое лицо пылало. Неужели это тот, о котором я спорил с Виктором Сергеевичем? Неужели это искусственное существо, синтезированное в лабораториях, — сигом? Неужели только так можно преодолеть барьер, вырваться из-под власти законов живой природы, неистребимо записанных химическим и физическим языком в самой нашей структуре, в веществе, из которого созданы наши организмы, в импульсах, которые бегут по нашим нервам, в гормонах, которые разносит кровь? Вырваться — и стать истинными лидерами, властелинами над самой природой, изменить ее так, как нам нужно, и повести за собой туда, куда захотим? Но ведь был же человек Виктор Сергеевич, просто человек! Разве сам факт его существования не доказывает, что люди могут обойтись без сигома?..

— Что с вами, Петр Петрович? Душно? Вы еще не совсем оправились после болезни? Пойдемте.

Он увлек меня через тамбур в коридор. Его ботинки гулко стучали по каменному полу, а мне казалось, что они сотрясают все здание...

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Михайлович Медведев

ПРОТЕЙ. Фантастическая повесть

Игорь Маркович Росохватский

ЗАКОНЫ ЛИДЕРСТВА. Повесть

Составитель *С. Верин*

© Иллюстрации художника *В. Сафронова*

Редактор *С. Гладкова*

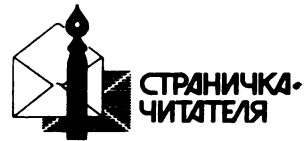
Художественный редактор *А. Орлов*
Корректоры *О. Журавлева, Н. Пехтерева*
© Фото *И. Яццкого*

Технический редактор *А. Кашафутдинова*

Сдано в набор 27.02.89. Подписано в печать 17.04.89. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 7,33. Тираж 3 920 000 экз. (1-й завод 1—3 020 000 экз.). Заказ 545. Цена 65 к.
Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются. Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный номер.

Продолжаем публиковать мнения читателей по различным проблемам деятельности «Роман-газеты»:

«Каждое произведение я читаю с карандашом в руках. «Роман-газета» — моя настольная книга» (Н. Забирова, о. Сахалин).

«Вы печатаете подборки писем читателей, будто ваш журнал всем интересен и все от него без ума, кроме одного — двух читателей. Я не верю, но даже если это так, то пусть я буду третьим» (А. Андрееenko, г. Новозыбков).

«Ваш журнал-газета стал очень интересен. Я люблю и фантастику, и исторические романы. Очень вас прошу: каждый год публикуйте романы Валентина Пикуля, Юрия Нагибина, Дмитрия Балашова, Сергея Алексеева. Роман «Рой» произвел на меня сильное впечатление. Спасибо редакции «Роман-газеты» за то, что мы можем знакомиться с лучшими произведениями наших писателей» (Т. Павловская, г. Пятигорск).

«Уважаемые товарищи! Досадно и обидно было слышать на «Маяке» неприятную новость о том, что тираж «Роман-газеты» сократился на 100 000 экземпляров — ведь это население довольно большого города областного подчинения. А виновата в этом редакция: мельчаете, дорогие товарищи!!!» (Ю. Д. Суханов, г. Горький).

Признаемся, письмо Ю. Д. Суханова нас удивило. Мы никак не думали, что по радио может прозвучать такая информация. Дело в том, что тиражи «Роман-газеты» не только не сокращаются, но неуклонно растут. Вот динамика роста:

1986 —	тираж	1800	тысяч	экземпляров
1987 —	»	2600	»	»
1988 —	»	3500	»	»
1989 —	»	3920	»	»

И это несмотря на прошедшее несколько лет назад повышение цены, против которого категорически возражала редакция.

Редакция «Роман-газеты»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ
Юрий БОНДАРЕВ
Семен БОРЗУНОВ
Витаутас БУБНИС
Олесь ГОНЧАР
Геннадий ГОЦ
Даниил ГРАНИН
Юрий ГРИБОВ
Владимир ДУДИНЦЕВ
Сергей ЗАЛЫГИН
Феликс КУЗНЕЦОВ
Леонид ЛЕОНОВ
Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора)
Василий НОВИКОВ
Евгений НОСОВ
Петр ПРОСКУРИН
Валентин РАСПУТИН
Александр РЖЕШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
Леонид ФРОЛОВ

1a-62

65 к.

70782

РОМАН-12 ГАЗЕТА

